

Т. И. Кимеева

Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Сибири: на примере шорцев

Кемерово 2015

ББК 63.3 (2Р-Кем)

УДК 93

К40

Книга издана при поддержке департамента культуры и национальной политики Кемеровской области

Рецензенты:

доктор ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», директор омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН Н. А. Томилов

доктор ист. наук, проф. кафедры археологии ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», директор экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» В. М. Кимеев

канд. ист. наук, проф. кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», член ИКОМ, уч. секретарь ИКОФОМСиб Г. М. Патрушева

Издание подготовлено в рамках проекта РГНФ № 15-11-42003

Кимеева Т.И.

К040 Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Сибири: на примере шорцев: монография / Т. И. Кимеева. – Кемерово: ТД «Азия-Принт», 2015. – 278 с. – 500 экз.

В монографии на основе исследования материалов музейных коллекций России по традиционной культуре шорцев – одного из малочисленных автохтонных народов Юга Западной Сибири рассматривается проблема актуализации невоспроизводимых в настоящее время предметов народного декоративного искусства, реконструкции технологических приемов их изготовления. Материал издания позволит овладеть навыками утраченных ремесел для дальнейшего использования полученных знаний при восстановлении традиций, применения их в практике, играх, реконструкции народных обрядов.

Монография предназначена для специалистов-культурологов, этнографов, историков, музейщиков, искусствоведов, руководителей национально-культурных центров и всех, интересующихся региональной культурой.

ББК 63.3 (2Р-Кем)

УДК 93

© Т.И.Кимеева
Департамент культуры
и национальной политики КО,
КемГУ, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. АКТУАЛИЗАЦИЯ ДЕКОРАТИВНОГО ИСКУССТВА ШОРЦЕВ КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ИХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	12
1.1. Проблемы актуализации традиционной культуры в современном обществе	12
1.2. Культурно-хозяйственные особенности шорцев	19
1.3. Декор и орнамент в памятниках художественного наследия шорцев ...	33
1.4. Основные семантические мотивы в декоративном искусстве шорцев...	46
Глава 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕМЕСЛА ШОРЦЕВ КАК ЭЛЕМЕНТ ИХ ДОМАШНЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	80
2.1. Формирование художественного направления в мужских домашних ремеслах шорцев	80
2.1.1. Художественная обработка дерева и бересты.....	81
2.1.2. Декорирование кости и рога	95
2.1.3. Художественная обработка металла	107
2.1.4. Изобразительная традиция росписи бубнов.....	115
2.2. Художественная направленность женских домашних ремесел	123
2.2.1. Декоративное оформление текстиля	124
2.2.2. Украшения шорцев как уникальный пласт их традиционной культуры.....	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
СЛОВАРЬ.....	163
ЛИТЕРАТУРА.....	169
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	186
ПРИЛОЖЕНИЯ	187
Приложение 1. Сведения о традиционных обычаях и обрядах шорцев в трудах исследователей	187
1.1. Обряд Шачыг «Река-гора» у шорцев	187
1.2. Обычаи и обряды, связанные с горами	191
1.3. Охотничьи поверья и обряды	197
1.4. Получение шаманского дара у шорцев	204
1.5. Изготовление шаманского бубна у шорцев.....	207
1.6. Обряд оживления бубна у шорцев	212
1.7. Обряд испрашивания плодородия	213
1.8. Традиционные блюда для обрядов.....	219
1.9. Обычаи, относящиеся к сватовству и свадьбе у шорцев	223
Приложения 2. Таблицы	233
Приложения 3. Фото.....	242

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования историко-культурного наследия каждого из народов в условиях глобализации современного общества обосновывается тем, что именно наследие служит основой культурного многообразия. Актуализация же данного явления способна не только содействовать сохранению неповторимости каждой из традиционных культур, но и создать в условиях их многообразия возможность культурного диалога для формирования толерантности и взаимопонимания между народами.

Музееведами культурное наследие определяется как фундамент культуры, необходимое условие ее воспроизводства, развития и жизнеспособности. Культура же предстает как актуальный опыт и содержание внутреннего мира людей: с одной стороны, существуя как артефакт в виде созданных руками человека предметов, с другой – как значения и смыслы этих артефактов¹. Культурное наследие также неоднозначно: оно включает активную составляющую, посредством которой оно существует в современности, и пассивную – зафиксированную в музейных собраниях, в памяти носителей культуры и отголосках забытых народных традиций.

Культурное наследие многообразно и наряду с другими составляющими включает проявления традиционной (этнической) культуры, под которой принято понимать совокупность материальных и духовных ценностей того или иного народа. Составляющей частью традиционной культуры являются передаваемые из поколения в поколение бытовые, праздничные, а также художественные традиции народа. Народная художественная культура может быть представлена фольклором, декоративно-прикладным творчеством и другими видами народного искусства². В российской науке рассматривалось и такое понятие как «традиционное художественное производство»»,

¹ Мастеница Е. Н. Актуализация культурного наследия в музее: образовательный аспект [Текст] / Е. Н. Мастеница // Образование в пространстве культуры: сб. науч. статей. – М.:РИК, 2005. – Вып.2. – С. 199, 201.

² Гладилина И. П., Королева Г. М. Роль традиционной народной культуры в консолидации современного общества // Армия и общество. – 2012. – Вып. 4 (32) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-traditsionnoy-narodnoy-kultury-v-konsolidatsii-sovremennogo-obschestva>. – Загл. с экрана.

отражающее нематериальную и материальную составляющие культурного наследия.³

Исходя из вышеизложенного, сосредоточенные в музейных собраниях предметы декоративного характера можно трактовать как художественное наследие народа. Таким образом, под художественным наследием в данной работе условимся понимать созданные носителями культуры в разные исторические периоды предметы, имеющие отношение к народному декоративному искусству, традиционные приемы изготовления которых передавались ими из поколения в поколение. Памятники художественного наследия аккумулируют в себе синкретическое единство материального и нематериального. С одной стороны, это предметы, имеющие материальное воплощение: орудия промыслов, культовые предметы, украшения съемные и нашивные. С другой стороны, они заключают в себе семантику оберегов, нанесенных различными приемами на костяные и роговые, деревянные, текстильные и др. предметы. Понятие художественное наследие тесно связано с декоративно-прикладным искусством народа, под которым традиционно понимаются «творческие ремесла, которые посвящены созданию художественных изделий, предназначенных главным образом для быта»⁴.

Практическая значимость исследования возможностей воссоздания памятников декоративного искусства заключается в его освоении – реконструкции технологических приемов изготовления, расшифровке семантики. Что является чрезвычайно актуальным в настоящий период, так как формы художественного наследия шорцев на современном этапе не способны к самовоспроизводству. Освоение, по мнению исследователей в области музееведения, это «универсальный способ сохранения наследия, остающегося живым и действенным, даже когда та или иная форма бытия культуры перестает существовать физически. Освоенная социумом культурная форма обретает свое духовное бытие и способность воплотиться в

³ Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке [Текст] / А. С. Каргин, А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – С. 59–71.

⁴ Художественная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/917/. – Загл. с экрана.

новой форме культуры иного времени и пространства. Освоенное культурное наследие способствует объединению людей в социуме»⁵. В современном обществе назрела необходимость синтеза информации по обобщению результатов практического и научно-исследовательского опыта работы с культурным наследием, включением его в актуальную культуру. Многообразие культурного наследия велико. «Степень овладения наследием, приемами его рационального использования является показателем культурного уровня общества»⁶.

Подлинные памятники традиционной культуры преимущественно сохраняются в музейных собраниях страны. Главная задача музея как хранителя и транслятора культурного наследия заключается в раскрытии этого унаследованного потенциала⁷. На основе исследования музейных предметов представляется возможной актуализация наследия, значимость которой обусловлена утратой традиций их воспроизводства. Уже в 1936 г. Л. П. Потапов, занимаясь исследованием традиционной культуры шорцев, писал, что многое из наблюдаемого им в экспедиции 1927 г. к 1934 г. совершенно исчезло, а отдельные явления превратились в «крайние пережитки»⁸. Проблемы актуализации традиционной культуры еще в 1990-е гг. неоднократно обсуждались в рамках научных конференций⁹.

Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области в своей совместной деятельности с национально-культурными центрами проводит мероприятия, направленные на возрождение традиций народов Кузбасса. Однако недостаток специальной литературы не позволяет объективно подойти к вопросам актуализации народной культуры. Без исследования проблем формирования культурных традиций, их специфики и

⁵ Шулепова Э.А. Культурное наследие в контексте инновационных гуманитарных технологий [Текст] / Э. А. Шулепова, М. Е. Каулен, И. В. Чувилова и др. // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. статей. – Кемерово: Кемеров. Гос. Ун-т культуры и искусств, 2009. – Вып. III. – С. 5–91.

⁶ Шулепова Э.А. Культурное наследие в контексте инновационных гуманитарных технологий [Текст] / Э. А. Шулепова, М. Е. Каулен, И. В. Чувилова и др. // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. статей. – Кемерово: Кемеров. Гос. Ун-т культуры и искусств, 2009. – Вып. III. – С. 5–91.

⁷ Мастеница Е. Н. Интерпретация культурного наследия в музее: гуманитарный дискурс [Текст] / Е. Н. Мастеница // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3. – С. 6.

⁸ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 260 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/PotapovShoriya.html>. – Загл. с экрана.

⁹ Кимеева Т. И. Проблемы реконструкции сценического костюма фольклорных ансамблей тюркоязычных народов Кузбасса [Текст] / Т. И. Кимеева, В.М. Кимеев // Материалы Всероссийской научной конференции. – Омск: ОТИБО, 1995. – Ч. 1. – С. 96–100.

овладения традиционными приемами народных мастеров невозможно воссоздание образцов, отвечающих требованиям традиционности.

В условиях утраты подлинных памятников народной культуры воссоздание аутентичных ремесел происходит на перекрестке традиционных и модернизированных культур. Так, результаты исследования воссозданных образцов традиционного прикладного искусства в результате деятельности национальных творческих коллективов шорцев показали, что происходит выбор иноэтничных, более аттрактивных, чем шорские, элементов. В качестве «традиционных» в шорском искусстве появляются, например, украшения в виде меховой розетки, характерной для культуры Севера Сибири – чукчей, коряков¹⁰, либо элементы декора костюма южных алтайцев¹¹. В связи с этим становится чрезвычайно актуальной деятельность по изучению и использованию памятников декоративного искусства, хранящихся в музейных собраниях, способных служить подлинными образцами при реконструкции народного искусства. Относительно этого утверждения можно привести другой пример: основатель и директор музея этнографии и природы Горной Шории, знакомая с артефактами, придерживается при создании образа коренной жительницы горнотаежной местности отражения в костюме специфики культуры своего народа¹².

Шорцы являются малочисленным коренным народом Кемеровской области, по данным переписи населения России 2002 г. их численность – 13 975 чел., в Кузбассе 10672 чел.¹³. Это – тюркоязычный народ, проживающий на юге области в горнотаежной местности, получившей в XX в. название Горная Шория. Немногочисленные группы шорского сельского населения, не утратившего свою традиционную культуру и разговорный язык, сохранились на территории области в таежных поселках по р. Мрассу и ее левому притоку Пызасу.

¹⁰ Абалар пайрам // Кузбасс регион согласия. – Вып. 1. – ноябрь, 2008. – С. 17; Чубарова Л. И. Народные художественные ремесла корякского автономного округа // Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока [Текст] / Л. И. Чубарова, Т. Б. Митлянская. – С. 79 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000039/index.shtml>. – Загл. с экрана;

¹¹ Абалар пайрам // Кузбасс регион согласия. – Вып. 1. – ноябрь, 2008. – С. 16–17

¹² Шихалева Надежда Алексеевна. Человек – носитель культуры // Кузбасс регион согласия. – Вып. 6. – октябрь, 2014. – С. 7.

¹³ Народы Кузбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://народыкузбасса.рф/index.php/narody>. – Загл. с экрана.

Исследователями этнической истории шорцев выделяется три этапа: 1) формирование этнотерриториальных групп их исторических предков (XVII – н. XX вв.); 2) консолидация шорцев в условиях советского национально-культурного строительства (сер. 1920 гг. – к. 1930 гг.); 3) этнокультурная трансформация шорцев в отсутствие национально-государственного образования (к. 1930-х гг. – настоящее время)¹⁴.

Общим самоназванием всех групп шорцев было «тадар-кижи». Отдельные группы исторических предков шорцев в источниках XVIII – н. XX вв. именовались по местообитанию – «черневые татары» (живущие в черневой тайге), «мрасцы» (по р. Мрассу), «кондомцы» (по р. Кондоме), «верхотомцы» (по р. Томи), а также по названиям родов, например, «абинцы», «шорцы», «каларцы», «каргинцы» или по роду занятий – «кузнецкие татары».

Наиболее консолидированными были большие семьи (*тöли*) окрестностей Кузнецка, известных уже в XVIII в. под названием «татары абинцы», составившие к концу XIX в. в пределах Кузнецкого уезда северную лесостепную часть формирующегося шорского этноса. Многочисленными группами южных горнотаежных исторических предков шорцев являлись представители родов-*сöдков* – «шор» и «бирюсинцев». Таким образом, выделялись две основные группы предков современных шорцев: северная лесостепная абинская и южная горнотаежная шорско-бирюсинская, отличающиеся уровнем социально-экономического развития, особенностями хозяйства и культуры.

К появлению в регионе русских процессы межэтнической интеграции различных по происхождению групп местного населения были в основном завершены. С образованием в XVII в. Кузнецкого уезда и усилением в его пределах экономических, языковых и этнокультурных контактов началось

¹⁴ Аборигены Кузбасса. Современные этнополитические процессы [Текст] / ред.-сост. В. М. Кимеев, В. В. Ерошов. – Кемерово: Кузбассвузиздат. – С. 14.

формирование нового этнического образования, за которым в I четверти XX в. закрепилось обобщенное название «шорцы»¹⁵.

Основными фундаментальными источниками по материальной и духовной культуре шорцев явились труды ученых-этнографов, работавших в тесном сотрудничестве с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры), где хранятся экспедиционные материалы – А. В. Анохина, Н. П. Дыренковой, Л. П. Потапова. В их числе уникальный фотоархив Н. П. Дыренковой под № 3662, в котором отражены результаты экспедиции в Горно-Шорский район Сибкрая в 1927 г. Не менее уникальными являются фотоматериалы из фондов Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ), представляющие собой фотоснимки И. Г. Иванова, сделанные им в ходе землеустроительной экспедиции на территории Горной Шории от истоков Мрассу до ее устья¹⁶.

Кемеровским этнографом, чья исследовательская деятельность в 1980-е гг. также была связана с Кунсткамерой и экспедициями Ленинградского государственного университета, В. М. Кимеевым исследовался этнический состав и основы традиционной культуры шорцев.

Одним из первых к изучению памятников, сосредоточенных в музеях, обратился известный советский ученый С. В. Иванов¹⁷. Музейные материалы по культуре шорцев исследовались им в музеях Томска (1934), в Барнаульском, Бийском, Горноалтайском, Новосибирском музеях (1935). Ряд музеев юга Западной Сибири, в составе которых сосредоточены коллекции по шорцам, остались вне поля зрения исследователя.

В 1979 г. Министерством культуры РСФСР была поставлена задача паспортизации музейных коллекций. При участии таких ученых как

¹⁵ Кимеев В.М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции [Текст] / В.М. Кимеев. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008. – С. 65–71.

¹⁶ Каталог фотографий Г. И. Иванова «Горная Шория. 1913 г.» [Электронный ресурс]: сайт Алтайского государственного краеведческого музея. – Режим доступа: http://www.agkm.ru/katalog_foto.html – Загл. с экрана.

¹⁷ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // Труды института этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л. 1954. – Т. XXII. – С. 661-675; К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея Антропологии и этнографии [Текст] / С.В. Иванов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XVI. – С. 165–265; Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) // Труды института этнографии [Текст] / С.В. Иванов. – М.-Л. 1963. – Т. 81. – 500 с.; Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар XVIII – первая четверть XX вв. [Текст] / С.В. Иванов. – Л.: Наука ЛО, 1979. – 194 с.

Н. А. Томилов, В. Д. Славнин, Г. М. Патрушева и др. появляются каталоги, отражающие состав фондовых собраний музеев Сибири, в которых хранятся и этнографические материалы по традиционной культуре шорцев.

В 1993–1998 гг. в период повышения интереса автохтонных народов к своей традиционной культуре, по заказу департамента культуры администрации Кемеровской области Т. И. Кимеевой были проведены анализ, систематизация и литературно-этнографическая обработка коллекционных описей шорских предметов, предоставленных музеями России. Собранный в каталоге воедино материал из разных музеев России раскрывает практически все стороны традиционной культуры шорцев: виды хозяйственной деятельности; специфику домашних ремесел, включающих изготовление домашней утвари, орудий труда и промыслов, костюма и украшений; основы религиозных верований. Сводный каталог шорских этнографических коллекций в музеях страны обеспечивает их комплексное изучение, а также использование данных о памятниках народной культуры для их реконструкции и трансляции в условиях современности.

Особый интерес в музейных коллекциях представляют предметы художественного наследия шорцев – особого проявления народной культуры, сформированного на основе древних мифологических представлений и верований. Как отмечал известный сибиревед Л. П. Потапов, «религия подчас является богатейшим музеем древних обычаев»¹⁸.

Комплексного исследования предметов художественного наследия до настоящего времени не проводилось. Например, не подвергались специальному изучению женские украшения шорцев, возможно, по причине бытования мнения о несложности их формы и техники изготовления. Тем не менее, комплексное изучение материалов коллекций целого ряда музеев позволяет утверждать, что они представляют большой интерес в плане своей аттрактивности, манеры исполнения, способам ношения. Из-за полной утраты традиций их создания и бытования, к реконструкции технологических

¹⁸ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 260 с.

приемов в данной работе привлечены исключительно материалы музейных коллекций в комплексе с данными фотоархивов музеев.

Работа состоит из двух глав, в первой из которых обосновывается актуализация традиционных художественных ремесел шорцев, описываются особенности хозяйства шорцев и формирование в рамках их хозяйственно-культурной деятельности декоративного направления ремесел, во второй раскрываются основные технологические приемы создания образцов народного декоративного искусства. Работа дополнена приложениями, на основе которых станет возможной реконструкция обычаев и обрядов шорцев.

Приложение «Сведения о традиционных обычаях и обрядах шорцев в трудах исследователей» представляет собой выдержки из работ, опубликованных в начале – середине XX в. и посвященных культуре народов Саяно-Алтая среди которых, иногда фрагментарно, были представлены материалы о шорцах. Преимущественно труды ученых обозначенного периода были посвящены алтайцам в целом, среди которых ими выделялись группы южных и северных алтайцев, к последним из них относились шорцы. В приложении данной монографии для реконструкции явлений традиционной культуры шорцев предлагается ознакомиться с обрядовыми традициями исключительно шорского народа, сведения о которых представлены в трудах известных исследователей, зафиксировавших элементы культуры еще в период их бытования или сохранения о них сведений у носителей этой культуры – Н. П. Дыренковой, Л. П. Потапова, В. П. Дьяконовой, Ф. А. Сатлаева и др.

Приложения второй группы – это таблицы, в которых представлены результаты авторской систематизации предметов из шорских коллекций музеев России.

Глава 1. АКТУАЛИЗАЦИЯ ДЕКОРАТИВНОГО ИСКУССТВА ШОРЦЕВ КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ИХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

1.1. Проблемы актуализации традиционной культуры в современном обществе

В условиях повышенного интереса к этническим культурам в условиях современности неизбежно возникает проблема актуализации культурного наследия. Под актуализацией наследия в современном музееведении понимается «деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации»¹⁹. Таким образом, в рамках актуализации осуществляется как сохранение историко-культурного наследия народа, так и его презентация. Актуализация подразумевает использование ряда методов: трансляции, фиксации, реконструкции.

Под трансляцией понимается механизм передачи традиции ее носителем последующим поколениям. К сожалению, в народной шорской среде на данном этапе развития общества носителями культуры традиции шорских ремесел не воспроизводятся в том виде, в каком они существовали до первой четверти XX в. Поэтому правомерно говорить о наследниках традиции, отличающихся от носителей тем, что они не осуществляют передачу традиции. Сведения, которыми обладают наследники традиции, как правило, фрагментарны, дискретны и недостаточны для воссоздания образцов традиционных народных ремесел²⁰.

В музее трансляция осуществляется на основе метода фиксации, который при отсутствии живого носителя традиции невозможен. Однако данный метод активно использовался этнографами и краеведами –

¹⁹ Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – М., 2009. – №5. – С. 49.

²⁰ Глушкова П.В. Проблема фиксации объектов нематериального культурного наследия русских в рамках их актуализации в деятельности музея: на примере Кемеровской области [Текст] / П. В.Глушкова // Университеты в системах развития и интеграции России: сб. материалов всероссийской научной конференции. – Омск, 2014.

собираемыми предметами традиционной культуры и может применяться сегодня сотрудниками музеев на основе исследования подлинных материалов музейных коллекций. Традиции народных художественных ремесел шорцев сегодня могут быть только восстановлены на базе имеющихся материалов музейных собраний, включающих не только коллекции, но и фотоархивы, документальные архивы и полевые дневники этнографических и краеведческих экспедиций. На основе полученных в ходе исследований этих источников данных, может быть осуществлена реконструкция. Реконструкция – научно обоснованное восстановление утраченного или руинированного культурного или природного объекта либо его частей, моделирование нематериальных и материальных объектов с целью получения информации об их функционировании²¹.

В современном музееведении рассматриваются возможности решения сохранения культурных ценностей, которые должны быть сохранены или реконструированы в целях передачи новым поколениям и какие наиболее оптимальные способы передачи могут быть избраны²².

В основе предлагаемой работы по реконструкции художественных ремесел шорцев – результаты исследований материалов, являющихся частью музейных собраний страны. В их числе: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого г. Санкт-Петербурга (Кунсткамера) (МАЭ); Российский этнографический музей г. Санкт-Петербурга (РЭМ), Омский государственный историко-краеведческий музей – на период составления и публикации каталога по шорцам – Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (ОГОИЛМ); Музей археологии и этнографии Томского государственного университета (МАЭ ТГУ); Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КМАЭЭ); Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН г. Новосибирска (МИКНСиДВ); Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова (ТОКМ); Кемеровский

²¹ Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.

²² Шулепова Э.А. Культурное наследие в контексте инновационных гуманитарных технологий [Текст] / Э. А. Шулепова, М. Е. Каулен, И. В. Чувилова и др. // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. статей. – Кемерово: Кемеров. Гос. Ун-т культуры и искусств, 2009. – Вып. III. – С. 12.

областной краеведческий музей (КОКМ); Новокузнецкий краеведческий музей (НКМ); Музей этнографии и природы Горной Шории г. Таштагол (МЭП), Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (МАЭ ОмГУ), экомuseum-заповедник «Тюльберский городок» (ЭМЗТГ), музей-заповедник «Томская писаница» (МЗТП). Среди материалов музейных собраний исследовались подлинные музейные предметы как памятники историко-культурного наследия шорцев; коллекционные описи музеев, предоставленные автору данной работы при подготовке сводного каталога шорских этнографических коллекций в музеях России²³; фотоархивы и документальные архивы музеев, в их числе и копии, хранящиеся в архиве музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета²⁴.

Комплектование и научная обработка музейных коллекций по этнографии шорцев в музеях России прошли несколько стадий: от бессистемного сбора отдельных предметов, до целенаправленного формирования фондов по научным программам²⁵. В 1891 г. известные сибирские исследователи Н. М. Ядринцев и А. В. Адрианов преподнесли в дар Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого коллекцию (№ 335), в которой имелось несколько бытовых предметов алтайцев (куда включались кузнецкие татары-шорцы). Эти немногочисленные научно недокументированные коллекции и заложили основу коллекционного фонда по народам Южной Сибири²⁶. Более систематичные поступления осуществлялись в начале XX в. В 1914 г. А. В. Анохиным были переданы собрания предметов культа и быта шорцев, привезенные им из Кузнецкого уезда Томской губернии. С 1927 г. фонды музея пополнились материалами из Горно-Шорского района, собранными ленинградскими этнографами Н. П. Дыренковой, И. Д. Старынкевич. Среди собранных ими в улусах Кечин,

²³ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. [Текст] / сост. Т.И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – В 5 ч.

²⁴ Анохин А.В. Материалы о шорцах. – Ф. 11. – Оп. 1. – № 101. – С. 557–579 (копии) // Архив В. М. Кимеева. Отдел этнографии музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» КемГУ. – Д. 856–28, 30, 31, 32; Дыренкова Н. П. Фотоколлекция № 3662 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок»: (электронные фотокопии); Коллекционные описи материалов Н. П. Дыренковой в МАЭ им. Петра Великого // Архив В. М. Кимеева. Отдел этнографии музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» КемГУ. – Д. 856–35.

²⁵ Кимеева Т. И. Культурные аспекты этнического взаимодействия аборигенов и русских Притомья [Текст]: дис. ... канд. культурологии: 23.00.03 / Т.И. Кимеева. – Кемерово, 2003. – С. 17–23, 133–141, 269–271.

²⁶ Дьяконова В. П., Клюева Н.И. Этнографические коллекции 30-х годов по алтайцам и хакасам в собрании МАЭ [Текст] / В. П. Дьяконова, Н. И. Клюева // Собрания Музея Антропологии и этнографии АН СССР. – Л.: Наука, 1980. – С. 73–85.

Усть-Колзас, Карчит, Верхние Кичи, Усть Кабырза предметов представлены: низанные из бусин и бисера серьги, деревянная культовая скульптура, халаты с вышитыми воротниками и др. Особое место в музее занимают большие собрания 1930-х гг., получившие название «Новоэкспорт» и предназначавшиеся по решению Наркомторга РСФСР на продажу за границу, но не востребованные и частично переданные в фонды в 1932 г. Основными собирателями коллекций «Новоэкспорта» среди шорцев были этнографы А. В. Анохин и А. И. Новиков, доставившие материалы из улусов Нижний Алзак, Средний Челей, Верхний Колзас, Усть-Пызас, Усть-Азас, Таяс, Ушкайбук и др. Среди коллекционного материала имеются предметы, дающие представление о традиционном декоративном искусстве народа – вышивке и аппликации по текстилю, резьбе по дереву, кости и рогу, изготовлению украшений.

Комплектование фондов Российского этнографического музея по народам Сибири осуществлялось при активном участии Д. А. Клеменца – первого заведующего этнографическим отделом, разработавшего «Программу для собирания этнографических предметов». В процессе ее подготовки были выделены определяющие свойства вещей, пригодных для включения в музейные коллекции²⁷. Шорские коллекции в музее представлены единичными экземплярами, большой интерес представляют выполненные в технике скульптурной резьбы «двухголовые» изображения охотничьих духов – *тайгамов*.

Значительный предметный материал по шорцам хранится в музеях г. Омска. Этнографическая коллекция Омского государственного историко-краеведческого музея по культуре шорцев бассейнов рр. Мрассу, Кондомы, Томи насчитывает около двухсот предметов традиционной культуры, собранных в основном в 1900 г. исследователем Саяно-Алтая С. П. Швецовым. Часть экспонатов первых коллекций не возвратилась в музей после выставок, часть была утрачена во время Гражданской войны. Сведения о последних сохранились в неопубликованном каталоге С. П. Швецова и в старых инвентарных книгах этнографического отдела

²⁷ Дмитриев В. А., Калашникова Н. М. О принципах комплектования фондов этнографических музеев на современном этапе [Текст] В. А. Дмитриев, Н. М. Калашникова // Советская этнография. – М., 1989. – № 2. – С. 60.

музея. Коллекция представляет огромный интерес в плане изучения художественного наследия шорцев. В ней представлены образцы сшитых в виде широкой полосы и декорированных вышивкой женских поясов, плетеных и низанных из бисера и бусин ушных и шейных украшений, украшенных вышивкой и раковинами каури халатов, художественно оформленных подвязок для обуви и др.

В 1975–1986 гг. омскими этнографами Н. А. Томиловым и Г. М. Патрушевой по рр. Мрассу и Кондоме собрана коллекция утвари и орудий труда, включенная в фонды Музея археологии и этнографии Омского государственного университета²⁸. Наиболее интересные экземпляры ими были переданы в создающийся Музей этнографии и природы Горной Шории в г. Таштагол, поэтому предметов декоративного искусства в коллекции ОмГУ не представлено.

О целенаправленном интересе к культуре автохтонного населения края свидетельствуют коллекции музеев г. Томска. Основная часть материалов по шорцам в Музее археологии и этнографии Томского государственного университета собрана сотрудником музея А. К. Ивановым в Горно-Шорском районе в 1925–27, 1930 и 1934 гг. Отдельные вещи привезены из Горной Шории Г. М. Пелих в 1960–е гг.²⁹ Коллекционные материалы дают представление о художественной резьбе по рогу и дереву, вышивке, аппликации, особенностям ушных, накосных и нагрудных украшений шорцев улусов Усть-Пызас, Нижние Кичи.

Основа шорской этнографической коллекции в Томском областном краеведческом музее заложена З. С. Гайсиным, лично знакомым и состоявшим в переписке с Г. Н. Потаниным³⁰. Он в 1924–25 гг. посетил шорские улусы по заданию Томского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы³¹. Среди

²⁸ Патрушева Г. М. Этнографическая экспозиция музея археологии и этнографии омского государственного университета [Текст] / Г. М. Патрушева // Музей и общество на пороге XXI века: Материалы научной конференции, посвященной 120-летию Омского государственного историко-краеведческого музея / Отв. ред. П. П. Вибе. – Омск: Омский историко-краеведческий музей, Сибирский филиал Российского института культурологии, 1997. – С. 187–189.

²⁹ Славнин Д. П. Этнографические коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета [Текст] / Д. П. Славнин, Н. А. Томилов // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 8–13.

³⁰ Приль Л. Н. Зариф Гайсин: новые источники к биографии // Центр документации новейшей истории Томской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdnito.tomsk.ru/zarif-gajsin-novye-istochniki-k-biografii.htm>. – Залг. с экрана.

³¹ Тучков А. Г. Томские этнографические экспедиции в Горную Шорию [Текст] / А. Г. Тучков // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – С. 165–191.

материалов этой коллекции имеются такие уникальные предметы как многоярусный женский накосник из полос кожи, медных колец, раковин каури и бусин.

Предметы традиционной культуры шорцев имеются в ведущих музеях г. Новосибирска. Коллекция Новосибирского государственного краеведческого музея в настоящее время состоит из 14 коллекций коренных народов Сибири: алтайцев, бурят, долганов, казахов, кетов, ненцев, обских угров (хантов и манси), селькупов, татар, тофаларов, хакасов, шорцев, эвенков и якутов. Благодаря самоотверженной работе первых сотрудников музея удалось сохранить уникальные предметы быта, шаманского культа и народных промыслов аборигенов Сибири, которые практически полностью утратили традиционную культуру в XX столетии³².

Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук г. Новосибирска располагает шорскими предметами в составе тюркской коллекции, сформированной благодаря А. П. Погожевой, шоркой по национальности, выпускницей исторического факультета МГУ. В 1970-е гг. в качестве сотрудника Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Погожева провела две этнографические экспедиции в Горную Шорию, в частности, в пос. Шор-Тайга, где ею был собран материал по теме «Этнография шорцев»³³.

Фонды и экспозиции музеев г. Кемерово содержат значительный по объему и содержанию материал по культуре шорцев. Кемеровский областной краеведческий музей располагает уникальными предметами народного искусства шорцев конца XIX в.: коллекций декорированных резьбой предметов из кости и рога, вышитого текстиля, деревянной скульптурной резьбы, приобретенных в улусах Мыски, Камзас, Нижний Алзак, Кичи, Эльбеше и др.

Шорская коллекция Новокузнецкого краеведческого музея связана с именем его основателя Д. Ярославцева. Основная часть сборов 1910–20 гг.

³² Новосибирский государственный краеведческий музей [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://sib.net/novosibirsk/statemuseum/>. – Загл. с экрана.

³³ Тюрки Западной Сибири: этнографическая коллекция МИКНС Института археологии и этнографии СО РАН // Архив МИКНСИДВ А и Э СО РАН.

была выслана в 1922 г. на Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москву и назад не вернулась. Значительные поступления в музей в 1920–50 гг. осуществлены благодаря деятельности начальника Управления лагерей Южного Кузбасса Г. С. Блынского и личным собранием художника музея К. А. Евреинова. В 1960–90 гг. экспонаты были получены путем закупок у населения и коллекционеров и в ходе экспедиций в Горную Шорию Д. Д. Белошицкого (1950–60-е гг.) и Ю. В. Ширина (1980–90-е гг.). Материал собирался преимущественно в окрестностях современного города Новокузнецка, среди которых улус Камешок, пос. Абагур и Тайлеп. Предметы декоративного искусства шорцев в музейной коллекции представлены резьбой по дереву и рогу, вышивкой на воротниках халатов и др.

Этнографическая шорская коллекция музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета скомплектована в 1980–90-е гг. и связана с именами преподавателей, студентов исторического факультета и сотрудников музея – В. М. Кимеева, Д. А. Функа, Д. В. Кацюбы, Т. И. Кимеевой, Н. А. Белоусовой³⁴. В 1980–е гг., с 1990 по 1993 гг. материал собирался в среднемрасских поселках: Усть-Анзас, Кезек, Парушка, Усть-Ортон и верхнемрасских: Адыаксы, Камзас; в 1992–94 гг. – в низовьях Мрассу; в 1987 г. – в поселках Чилису-Анзас, Бугзас, Учас, Трехречье, Ильинка. Кроме предметного материала в результате научно-исследовательской работы в музее сформировался значимый архив, включающий: скопированные вручную копии неопубликованного архива А. В. Анохина, отражающего семантику изображений на шаманских бубнах; копии фотоколлекции Н. П. Дыренковой № 3662 по результатам Горно-Шорской экспедиции 1927 г.; фотоматериалы и рукописи В. М. Кимеева и Т. И. Кимеевой, зарисовки шорских этнографических предметов в музеях Кемеровской области Д. В. Кацюбы.

Музей-заповедник «Томская Писаница» также располагает коллекцией по традиционной культуре шорцев, собранной в поселках Таштагольского

³⁴ Кимеева Т.И. История формирования этнографических коллекций. Шорцы. Телеуты. Русские. Эвенки // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.– Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2004. – Вып. 1. – С. 77–92; Из истории формирования этнографических коллекций. Телеуты, шорцы (колл. Д.В. Кацюбы). Русские. Мордва (колл. А.В. Циркина) // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.– Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2006. – Вып. 2. – С. 83–96.

района в 1991 г. – Ближний Кезек и Парушка³⁵. Особый интерес для настоящего исследования вызывает хранящаяся в фондах музея курительная трубка, орнаментированная в технике объемной резьбы³⁶.

Значительный материал сосредоточен в национальном музее, связанном с традиционной культурой шорцев – Музее этнографии и природы Горной Шории в г. Таштагол. В 1991 г. в это музей была передана значительная коллекция по традиционной культуре шорцев, собранная в пос. Таштагольского района в результате этнографической экспедиции КемГУ под руководством В. М. Кимеева. С 1990 по 1994 гг. музеем было организовано 18 этнографических экспедиций на территории Таштагольского, Мысковского и Междуреченского районов Кемеровской области, а также в районы Хакасии, где проживают шорцы. Декоративное искусство в материалах коллекции представлено тиснением по бересте на культовых туесах, вышивкой по текстилю, декорированием раковинами каури.

Таким образом, в музейных собраниях сосредоточен достаточно обширный материал, созданный носителями традиционной культуры в XIX – первой половине XX вв., который может быть успешно использован в процессе актуализации художественного наследия шорцев

1.2. Культурно-хозяйственные особенности шорцев

Низкогорный ландшафт с пихтово-кедровой тайгой, реками с их многочисленными притоками определяли круг основных занятий шорцев. Основной хозяйственной деятельностью народа являлось ведение промыслов – охоты и собирательства, сочетаемых с ручным земледелием, придомным животноводством и рыболовством. Каждая из групп, вошедших в состав шорцев, по причине их проживания в определенных географических условиях, имела свои особенности в хозяйственной деятельности. Так, представители лесостепной абинской группы в нач. XX в. стали под влиянием русских крестьян заниматься пашенным земледелием, стойловым скотоводством, пчеловодством, скупкой мехов, меда, ореха и их реализацией

³⁵ Отчет об экспедиции в Горную Шорию // Научный архив музея-заповедника «Томская Писаница». Этнографический фонд.

³⁶ Этнографическая коллекция (шорцы) // Сайт музея-заповедника «Томская Писаница» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gukmztp.ru/fonds_etno2.html. – Загл. с экрана.

на рынке, доставкой грузов на прииски. Занятия горнотаежных шорцев-бирюсинцев традиционно базировались на присваивающих формах хозяйственной деятельности: охоте, собирательстве, рыболовстве, сочетаемых с мотыжным земледелием. Лишь отдельные семьи по рр. Кабырзе и Мрассу занимались пчеловодством.

Охота являлась основным мужским занятием шорцев, чему способствовали природно-географические условия региона, называемого в настоящее время Горной Шорией. По географическому признаку исследователи выделяют у шорцев два типа охоты: горнотаежный и лесостепной. Южные группы ориентировались на пушное направление, северные практиковали охоту на копытных, сочетаемую с добычей пушных зверьков. Приемы организации охотничьего промысла у различных групп имели общие черты. Охотились группами, составленными из мужчин-родственников на родовых территориях тайги. Промысел *харыг* подразделялся на осенний (в октябре-ноябре) и зимне-весенний (ноябрь-март), кроме того, наблюдалась кратковременная охота круглый год. Шорцы объединялись в группы (артели) по родственному принципу, число охотников в которых варьировалось от 2 до 6 человек, и оправлялись на родовые охотничьи территории, расположенные от улусов на расстоянии от 50 до 200 километров³⁷.

В основе охоты у шорцев лежал пеший тип, при котором средством передвижения в зимнее время с установлением снежного покрова служили лыжи, подбитые конским камусом, и деревянный посох-*каек* с напоминавшей совок лопастью и служивший как для управления, так и разгребания снега (фото 2). В непродолжительные летний и осенний сезоны уходили в тайгу без специальных средств передвижения.

По способам применения охотничьих орудий шорцами у них выделяются также два типа охоты – активный и пассивный. Оба типа подразумевали наличие охотничьей собаки, которая имела значение

³⁷ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovShoriya/01-ohota.pdf>. – Загл. с экрана.

в шорской охоте преимущественно во второй половине зимы, когда слежавшийся снег выносил тяжесть ее тела.

Активная охота в древности подразумевала выслеживание промысловиком зверя с охотничьим луком, замененным с к. XVIII в. огнестрельным оружием, в основном ружьями тульского ружейного завода. Активный промысел у шорцев включал и загонную охоту на копытных – оленя, марала, лося и косулю, мясо которых составляло значительную часть рациона охотников и их семей. В конце февраля-марте промысловики на камусных лыжах загоняли копытных по глубокому снегу с настом, и они становились их добычей.

Пассивная охота в материалах музейных коллекций отражена большим количеством ловушек на различных животных, большая часть которых имеет древнее происхождение. По назначению и принципу действия их можно разделить на: давящие, ущемляющие, ставные луки-самострелы, самоловы-удавки, сети. Из давящих орудий шорские охотники использовали плашки *пасмак*. Состояла такая ловушка из двух массивных досок или полубревен: основания и давка, по боковым сторонам устанавливались «ворота», к их перекладине привязывался сторожок (табл. 1: 1). Принцип действия плашки заключался в том, что давок полностью закрывал тело зверька при срывании им насторожки и не повреждал шкурки. Устанавливая плашку на дереве, добывали с ее помощью белку, на горностае ее настораживали на земле.

Другим типом давящих приспособлений для добычи зверя были кулемы, отличающиеся от других давящих орудий тем, что удар давка приходился поперек спины животного, а не по вдоль. Размеры кулемы зависели от величины промыслового зверя, самыми мелкими были кротовые кулемы (табл. 1: 2)

К давящему типу орудий относится дуплянка *сокна*, основу которой составлял полый обрубок бревна с небольшим полукруглым отверстием в стенке, а давком служил меньший по диаметру деревянный цилиндр (табл. 1:

3). Дуплянки предназначались для охоты на мелких пушных зверьков, их приставляли отверстием к норе.

Часть способов охоты основывалась на принципе ущемляющего действия с использованием опыта лучкового боя и включала большое разнообразие черканов: вильчатые, рамочные, лопаточные, черканы с деревянной трубой. Самыми распространенными были вильчатые порошковы черканы с основой из развилки дерева, концы которой заострялись и втыкались в землю (табл. 1: 5). В музейных коллекциях зафиксированы лопаточные черканы с давком в виде лопатки со скошенными плечиками (табл. 1: 8) и рамочные черканы с основой из согнутого прута (табл. 1: 6). Только по материалам шорских коллекций известен черкан с деревянной трубой, не имеющий аналогов у других народов (табл. 1: 7). Черканы устанавливались на мелких пушных зверей и все носили название *шергей*. В конце XIX – начале XX вв. из ущемляющих орудий получают распространение железные дуговые капканы (табл. 1: 9).

В состав охотничьих ловушек включались сети. Колонков ловили сетью-рукавом пара (табл. 1: 11). Спасаясь от охотника, зверек прятался в дупло. К нему приставляли рукав, а колонка выгоняли из него ударами по стволу. На выдру ставились такие же, что и для рыбной ловли сети *пара* или тальниковые конические ловушки – морды *суген* (табл. 2: 2, 2: 4). Длинные сети на палках применялись для ловли в распадках соболя. Кроме того, встретив соболин след, охотник шел по нему до тех пор, пока не находил убежище зверька, и окружал место его обнаружения сетью-обметом. Нижний край сети придавливался камнями и засыпался снегом, к ее верхней тетиве привязывались колокольчики. Охотник ждал до тех пор, пока соболь не покидал своего пристанища и не запутывался в сети. Нередко, чтобы выгнать зверька из убежища, внутри круга, образуемого сетью, разводили несколько небольших костров. Соболю, не вынося дыма, выбегал, метался по кругу, натываясь на сеть, в которой запутывался³⁸.

³⁸ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 50–54.

Таблица 1. Орудия пассивной охоты шорцев³⁹

№ п/п	Изображ.	Принцип действия, колл.	Наименование, колл.
1		давящего типа, колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ	плашка <i>басмак/пасмак</i> для добычи мелких пушных зверьков.
2		давящего типа, архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ	кулема <i>шергей</i> (кротоловка)
3		давящего типа, колл. Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ	дуплюнка <i>сокна</i> для добычи мелких пушных зверьков
4		лучкового боя со стрелой, архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ	самострел <i>шергей</i> для добычи копытных животных
5		ущемляющего типа, колл. Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ	черкан <i>шергей</i> – вильчатый для добычи мелких пушных зверьков
6		ущемляющего типа, архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ	черкан <i>шергей</i> – рамочный для добычи мелких пушных зверьков
7		ущемляющего типа, колл. Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ	черкан <i>шергей</i> – с трубой для добычи мелких пушных зверьков, обитающих в норах
8		ущемляющего типа, колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ	черкан <i>шергей</i> – лопаточный для добычи мелких пушных зверьков
9		ущемляющего типа, колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ	капкан дуговой
10		самоловы-удавки, архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ	петли <i>тузак</i> , силки <i>кыл</i>
11		Сети, архив. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ	Сеть-рукав <i>пара</i> для добычи выдры и ловли рыбы

³⁹ Кимеева Т. И. Орудия охотничьего промысла шорцев (по материалам коллекций музеев России) [Текст] / Т. И. Кимеева, В.М. Кимеев // Шорский сборник: этноэкология и туризм Горной Шории.– Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 180–199; Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX вв.) [Текст] / Т.И.Кимеева – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – С. 8–22.

Многочисленные самоловы-удавки включали петли и силки, известные шорцам под общетюркским названием *тузак*. Величина петли, ее прочность и способ установки определялись тем, какое животное предполагалось поймать. Охотничьи петли устанавливали на тропах, около нор, в тех местах, где животному трудно миновать ловушки. Так, петля для ловли бурундука размещалась у норки, а зверек выманивался свистом. Такими навыками у шорцев владели даже дети (фото 1).

Охотничье производство у шорцев было насыщено религиозно-мифологическими элементами. Культ почитания гор был представлен в ранних архаических формах и носил у них ярко выраженный родовой характер. Культовые действия заключались в бескровных жертвоприношениях духу родовой горы на перевалах по дороге на промысел, где духам гор производились кропления *талканом* (толокном), замешанным на воде. По прибытии на промысловый стан, шорские охотники ежедневно приносили родовой горе жертву, бросая по направлению к ней кусочки вареного мяса, брызгая чаем, супом, *абырткой*. *Абыртку* считали необходимым напитком во время промысла. Для ее приготовления каждое утро заливали водой ячменный солод в берестяном туесе, оборачивая его тряпкой и устанавливая в тепло к костру. Ко времени возвращения охотников вечером напиток из забродившего солода был готов. В полученную таким образом сладковатую слегка пьянящую *абыртку* добавляли *талкан* – муку из обжаренного ячменя, пили сами и «угощали» духов⁴⁰.

С охотой у шорцев тесно связан культ гор, который древнее шаманства. Шаманство включило в себя этот древний родовой культ, подвергнув его соответствующей переработке. Обряды, связанные с почитанием священных гор, совершались рядовыми охотниками, что свидетельствует об их древнем происхождении у шорцев. Мир духов гор у шорцев-охотников был создан по их собственному типу и образу жизни, о чем свидетельствуют данные шорского фольклора. В нем значительное место занимают горы и горные духи

⁴⁰ Потапов Л. П. Охота // Очерки по истории Шории. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovShoriya/01-ohota.pdf>. – Загл. с экрана.

– «хозяева гор», выступающие в представлении шорцев живыми, способными ходить на лыжах, петь песни, плясать, разговаривать, ссориться, воевать, играть в азартные игры, проигрывая друг другу ценных зверей, и т. д.

Особое место среди почитаемых культов у шорцев занимал дух огня *От-ээзи*. После устройства охотничьего стана, вечером накануне начала промыслового сезона в огонь бросали кусочки пищи. Особенно «огонь любил сало». При приношении жертвы огню называли его: «Тридцатоголовая мать-огонь, в золотой шубе мать-огонь». Обращения к огню состояли в просьбе дать удачу в охоте на зверя, при этом огню указывалось – каких зверей желательно получить. Дух *От-ээзи* считался посредником между человеком и духами «хозяевами тайги». По возвращению охотников домой огонь ярким вспыхиванием и треском извещал домашних об их прибытии. Войдя в юрту, охотник приносил жертву огню. В отношении огня сложился ряд запретов, таких как: не плевать в огонь, не поворачиваться к нему спиной, не бросать в огонь острые предметы и т.д.

Рыболовство у шорцев было подсобным занятием и носило сезонный характер. По мнению Л. П. Потапова, вследствие ограниченности размеров рыболовства, это занятие не могло стать основой для хозяйственной деятельности. Существовая наряду с охотой, оно лишь усиливало питание промысловиков⁴¹. Промыслом крупной рыбы – тайменя, хариуса, щуки, налима, занимались, у шорцев, как правило, мужчины. Женщины с детьми по мелководью промышляли гольяна, чебака, пескаря и др. мелкую рыбу.

Среди орудий рыболовства по материалам музейных коллекций можно выделить: 1) различные ловушки, 2) черпающие орудия, 3) колющие средства, 4) крючковые снасти⁴². Рыболовные снасти плели из прутьев или вязали из кендырных ниток. Мелкую рыбу ловили женщины и дети в небольших речках сетью-бреднем на палках (табл. 2: 1), либо большим сачком, укрепленным на широком тальниковом обруче. Сачок опускали на дно, поднимая при этом

⁴¹ Потапов Л. П. Рыболовство // Очерки по истории Шории. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovShoriya/01-ribolovstvo.pdf>. – Загл. с экрана.

⁴² Кимеева Т. И. Традиции рыболовства в Притомье (конец XIX – начало XX вв.) [Текст] / Т. И. Кимеева // Аборигены и русские старожилы Притомья: сб. статей. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – С. 124–133.

большим пальцем ноги легкую муть в воде, привлекающую стайки мелкой рыбы. Когда ее скапливалось большое количество над сачком, его поднимали и вытряхивали рыбу в привязанную к поясу берестяную коробку⁴³.

Плетеные из кендырных ниток сети-рукава *пара* и изготовленные из тальниковых прутьев конические ловушки-морды устанавливали в отверстия специальных загородок поперек реки (табл. 2: 2, 2: 4). Загородки или «запоры» сооружали из тальниковых прутьев или из камней в виде угла, направленного вниз по течению горной речки. Вершина угла закрывалась либо мордой *суген* из тальниковых прутьев, либо плетеной сетью-рукавом *пара*. Также шорцы пользовались специальными жердяными ящиками, скрепленными прутьями, длиной до трех метров и шириной около одного метра (фото 3). Кондомские их называли *ашпар*, в верховьях Мрассу – *колбе*, в низовьях Мрассу – *ташталба*. Ящик устанавливался в вершине загородки так, что стекающая в него вода свободно вытекала сквозь щели, а рыба в изобилии скапливалась внутри ящика.

Мелкую рыбу женщины и дети добывали коротким неводом с укрепленными по обеим сторонам палками, за которые два человека тянули его по дну речки (табл. 2: 1). Для ловли рыбы различных размеров в начале XX в. у шорцев применялись комбинированные сети *энгме* длиной до 9 м и шириной в 1 м с ячейками разных размеров.

Верхний край сети держался на воде с помощью привязываемых к нему деревянных или берестяных поплавков, нижний – утяжелялся грузилами из оббитой гальки, соединенными с сетью скрученной из кендырных волокон бечевкой (табл. 2: 3). Другой тип сети *агышпа* представлял собой длинную сеть без грузил, к верхнему краю которой крепилась длинная жердь, за которую рыбаки, находящиеся на двух лодках по разные стороны реки тянули ее по дну⁴⁴.

⁴³ Потапов Л. П. Рыболовство // Очерки по истории Шории. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovShoriya/01-ribolovstvo.pdf>. – Загл. с экрана.

⁴⁴ Потапов Л. П. Рыболовство // Очерки по истории Шории. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovShoriya/01-ribolovstvo.pdf>. – Загл. с экрана.

Таблица 2. Орудия рыболовства у шорцев⁴⁵

№ п/п	Изображение	Наименование, функции, колл.
1		Сеть-брედень. Использовалась женщинами и детьми для ловли мелкой рыбы ⁴⁶
2		Сеть с рукавом <i>пара</i> . Использовалась в составе загородок для ловли рыбы
3		Грузила <i>таш</i> для нижнего края сети <i>созурбе</i> , колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ
4		Морда <i>суген</i> – ловушка пассивного рыболовства, архив. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ
5		Перемет (крючковая снасть) – ловушка пассивного рыболовства, архив. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ
6		Острога <i>шашкы</i> для лучения крупной рыбы, колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ

Колющим орудием рыбной ловли являлась острога (табл. 2: 6). Ею накальвали (лучили) крупную рыбу осенью, разжигая на носу лодки огонь, освещавший воду до самого дна в мелких местах, где обычно спит рыба. Острогой – четырех- пятизубцем, не выпуская черена орудия из рук, накальвали крупных тайменей и налимов. Более мелких хариусов ловили на перекатах небольшой острогой – хайрюзовкой. Использовали для лучения и однозубое орудие – гарпун. Гарпун прикрепляли к лодке прочной кендырной бечевкой – его приходилось бросать, а потом пойманную рыбу притягивать с помощью этой бечевы.

⁴⁵ По материалам монографии: Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX вв.) [Текст] / Т.И.Кимеева – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – С. 8–22.

⁴⁶ Дыренкова Н. П. Фотоколлекция № 3662 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

Традиция стрелять рыбу из лука в первой четверти XX в. практически изжила себя. Из крючковых снастей применялись удочки, переметы (табл. 2: 5). Крючки выковывались местными кузнецами или были покупными.

Рыболовство не занимало значительного места в хозяйственной деятельности шорцев, но особое отношение к воде, ее связь с родовой горой выражались у шорцев в проведении обряда *Шачыг* (Река-гора). Проводился он на берегу близлежащей реки после окончания ледохода. Каждая семья для этого весеннего жертвоприношения, являющегося началом хозяйственно-календарного года, готовила свой сосуд с жертвенным алкогольным напитком, а шаман при камлании наливал из каждого в общую ритуальную чашу, из которой разбрызгивал его духам горы и воды. На земле разбрасывались кусочки дерева и бересты – *кастак*, которые по окончании моления подбирались участниками как доля на удачу.

Связь горы-земли-воды закреплялась тем, что молодой представитель рода, предварительно собравший с мужчин перья глухаря, а с женщин ленты *чалама*, связывал из них гирлянду и перевозил ее на другой берег реки, чтобы привязать там на березу. Во время самого моления шаман вел людей по ходу солнца по кругу, обращаясь во время движения ко всем горам и рекам, при перечислении каждой из которых все присутствующие выкрикивали: «Шок». Выкрикивали очень громко, чтобы горные и водные духи слышали людей с их просьбами, главными из которых были – обилие рыбы в реках и зверя в тайге. Моление завершалось гаданием – подбрасыванием деревянной чаши вверх. Если она падала на землю вверх дном, то предстоял неудачный год, если дном вниз – всех присутствующих ожидал успех в промыслах. Во время гадания каждый подбирал с земли *кастак* в виде кусочков бересты и дерева, которые каждая семья хранила весь год в укромном месте как гарантию удачи (приложение 1.1).⁴⁷

В течение года рыбаки должны были придерживаться у реки определенных запретов: не сквернословить, не шуметь, не говорить ничего

⁴⁷ Дьяконова В. П. О значении реки и воды в культуре народов Саяно-Алтая [Текст] В. П. Дьяконова // Реки и народы Сибири. – СПб: Наука, 2007. – С. 139-140.

обидного в адрес хозяина воды. Для общения с духом воды у шорцев даже существовал особый язык, который сохранялся в тайне для того, чтобы он не потерял силы⁴⁸

Женским традиционным хозяйственным занятием, к которому активно привлекались дети, у шорцев служило **собирачество**. Заготавливались съедобные растения – корни кандыка, сараны и пиона, колба, лук, чеснок, дягиль, борщевик и произрастающие в таежной зоне ягоды, а также кедровый орех. К собирательству следует отнести и заготовку дикорастущих конопли и крапивы в целях производства волокон для плетения и ткачества.

Орудием для выкапывания корней растений служила корнекопалка *озуп*, состоящая из деревянного черенка с поперечной деревянной переключиной для упора ногой и кованым железным наконечником (табл. 3: 2). Выкопанные корни складывались в берестяные короба, закрепленные на поясе сборщицы (табл. 3: 1; фото 4).

Традиционным в горнотаежной зоне был сбор кедрового ореха изначально ориентированный на потребление его среди местного населения, а к началу XX в. перестроенный на товарные отношения. С этого периода во всех хозяйствах шорцев на орехо-промысловых станах появляется специальная «рушильная» машина для вылущивания ореха из шишек, напоминающая по принципу действия гигантскую мясорубку, которая использовалась в Сибири повсеместно.

С древних же времен шорскими мужчинами для обработки ореха вырезались из дерева две специальные терки *набрык* с нарезанными на одной из сторон зубцами. Большая из терок являлась основанием, меньшая, с ручкой, использовалась для растирания на этом основании шишек (табл. 3: 4). После шелушения шишек орех провеивался с помощью больших берестяных коробов-сит с отверстиями в днище и веялок *саргаи*, напоминающих больших размеров тонкостенные совки с полукруглым дном и гнутым из

⁴⁸ Дьяконова В. П. О значении реки и воды в культуре народов Саяно-Алтая [Текст] В. П. Дьяконова // Реки и народы Сибири. – СПб: Наука, 2007. – С. 148.

кедровой дранки бортом, скрепленным с днищем кожаными ремешками и кендырной бечевкой (табл. 3: 5).

Таблица 3. Орудия собирательства у шорцев⁴⁹

№ п/п	Изображение	Наименование, функции, колл.
1		Сборщица кандыка, зарисовка по материалам фотоархива Н. . Дыренковой
2		Корнекопалка <i>озун</i> – основное орудия для выкапывания дикоросов. Колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета
3		Короб <i>куспак</i> для сбора корней, колл. Кемеровского областного краеведческого музея
4		Терка <i>пабрык</i> для обработки кедровых орехов. Колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета
5		Веялка <i>саргаиш</i> для обработки кедрового ореха и веяния ячменя. Колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета

Скотоводство у шорцев своим появлением связано с эпохой русской колонизации⁵⁰. К началу XX в. оно сформировалось как подсобное занятие. Лошадь расценивалась как средство передвижения в летнее время, поскольку в условиях таежного бездорожья зимой лошадь практически не использовалась в хозяйстве. Разведение крупного рогатого скота в таежной зоне не было массовым. В первую очередь скот заводили зажиточные шорцы, занимавшиеся торгово-ростовщическими операциями. Материалы фотоархивов свидетельствуют о том, что лошадей в таежной местности

⁴⁹ По материалам монографии: Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX вв.) [Текст] / Т.И.Кимеева – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – С. 8–22.

⁵⁰ Кимеев В. М. Роль коневодства в жизнедеятельности горно-таежных шорцев торгового пути «Улуг-Чол» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://historylib.org/historybooks/pod-red--A-A--Tishkina_Drevnie-i-srednekovye-kochevniki-TSentralnoy-Azii/40. – Загл. с экрана.

седлали с помощью простого недоуздка *нокто* (фото 5). В горнотаежной местности из-за отсутствия дорог для перевозки грузов служили двухполосовые деревянные волокуши, в которые лошадь впрягалась с использованием русской дуги и хомута, такие же, как и в сани с телегой (фото 6).

Земледелие в таежной части Горной Шории до коллективизации 1930-х гг. было мотыжного типа, в нем были задействованы как мужчины, так и женщины. Небольшие участки земли расчищали от кустарников топором и выжигали, обрабатывая затем почву мотыгами – *абылами*. Из зерновых выращивали ячмень *аш*, при уборке урожая выдергивая колосья с корнями. После просушки их обжигали на костре, молотили деревянной колотушкой *токпак* на коротком ремне. После обмолота зерно очищали на ручной веялке *саргаш*, напоминавшей по форме широкий тонкостенный совок из дерева. Собранный урожай перевозили в мешках, навьючивая их на лошадей. Хранили в амбарах в деревянных ящиках-закромах *сакрым* или в лабазах в берестяных туесах *уланах*. Мололи зерно на зернотерках⁵¹.

Шорцами лесостепной зоны были заимствованы у русских соха *салда*, деревянная борона, серпы. По примеру русских крестьян, южные шорцы стали заниматься огородничеством и выращивать технические культуры – лен и коноплю. Экономическое развитие региона в н. XX в. привело к появлению в хозяйствах железных плугов и простейших конных жаток, приобретаемых на переселенческих складах или через торговые представительства инофирм.

Пчеловодство как хозяйственное занятие возникло с появлением в регионе русских, от которых было перенято сооружение омшаников для перезимовки пчел. Пасеки шорцы устраивали вблизи улусов: в низинах возле водоемов, либо на возвышенном, хорошо защищенном от ветра солнечном месте. Наилучшие условия для развития пчеловодства у шорцев были в низовьях Кондомы и по р. Антропу.

⁵¹ Потапов Л. П. Мотыжное земледелие и собирание корней // Очерки по истории Шории . – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovShoriya/01-zemledelie.pdf>. – Загл. с экрана.

Поселения и жилища. Горнотаежные шорцы селились в долинах рек, образуя поселения из 5–10 юрт, называемые по имени старшего из родственников. У лесостепных предков шорцев преобладали крупные улусы, населенные представителями разных родов-*сёёков*. В местах промыслов устраивали временные сезонные жилища. Из наиболее древних известен летний каркасный шалаш *одаг* в форме усеченной пирамиды. Прямоугольная в плане срубная юрта *сенек* служила постоянным жилищем и по своей конструкции напоминала русскую избу-одноклеть, но без потолка и с открытым очагом.

Избы-одноклети и пятистенки в первой четверти XIX в. под влиянием русских крестьян распространяются в крупных улусах шорцев. Но в этих случаях рядом с избой обычно находилась традиционная юрта. Рядом с ними из жердей сооружались навесы *чабылгах*, срубные амбары *анмар*, курятники *кушуязе*, свинарники *чушуязе*, бани *мыльча*, стойки для крупного скота – *итуязе*⁵².

Как домашняя промышленность развивались у шорцев ремесла, представляющие собой переработку сырьевых материалов в том самом хозяйстве, которое их добывает. Специализация домашних промыслов шорцев, как и других народов, зависела от годового календарного цикла. Зимними и осенними являлись: прядение, шитье одежды и обуви, изготовление из кости, рога и древесины приспособлений для промыслов. Весной женщины занимались ткачеством, а мужчины плетением сетей для охоты и рыболовства. Преимущественно весенним и летним промыслом была заготовка бересты и ее обработка.

Мужские традиционные ремесла включали изготовление орудий труда и приспособлений для промыслов, предметов домашней утвари и культовых предметов, связанных с мужской деятельностью и шаманизмом. Женщины занимались прядением из полученных в результате собирательской

⁵² Кимеев В.М. Экомузеи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции [Текст] / В.М. Кимеев. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008. – С. 117–118; Жилище и хозяйственные постройки шорцев Текст. / В.М. Кимеев // Жилища народов Западной Сибири: Сборник / под ред. М. С. Усмановой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. - С. 16-30.

деятельности конопляных и крапивных нитей, ткачеством, шитьем одежды и обуви, декорированием элементов костюма, изготовлением культовых предметов, связанных с женской сферой деятельности и воспитанием детей. Совместно мужчинами и женщинами обрабатывалась кожа, технология выделки которой требовала присутствия двух членов семьи. Кожаная обувь шилась женщинами, а кожаные детали охотничьего пояса-натруски изготавливались мужчинами, так как у шорцев существовал запрет прикосновения женщины к охотничьему снаряжению.

Художественное направление ремесла, включающее декоративное оформление предмета в соответствии с духовными воззрениями народа, развилось в сфере культовой обрядности и отдельных хозяйственных занятий, таких как охота – у мужчин и изготовление костюмного комплекса – у женщин.

1.3. Декор и орнамент в памятниках художественного наследия шорцев

Декоративное искусство шорцев к. XIX – нач. XX вв. характеризовалось тесной связью с предметами материальной культуры – оружием, утварью, орудиями женского труда, элементами костюма, средствами передвижения и предметами культа. Оно не выделилось в особую область художественного труда, им занимались не художники-профессионалы, а рядовые охотники-собиратели. При этом в связи с сохранившимися в быту пережитками родовых отношений, шорцы придерживались разделения художественного труда между мужчиной и женщиной. Мужчины традиционно занимались резьбой по дереву, кости и рогу. Женщины ткачеством, шитьем, вышивкой. Совместными занятиями считались обработка кожи и изготовление из нее различных предметов. Однако данное ремесло в отдельных случаях также имело разделение по половому признаку. Так, росписью кожаной поверхности бубна занимались мужчины, а изготовление женского декоративного наконечника из кожи было прерогативой женщины и т. д.

Исследование художественного наследия традиционной культуры у любого народа, подразумевает изучение декора и орнамента. Декоративное искусство является одной из наиболее художественно и интеллектуально насыщенных форм традиционной культуры: устойчивой, консервативной и одновременно трансформирующейся под влиянием различных факторов.

Орнамент в научной литературе рассматривается как исторический, археологический, этнографический источник с привлечением памятников материальной культуры и устного народного творчества. При этом вскрывается содержательность мотивов и орнаментальных композиций, их связь с архаическими религиозными и магическими представлениями. Материалы по орнаменту используются как источник исторической информации в культурологических, историко-этнологических, археологических исследованиях. Этому способствует свойство орнамента, трансформируясь во времени, сохранять многие элементы и их комплексы, вошедшие в его состав в разные исторические периоды.

Чтобы разобраться в особенностях декоративного искусства шорцев, необходимо определить основные понятия, связанные с данным видом народного творчества, его спецификой у этого народа. В качестве имеющих отношение к народному искусству рассматриваются предметы, характеризующиеся наличием *декора* – системы украшений памятника, имеющих искусственную природу, т. е. выполненных руками человека. По характеру изображения декор с некоторой долей условности подразделяется на простой и орнаментальный⁵³.

Простой декор – однородная фактурная обработка, создающая декоративный эффект. В шорском декоративном искусстве примером простого декора могут служить изделия из капа – шарообразного нароста на стволе и корнях обычной березы, достигающего иногда в поперечнике метра и более. Древесина капа обладает чрезвычайной плотностью, благодаря свилеватости – косому расположению волокон древесины, которые идут не

⁵³ Баранова И. И. Декор [Текст] / И. И. Баранова // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология: справочник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Арт-Люкс», 2003. – С. 389–390.

вертикально, а вкось, по слегка винтообразной линии. При полировке поверхности предмета выявляется природный узор текстуры из произвольно расположенных темных пятен, точек и разводов, что создает декоративный эффект (фото 7).

Орнаментальный декор (орнамент) – система повторяющихся, ритмически упорядоченных элементов декора. Орнамент выполнялся шорцами на предметах из различных материалов. По месту его расположения он представлен такими типами как бордюрный/линейный (фото 8, 9) и центрический (фото 10). Первый тип орнамента традиционно выполнялся по поясу, воротнику халата, подолу, обшлагам рукавов и полкам (фото 36–38). Линейный орнамент также размещался чередующимися поясами на стенках деревянных и костяных шкатулок и табакерок, роговых и костяных наконечников для сошек и мерок для пороха (фото 14, 29 б, 30, 32, 40, 41, 43). Особенностью центрического орнамента являлось то, что он выполнялся по кругу, соответственно форме предмета – кольцам для управления нартой, пряслицам и пр. (фото 10, 11, 33).

Классификация орнамента народов Сибири по материалам этнографических музейных предметов принадлежит С. В. Иванову, определяющему тип орнамента «как комплекс более или менее близких по характеру мотивов, который в пределах культуры одного народа, родственных народов или территории, населенной несколькими народами, отличается относительной устойчивостью, повторяется на протяжении более или менее длительного отрезка времени и обычно связан с определенным материалом и категориями бытовых предметов»⁵⁴. Рассматривая под таким углом зрения орнамент народов Сибири, ученый выделяет в нем двенадцать основных типов, из которых у шорцев прослеживаются черты четырех из них: северосибирского, саяно-алтайского, североазиатского и среднесибирского. Данные типы орнамента преимущественно геометрические, изредка

⁵⁴ Орнамент у народов Сибири // Историко-этнографический атлас Сибири [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/ethno/index.html?n=23>. – Загл. с экрана.

наблюдается включение в орнаментальные композиции силуэтных изображений.

Основными фигурами северосибирского типа орнамента служат квадраты или прямоугольники светлого и темного цветов, чередующиеся между собой, прямые параллельные линии, узкие полосы, зигзаг, треугольники, простые и ступенчатые квадраты и ромбы, а также различные комбинации из этих же фигур (фото 36 а, б). Саяно-алтайский – преимущественно прямолинейный, нередко с внутренней разработкой входящих в него мотивов. Из криволинейных фигур для этого типа характерен встречающийся у шорцев миндалевидный узор, иногда пересеченный по длине прямой чертой (рис. 53). Главнейшими фигурами являются треугольники, часто заштрихованные внутри, косая сетка, ромбы, прямоугольники с вписанными в них мелкими прямоугольниками, диагонально пересеченные квадраты или прямоугольники (фото 9, 21, 24, 40 д). В североазиатском орнаменте, распространенном практически у всех народов Сибири, среди главных фигур выделяются кружок с точкой в центре или концентрические кружки, которые обычно располагаются зонально, реже группируются в более сложные фигуры, образуя розетки (фото 29 б). Все эти узоры нередко сочетаются с горизонтальными линиями или зигзагами (фото 32 а). Из мотивов среднесибирского типа у шорцев можно отметить арки/дуги и крестовидные фигуры (фото 37 а, 38 б).

Декор изобразительный и орнаментальный в шорском декоративном искусстве, в свою очередь, включает в себя подтипы, выделяемые на основе используемых семантических мотивов.

Абстрактный декор – беспредметное, отвлеченное изображение, которое может быть вымыслом создателя или формализованным отображением реалий. Абстрактный декор встречается в шорских коллекциях на предметах из текстиля, дерева, кости, выполненных, соответственно, в техниках вышивки и аппликации по текстилю (табл. 4: 1, 4: 2), контурной

резьбы по дереву (табл. 4: 3, 4: 4.) и гравировке по рогу и кости (табл. 4: 5, 4: 6).

Возможно, многие изображения на музейных предметах отражают древние мифологические представления шорцев. К сожалению, в полевых материалах и коллекционных описях музеев, а также материалах научных публикаций данный факт не зафиксирован и семантика рисунков не получила объяснения.

Таблица 4. Примеры абстрактного декора у шорцев

№ п/п	Изображение	Название предмета, материал, техника нанесения декора, колл.
1		Кисет <i>нанчык</i> (фрагмент), текстиль, вышивка тамбурным швом. Колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета
2		Кисет <i>нанчык</i> (фрагмент), текстиль, вышивка тамбурным швом. Колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета
3		Коробка <i>карчак</i> (фрагмент), дерево, резьба контурная. Колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета
4		Трубка курительная <i>канза</i> (фрагмент), дерево, резьба контурная. Колл. Омского историко-краеведческого музея
5		Кольцо для управления нартой <i>углаба салыжы</i> (фрагмент), кость, гравировка. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея
6		Табакерка <i>сöк табакерке</i> , кость, гравировка. Архив музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета

Интересным является тот факт, что декор, который можно отнести к абстрактному типу, в художественном наследии шорцев нередко включается в структуру орнаментальной композиции. Например, орнамент в виде двух

параллельных зигзагообразных линий, расположенный по кругу на плоской поверхности кольца для управления охотничьей нартой, прерывается включением абстрактных изображений (фото 11).

Антропоморфный декор в шорском декоративном искусстве – это стилизованное изображение одного или нескольких человек, либо отдельных частей человеческого тела, например, лица берестяной культовой маски (рис. 19; фото 28). Антропоморфный декор у шорцев наиболее часто встречается в росписи по кожаной поверхности шаманских бубнов и является отображением конкретных почитаемых народом духов (табл. 6; рис. 11, 17, фото 12).

Одиночные изображения почитаемых духов выполнялись в технике тиснения или гравировки на стенках берестяных сосудов, предназначенных для хранения культовых предметов (рис. 1). В таком случае непременно подчеркивался мифический характер изображаемого духа: обозначались его внутренние органы, знак пола и т.д. Кроме того, антропоморфные фигурки вырезались шорцами из дерева в технике скульптурной резьбы (фото 18, 19).

Рис. 1.
Антропоморфное изображение на туесе. Колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета⁵⁵

Геометрический декор – абстрактное изображение, состоящее из точечных, прямолинейных или криволинейных элементов. Этнографические коллекции музеев России свидетельствуют о широком распространении геометрических элементов в декоре шорцев, сохранивших древнейший художественный слой орнаментального декора – сочетание простейших геометрических фигур. Его типы подсказывало расположение на предметах. Более сложные мотивы орнамента возникали путем комбинации простых, первичных узоров. Например, звездчатая розетка на плоских костяных или деревянных дисках могла быть образована расположенным по кругу зигзагом, зигзагом с петлей в изломе или полукружьями (фото 10, 33). Розетка затем

⁵⁵ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // Труды института этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л. 1954. – Т. XXII. – С. 662.

могла использоваться самостоятельно, в вышивке на полах халата, кисета и т. д.

К числу наиболее употребительных геометрических элементов у шорцев относится орнамент в виде **зигзага**. Зигзагом декорируются предметы из самых различных материалов – кости и рога, дерева, бересты, текстиля (фото 14; 30 а, в; 32–33; 37 б; 38 а; 41 а, в). Зигзаг нередко размещается линейно или по кругу между двумя параллельными прямыми линиями. Зачастую две зигзагообразные линии изображаются пересеченными друг с другом.. В декоративном искусстве шорцев зигзаг имеет несколько вариаций:

- вершина каждого угла зигзага заострена (рис. 2 а);
- вершина каждого угла зигзага скруглена (рис. 2 б);
- вершина каждого угла зигзага увенчивается окружностью: зигзаг с петлей в изломе (рис. 2 в);
- каждый элемент зигзага может рассматриваться как треугольник, заштрихованный внутри (рис. 2 г).

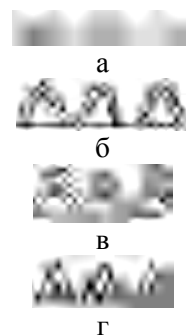

Рис. 2. Типы зигзага

Треугольник у шорцев также трактуется как самостоятельный элемент орнамента, не как элемент зигзага (рис. 29; фото 24). Предположительно, семантика треугольника восходит к почитанию культовой горы, являясь ее символическим отображением. Треугольник в разнообразных комбинациях

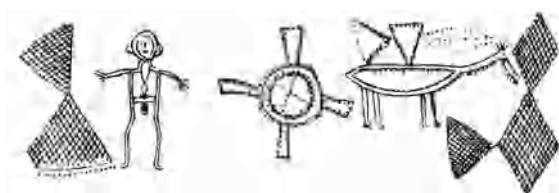

Рис. 3. Развертка изображения на тулове туеса. Колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета⁵⁶

встречается в декоре предметов, имеющих отношение к древним верованиям шорцев. Так, например, только на одном туесе для хранения культовых предметов шорцев фигуры,

заштрихованные изнутри, изображены следующим образом: пара сходящихся вершинами треугольников; один из треугольников своей острой вершиной словно указывает границу, являющуюся местом соприкосновения оснований двух равнобедренных треугольников, сливающихся в ромб (рис. 3).

Ромб, таким образом, тоже является у шорцев причастным к объектам

⁵⁶ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // Труды института этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л. 1954. – Т. XXII. – С. 662.

природы, относящимся к разряду почитаемых. Ромбы образуются при пересечении двух зигзагообразных линий, что часто встречается в орнаменте на предметах из различных материалов (фото 30 в; 36 в; 38 б; 40 г, д).

В декоративном искусстве многих народов ромбу близки по своему значению **квадрат** и **прямоугольник**, которые в шорском народном искусстве нередко бывают

заштрихованы прямыми линиями, расположенными под разным углом (рис. 4).

Другим широко применяемым мотивом у шорцев служит **крест**, представленный как в виде прямого, так и косоугольного элемента. Прямой крест сочетается с декором из других фигур, часто изображается между вершинами треугольников или внутри них (фото 13). Косой крест гармонично складывается в орнаментальный ряд (фото 36). Также фигура креста легко вписывается в прямоугольник (фото 29 а). Орнамент в виде широкой полосы крестовой сетки, образованной в результате пересечений мотива из косоугольного креста, известен по материалам музейных коллекций в вышивке и резьбе по кости и рогу у шорцев (фото 38 б; рис. 43).

Элемент **круга** также достаточно широко представлен в декоративном искусстве шорцев. Круг означает целостность, единство, непрерывность, динамику и цикличность жизни человека, знак солнца и полной луны. Поясами из чередующихся кружков с точкой в центре шорцы декорировали цилиндрические костяные табакерки, мерки для пороха и курки для самострелов (фото 29 б, 32 а). Из материалов коллекций известно выжигание охотниками улуса Осинники в нач. XX в. круговых поясков на древке стрелы *соган*⁵⁷. Декор в виде круга встречается в вышивке по текстилю. **Дуга** или **арка**, являющаяся по своей сути половинкой круга, соответственно близка к нему по своей семантике. У шорцев орнамент из арок достаточно широко

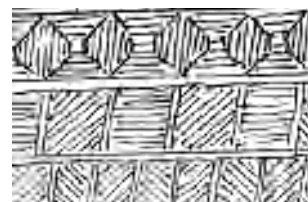

Рис. 4. Орнамент на стенке деревянной коробки. Колл. Музея археологии и этнографии Томского государственного университета

⁵⁷ Кимеева Т. И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Тажные промыслы и средства передвижения: статья и тексты коллекционных описей. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 1. – С. 78.

представлен в вышивке по текстилю (фото 36 в, 37, 38 б), встречается в резьбе по рогу (фото 30 а, б, 33 б).

Зооморфный декор в шорском декоративном искусстве известен в виде изображений стилизованных фигурок животных в резьбе по кости и рогу, тиснении по бересте, а также в росписи по коже на шаманских бубнах. Геометризация форм реального мира является одной из закономерностей развития орнаментального искусства у шорцев. В отличие от соседей, скотоводов Южной Сибири – алтайцев, хакасов – у шорцев как охотников-собирателей-рыболовов лесотаежной зоны не развивался орнамент, выстроенный из плавно загнутых завитков, изображающих «рога барана». Роговидные мотивы были широко распространены в искусстве народов, генетически связанных с культурой кочевников степей (якуты, буряты, тувинцы, алтайцы, хакасы).

К зооморфному декору у шорцев можно отнести изображения птиц, земноводных и пресмыкающихся. По причине немногочисленности сохранившихся до настоящего времени предметов с подобными мотивами не представляется необходимым выделять отдельно орнитоморфный и др. подтипы зооморфного декора. Изображаемые на предметах животные чаще располагались в профиль, хотя имеются и отдельные их прорисовки сверху, со спины. В этом случае их тельце распластано, обозначены все четыре лапки (табл. 5: 8; 5: 10).

Казалось бы, что на роговых и костяных предметах охотничьего промысла – курках самострелов, наворачиях сошек для ружья – шорцы в целях удачной охоты на промысловых животных изображали без труда узнаваемых зверей, которых стремились добыть: белку, соболя, медведя, лося и др. (табл. 5: 1; 5: 2; 5: 3; 5: 4). Однако на курке самострела из музейной коллекции встречается выгравированный силуэт ящерицы, которая, однозначно, не являлась объектом охоты (табл. 5: 10). Поэтому правомерным будет утверждение, что декор не только был направлен на удачу в добыче реального

промыслового животного, но носил оберегательный характер, в основе которого были почитаемые родом животные.

Их изображения в виде оленей или лосей встречаются не только на элементах снаряжения охотника, но и на берестяных сосудах для хранения культовых предметов, где они выполнены в технике тиснения (табл. 5: 5).

Таблица 5. Примеры зооморфного декора у шорцев

№ п/п	Изображение	Название изображенного животного, предмет, материал, техника нанесения декора, колл.
1		Белка <i>тиин</i> , костяная пластина, гравировка. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
2		Соболь <i>албыга</i> , курок самострела, рог, гравировка. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
3		Медведь <i>апиак</i> , навершие сошек, рог, гравировка. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
4		Лось <i>пулан</i> , навершие сошек, рог, гравировка. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
5		Олень <i>ак киик</i> , туес, береста, тиснение. Колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета
6		Глухарь <i>селей</i> , бубен, кожа, рисунок. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
7		Утка <i>сус</i> , курок самострела, рог, гравировка. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
8		Лягушка <i>пага</i> , копия из фотоархива Н.П. Дыренковой
9		Рыба <i>палык</i> , бубен, кожа, рисунок. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
10		Ящерица <i>келескин</i> , курок самострела, рог, гравировка. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
11		Змея <i>чылан</i> , бубен, кожа, рисунок. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого

Зооморфные рисунки, обозначающие духов-помощников шамана в образах животных, птиц, лягушек, ящериц, рыб и змей прорисованы белой,

черной и охристой красками на кожаной поверхности бубнов шорских шаманов (табл. 5: 6; 5: 7; 5: 8; 5: 9; 5: 11).

Каждый дух обладал конкретными функциями. Например, змеи помогали лечить скот от всяких болезней, а людей – от глазной. «Лягушка, змея, ящерица отпугивали злых духов, напускавших хворь на овец. Изображения щук рисовали для того, чтобы, они помогали лечить от болезней живота и от водянки. В то же время, согласно представлениям других шаманов, щуки считались воплощением водяного духа и вызывали болезни у людей, не почитающих духов воды»⁵⁸.

В резьбе по кости известно включение фигурок мифических четырехрогих животных с парой полукружий на спине в орнаментальный ряд, заключенный между параллельными прямыми, зигзагами с петлей в изломе и зигзагами со скругленными углами (рис. 8). Однако в большинстве случаев животные представлены одиночными элементами декора.

Растительный декор – стилизованное изображение растений и их фрагментов. У шорцев растительный декор не развился в орнаментальное искусство. Растительная орнаментация и ее распространение – это универсальное явление в искусстве степных народов эпохи средневековья, потомки которых вошли в состав соседей шорцев – алтайцев и хакасов. У этих народов распространены лепестковые розетки-трилистники, трех- и семилепестковые пальметты, орнамент из стилизованных побегов. В шорской коллекции Томского государственного университета в единственных экземплярах зафиксированы приобретенные в 1925 г. в улусе Мыски клапан кармана мужского халата и рукавицы, вышитые тамбурным швом и гладью в традициях, характерных для хакасской вышивки⁵⁹. К шорцам предметы с подобными мотивами декора могли попадать через обмен товарами и торговлю.

⁵⁸ Потапов Л. П. Алтайский шаманизм [Текст] / Л. П. Потапов. – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1991. – С. 194.

⁵⁹ Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 65; Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России Одежда и украшения [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 4. – С. 71.

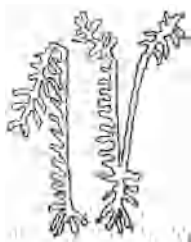

Рис. 5. Изображение деревьев на бубне.
Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого

Растительный же декор шорцев представляет собой изображения почитаемых деревьев на бубнах и принадлежащих охотникам костяных и роговых предметах – сошках ружья и курках для самострелов. Исполненные в технике гравировки деревья на этих предметах выглядели следующим образом: прямой или изогнутый ствол из двух параллельных линий, от него с

двух сторон под одним углом отходят короткие тоже параллельные прямые⁶⁰. На кожаной поверхности бубна рисовали березу, лиственницу, кедр, изображая их с корнями и надломленными вершинами. Деревья, олицетворяющие лестницу, ведущую к *Ульгеню*, были с ветвями с одной стороны, на одних бубнах – с правой, на других – с левой. Зафиксированы рисунки деревьев с раздвоенной вершиной (рис. 5, 59; фото 21).

Эпиграфический декор – изображение декоративного характера в виде надписей или их имитации встречается у шорцев в резьбе по кости на отдельных предметах, датированных первой половиной XX в.

Декор данного типа, выполненный в технике гравировки, зарисован известным кузбасским краеведом Д.В. Кацюбой, материалы экспедиций которого хранятся в архиве музея «Археология, этнография и экология Сибири» (рис. 6).

Рис. 6. Рукоять ножа украшенная эпиграфическим декором⁶¹

Астральный декор – изображение планет, светил, звезд характерно для росписи шаманских бубнов шорцев. В верхнем поле лицевой поверхности

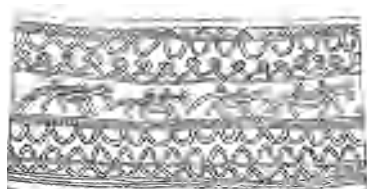
Рис. 7.
Изображения светил на бубне

шаманского бубна, изображающей небесную сферу, рисовали белой и охристой красками слева солнце *кун* и справа – месяц *ай*. Светила изображались в виде кругов с вписанным крестом или без него, с лучиками-черточками.

⁶⁰ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // Труды института этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л. 1954. – Т. XXII. – С. 663–664.

⁶¹ Кацюба Д. В. Материалы о шорцах: зарисовки этнографических коллекций музеев Кемеровской области // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.

Кружки меньших размеров обозначали утреннюю зарю *танг чолмон* и вечернюю – *ангар чолмон*. Звезды рисовались точками или крестиками. Астрологический декор изображался и на других предметах, имеющих отношение к духовной культуре народа (рис. 3). В коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея имеется халат из кендырной ткани, на воротнике и левой поле которого желтыми, красными и голубыми нитками вышиты знаки светил в виде кругов из двойной линии, крестообразно пересеченных двумя и тремя прямыми линиями (фото 37 а). Космологическим можно считать и декор в виде концентрических кругов, вышитых на кармане халата (рис. 8 б). Так как известным является тот факт, что закрученная серпантинном линия обозначает движение светила по небесному своду.

а

б

Рис. 8. Комбинированный декор: а) на тулове костяной табакерки - колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого; б) карман халата *шабыр* – колл. Музея антропологии и этнографии Томского госуниверситета

Изобразительный декор и орнамент могли быть однотипными, включающими только один мотив, или комбинированными, на одном предмете сочетавшими различные мотивы. Например, на тулове табакерки цилиндрической формы из

кости-цевки выгравированы пояса геометрического и зооморфного орнамента в виде расположенных между парными параллельными линиями арок, зигзагов с петлей в изломе и «крылатых» оленей/коней (рис. 8 а). На кармане из темно-зеленого плиса тамбурным швом выполнен декор, включающий геометрические и космологические мотивы (рис. 8 б).

Формирование орнамента у каждого народа происходит по определенной схеме: «рисунок→эмблема→орнамент». У шорцев этот процесс отражен в незначительной мере, видимо, по

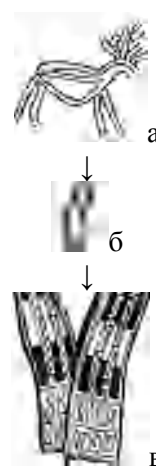

Рис. 9.

Рисунок→эмблема→орнамент

причине преимущественного использования геометрических мотивов. Однако, исходя из анализа музейных собраний страны, можно утверждать,

что он имел место в шорском декоративном искусстве. Схема развития орнамента представляла собой следующий процесс: первоначально существовало изображение, близкое к реальному облику животного (рис. 9 а); затем формировалась абстрактная фигура изображения животного как эмблема-модуль (рис. 9 б); далее абстрактные фигуры образовывали орнаментальный ряд, как на концах воротника шорского халата (рис. 9 в). Похожая S-образная фигура в орнаменте якутов, тувинцев осмысливается как «шея верблюжонка». К сожалению, собирателями музейных коллекций не зафиксированы названия выполняемых шорскими мастерами узоров. Поэтому можно только предположить значение рассматриваемой S-видной фигуры у шорцев.

Таким образом, на основе анализа материалов музейных коллекций, служащих художественным наследием народа, выявлено многообразие типов декора, которым шорцы украшали предметы из различных материалов. В памятниках народного искусства отражен декор простой и изобразительный. Последний отличается многообразием форм – абстрактный, антропоморфный, зооморфный, астральный, эпиграфический. Специфика мотивов декора, разработанных народом лесотаежной зоны на протяжении своей истории, делает предметы традиционной культуры уникальными, отражающими этническую специфику шорцев.

1.4. Основные семантические мотивы в декоративном искусстве шорцев

Смысловое содержание орнамента определяло его устойчивость в народном искусстве, где он заполнял часть жизненного пространства человека, связанного с его духовной культурой. В мировоззрении шорцев в конце XIX в. еще сохранялся анимизм – одухотворение сил и явлений природы, существовал культ деревьев, воды, огня, небесных светил, что отразилось в орнаментальных мотивах прикладного искусства. На основе религиозных культов складывались определенные мотивы в декоративном искусстве.

Космологические мотивы отражали представления шорцев о происхождении мира, его структуре. Они формировались на протяжении длительного периода истории народа, проявляясь в росписи кожаной поверхности шаманских бубнов. В мировоззрении шорцев мир представлялся принципиально единым. Всеобщее единство воплощалось в трехслойности мира – верхний мир/небесная полусфера, средний мир/земля и нижний подземный мир. Верхний и средний миры объединялись между окаймляющим их бордюрным/линейным орнаментом из зигзага или пересеченных треугольников, заключенных между параллельными прямыми линиями⁶². Каждому уровню мироздания соответствовали изображения определенного вида.

К космологическим мотивам относятся все проявления астрального декора – небесные светила. Их размещение на поверхности шаманского бубна было обоснованно представлениями шорцев о структуре вселенной, сезонном нахождении светил на небе и т.д. Не случайно месяцу отводилась правая сторона, а солнцу – левая, при этом они иногда изображались краской разного цвета, иногда – одинакового (рис. 10). Такое расположение соответствовало их летнему местонахождению и отражало время с весны до осени, когда шаманы могли священнодействовать, вступая в контакт с почитаемыми ими духами, пока небо не «замерзло». Солнце *кун*, месяц *ай*, утренняя звезда (заря) *танг чолмон* и вечерняя заря *ангар чолмон*, запечатленные в рисунках на бубне, помогали шаманам ориентироваться в «космосе» во время камлания⁶⁴. Более мелкие светила – звезды в виде прямого или косога креста были рассредоточены

Рис. 10. Зарисовка бубна А.В. Анохиным. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого⁶³

⁶² Кимеева Т. И. Шорцы. Духовная культура [Текст, рисунки]: статья и тексты коллекционных описей // Каталог этнографических коллекций музеев России. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 5. – С. 54.

⁶³ Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея Антропологии и этнографии [Текст] / С.В. Иванов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XVI. – С. 223.

⁶⁴ Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX вв.) [Текст]: монография / Т.И.Кимеева – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – С. 153–154.

между рисунками верхней сферы, располагались над линией «земли» (рис. 9). Кроме того, изображение небольшого креста складывалось в бордюрный

Рис. 11. Зарисовка бубна А.В. Анохиным. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого⁶⁵

орнамент, опоясывающий дугой верхнюю сферу бубна. В таком случае между фигурками уже не рисовали светила (рис. 11). Примечательно, что солнце и луна на поверхности бубна, где орнаментом из крестиков-звезд опоясан небесный свод, нарисованы попарно дважды – слева и справа (рис. 11). При этом применяли для их нанесения краски разных цветов – охристую и красную. Вероятно, подобный прием использовался для отражения расположения на небе солнца и луны в разные месяцы теплого периода года.

Солярные розетки и мелкие кресты выполнялись не только в рисунках на предметах культа, но вышивались на деталях одежды – воротниках, обшлагах рукавов, полках, подоле выполняя одновременно функции декоративного украшения и оберега. При этом цвет текстиля, составляющего фон, на котором располагалась вышивка, был темного цвета. Он выгодно оттенял вышитые светлыми нитями знаки солнца, луны и звезд (фото 13).

С небесными светилами в представлении шорцев связан образ *Ульгена* – благодетельного существа, живущего «за месяцем, солнцем, выше звезд небесных», в молитвенных обращениях называемого «белая светлость», «светлый Хан» и др. *Ульген* обладает божественной силой; управляет небесными светилами, производит гром, молнию, посылает дождь и град, называемый плевками божьими.⁶⁶

Мотивы гор у шорцев нашли отображение в геометрическом орнаменте, семантика которого, с большой степенью вероятности, имеет

⁶⁵ Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея Антропологии и этнографии [Текст] / С.В. Иванов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XVI. – С.227.

⁶⁶ Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сб. музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во РАН, 1924. – Т. IV. – С. 9.

отношение к культу почитаемых гор. Так, Л. П. Потаповым при работе с информаторами было зафиксировано, что шаманы включали родовые горы в число своих личных покровителей. На своих бубнах они изображали наиболее известные горы и начинали камлания с обращения к духам, олицетворяющим их. Горы в виде орнамента из простых треугольников (зигзаг) или треугольников, заштрихованных внутри, имеются на всех шорских бубнах. Орнамент их треугольников неизменно заключен между параллельными прямыми линиями. По типу расположения на предметах его можно считать окаймляющим линейным орнаментом, обозначающим границы миров, посещаемых шаманом. Орнаментальная полоса проходит по полукружью верхней сферы и пересекает бубен поперек, обмечая тем самым линию земли (рис. 9, 10). Иногда земная граница обозначена двумя полосами орнаментальных линий, возможно, подчеркивая значимость земной области на шаманском бубне (рис. 11).

Л. Э. Каруновская относительно изображений на бубнах говорит о том, что, по мнению шаманов народов Алтая, средняя часть вселенной – «действительная земля» обозначает местообитание человека, где он живет бок о бок с огромным количеством духов. В центре земли возвышается гора – резиденция предков охотников⁶⁷. По сведениям Н. П. Алексеева во время камлания Ульгеню шаман проходит девять гор, принося жертвы их духам. Перед восхождением на небо он поднимается на вершину последней горы *Шакчак*⁶⁸. Д. А. Функ, исследуя тексты сказителей *кайчи*, отмечал, что именно гора является центром эпического мироздания⁶⁹.

Родовая гора, отраженная в рисунках на бубне, владела судьбой самого шамана. По сведениям Л. П. Потапова, первый бубен для шамана изготавливался по требованию духа почитаемой его родом горы. У шорцев такой горой считался Мустаг, к которой шаман обращался в своих камланиях

⁶⁷ Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманизму) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Karunovskaya-Vselennaya.pdf>. – Загл. с экрана.

⁶⁸ Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение., 1984. – С. 43.

⁶⁹ Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов [Текст] / Д. А. Функ. – М.: Наука, 2005. – С. 295.

для того, чтобы узнать, сколько он должен иметь за свою жизнь бубнов. Шаманская деятельность его, как и продолжительность жизни, зависели от количества определенных Мустагом бубнов: от трех до девяти. Когда их число иссякало – шаман умирал. Бывали случаи, когда гора Мустаг уменьшала шаману назначенное число бубнов. Например, если в среде ближайших родственников кама приближалось появление нового шамана. Старый шаман тогда заболел и умирал. Однако случалось, что обреченный на смерть шаман испрашивал у Мустага отсрочку своей кончины; тогда умирал тот родственник, у которого обнаружались признаки шаманского призвания.

Необходимость сменить бубен также диктовалась Мустагом. Шаман устраивал специальное моление, выяснял, каким должен быть новый бубен, и вскоре же устраивал церемонию его изготовления. Камлание с новым бубном отмечалось его демонстрацией Мустагу, сопровождаемой разбрызгиванием жертвенной браги *абыртки* из ячменя или клубней кандыка. Мустаг давал осмотреть бубен своим четырем сыновьям – горам: Карахану, Уш-ташу, Карабуру, Козойю, которые после осмотра трижды ударяли в бубен, одобряя его. Затем бубен осматривал сам Мустаг, определяя, сколько лет этим бубном мог камлать шаман.

Родовая гора у шорцев всегда находилась на промысловой (охотничьей) территории, поэтому и ее почитание в качестве своеобразного родового пената являлось отражением общности родовой территории, понятной и доступной каждому представителю рода.⁷⁰

Н. П. Дыренкова пишет о том, что представления о горах как о живых существах и как вместилищах духов-хозяев в представлении шорцев тесным образом переплетались и иногда совершенно сливались⁷¹. Изображение же родовой горы на различных предметах служило своеобразным оберегом их

⁷⁰ Потапов Л. П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. – 1946. – № 2. – С. 146–160 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovGori.pdf>. – Загл. с экрана.

⁷¹ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор [Текст] / Н.П. Дыренкова. М.-Л.: Изд-во Ан СССР, 1940. – С. 389.

владельцу. Поэтому мотивы из треугольников и зигзага наносились на различные предметы, в первую очередь, принадлежащие охотникам и способствующие удаче в промысле. На непосредственную связь с охотой указывают изображения на охотничьих приспособлениях, сочетающие мотивы промыслового животного и почитаемой горы. На сошках из рога марала особенным образом подчеркивается тот факт, что зигзагообразная линия образована треугольниками. Рядом с изображенным в верхней части сошек зверем, судя по характерной сутулости и опущенной голове – медведем, один из элементов зигзага замыкается в треугольник (рис. 12).

Рис. 12. Навершие сошек для ружья. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого⁷²

Мотивы треугольников использовались шорцами при декорировании предметов в самых разных комбинациях: в качестве отдельных элементов декора; в составе орнаментальных поясов, где могли располагаться в одну-две линии треугольники, направленные вершинами в одну сторону, и чередоваться фигуры, обращенными вершинами в противоположные друг

Рис. 13. Табакерка. Береста, тиснение. Колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета⁷³

другу стороны. Как, например, на берестяных стенках табакерки группы треугольников, заштрихованных изнутри, сформированы в расположенные вертикально короткие орнаментальные пояса (рис. 13). Эти группы заключены в рамку из трех рядов мелких треугольников.

Треугольники также служили украшением и оберегом для владельцев на табакерках из полый кости-цевки, на стенках которых они, сформированные в орнаментальные пояса в виде зигзагов, размещались между параллельными прямыми линиями (фото 14). Двойной зигзаг, чрезвычайно близкий по своему происхождению и семантике к треугольнику, в сочетании с изображением

⁷² Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // Труды института этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л. 1954. – Т. XXII. – С. 663.

⁷³ Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 118.

солярного знака гравировался на курках для самострелов из рога марала (фото 32 а).

Мотивы почитаемой горы, воплощаемые с помощью орнамента из зигзага, широко распространены у шорцев в вышивке на деталях одежды. Особо следует отметить зигзаг с петлей в изломе, который с определенной долей уверенности может быть трактован как изображение горы, освещенной солнцем, поднимающимся над ее вершиной. Такой орнамент может считаться маркером традиционного орнамента шорцев (фото 13, рис. 40 а).

Мотив воды мог быть изображен волнистой линией или зигзагом со скругленными углами (рис. 2 б). Гора и вода являлись главными объектами почитания во время весеннего обряда, проводимого после освобождения реки ото льда. Мрасские шорцы весной и осенью массово выходили на берег и совершали кропление алкогольным напитком духу воды. Кондомские шорцы во время ледохода умывались водой, обводя куском хлеба вокруг головы, чтобы быть здоровым весь год. Хлеб затем бросали в воду.⁷⁴ В архиве А. В. Анохина при проведении исследования материалов музейных собраний обнаружено мифическое изображение, связанное с духом воды *Сулай каном*. Он нарисован на шаманском бубне из Абинского улуса в виде двойной дуги, пересеченной двойной горизонтальной прямой с отходящим вправо выступом, и косо направленной вниз от вершины дуги такой же двойной линией (рис. 51).

В записанных Н. П. Дыренковой шорских сказках зафиксированные разные данные об облике хозяина воды. В одной из них он похож на рогатого черного зверя. Если стать близко к реке, он, с ледоходом вместе придя, человека утягивает. Захватив человеческую душу, «хозяин» воды уносит ее под воду и запирает у подножия горы. В другой сказке, «хозяйка воды человеку показывается голой женщиной с длинными золотыми волосами, с

⁷⁴ Дьяконова В. П. О значении реки и воды в культуре народов Саяно-Алтая [Текст] В. П. Дьяконова // Реки и народы Сибири. – СПб: Наука, 2007. – С. 149.

золотым гребнем». Если кто-нибудь по незнанию возьмет в руки ее гребень, его душу утащит хозяйка воды⁷⁵.

Мотивы дерева, включаемые в растительный декор и родственные космологическим представлениям многих народов, в декоративном искусстве народов Саяно-Алтая тесно связаны с представлениями о родовой горе. Из полевых материалов Л. Э. Каруновской известно, что на вершине горы, расположенной в средней части вселенной находится «пуп земли и неба», из которого произрастает роскошное (богатое) дерево, уходящее вершиной в небесную сферу. С этого дерева шаман попадает при родовых жертвоприношениях к Ульгеню, чтобы получить души *кут* людей и животных. По положению ветвей дерева шаман осведомляется о погоде, удаче в делах, благополучии и здоровье устроителей моления⁷⁶.

Особое почтение оказывалось березе, шорцы называли ее «богатой березой», «мощной березой с шестью ступенями». Почитание этого дерева связано с культом плодородия, с весенними праздниками воскресения сил природы. С В. Иванов, исследовавший материалы Н. П. Дыренковой, отмечает, что каждый шорский род имел свою березу *Бай/най казынг*, с которой связывались жизнь и благополучие всего рода. Такое дерево имелось на культовом месте, и на его ствол в древности водружалась шкура жертвенного животного⁷⁷. В текстах шорских сказителей имеются сведения о белой березе с девятью развилками, посреди которых черная птица *куш энези* кара куш, которая с карканьем устраивает себе гнездо⁷⁸. В данном случае налицо связь с почитаемым деревом и птицей, покровительствующей роду. Шаманская береза, по шорским поверьям, утверждает Н. А. Алексеев, достигает облаков и там соединяется двумя параллельными нитями с

⁷⁵ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор [Текст] / Н.П. Дыренкова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 278 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Dyrenkova-ShorFolk.pdf>. – Загл. с экрана.

⁷⁶ Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманизму) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Karunovskaya-Vselennaya.pdf>. – Загл. с экрана.

⁷⁷ Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея Антропологии и этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XVI. – С.

⁷⁸ Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов [Текст] / Д. А. Функ. – М.: Наука, 2005. – С. 312.

небесной сферой. По ветвям березы и нитям шаман поднимался в небесную сферу⁷⁹.

Березе совершались также подношения в виде бескровных жертвоприношений – повязывание березе ленточек *чалама*, за которыми стоит сложная семантическая символика. Ее понимание утрачено в народной среде, где она стала зачастую отголоском привычного традиционного символа. Семантика цветообозначений для подвешиваемых лент *чалама* восходит к древнетюркской эпохе и сохраняется неизменной до начала XX в. Используемая цветовая гамма соответствовала у древних тюрков и позднее у тюркоязычных народов Саяно-Алтая, четырем сторонам света: восток – сине-зеленый/голубой, запад – белый, юг – красный, север – черный. Варьирование в цвете возможно было только с отступлением оттенков фона и наличием рисунка для красного и сине-зеленого цветов⁸⁰.

Имеются сведения и о других деревьях, которые считались у шорцев светлыми и наносились наряду с березами на культовых предметах, например, кедр *Мöш агаиш* – дерево, из которого сделана обечайка бубна⁸¹. Почитался шорцами также «богатый тополь» *Бай/най терек*⁸². Священный тополь, по сведениям Н. А. Алексеева, соединял место камлания шамана с территорией обитания его духа-покровителя *Каным*, находящееся в среднем земном мире⁸³. Шорцы улуса Абинский под Кузнецком, по сведениям Н. П. Дыренковой, бубен делали из горного тальника *сук*⁸⁴.

Приемы изображения деревьев, возможно, были ориентированы на то, чтобы подчеркнуть их исключительность и мифологический характер. Есть

⁷⁹ Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984. – С. 169.

⁸⁰ Дьяконова В. П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая // Этнокультурные контакты народов Сибири [Текст]. – Л.: Наука ЛО, 1984. – С. 30–31.

⁸¹ Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сб. музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во РАН, 1924. – Т. IV. – С. 60.

⁸² Анохин А. В. Материалы о шорцах. – Ф. 11. – Оп. 1. – № 101. – С. 5557 (копия) // Архив отдела этнографии Музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири».

⁸³ Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984. – С. 169.

⁸⁴ Дыренкова Н. П. Из шаманских верований у шорцев Кузнецкой тайги [Электронный ресурс]. – С. 344. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_13.pdf/ – Загл. с экрана.

случаи изображения деревьев, растущих из одного корня, с надломленной вершиной (рис. 5, 16).

Встречается рисунок на бубне, где дерево представлено в центре небесной сферы в виде пяти ветвистых деревьев, сходящихся основаниями в пятилучевую розетку. Площадь земной сферы на этом бубне предельно мала и отделена двумя рядами с изображением гор. В пользу того, что это именно изображение дерева, а не небесного светила с лучами свидетельствует прорисовка справа парных кругом с расходящимися от них лучами – солнца и луны (рис. 14).

Рис. 14. Деревья на шорском бубне. Фотоархив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ⁸⁵

Подобный прием использован, по всей вероятности, для подчеркивания принадлежности этого дерева к высшему небесному миру. Так как в подземной части дерева нарисованы иначе – их слегка изогнутые стволы с опущенными вниз ветвями протянулись от линии земли до нижнего основания бубна.

В декоративном искусстве шорцев изображение дерева характерно не только в рисунке, но и в гравировке на костяных и роговых предметах, принадлежащих охотникам. Причем, анализ музейных предметов позволил выявить соблюдение традиций придания некоторой исключительности деревьям, нанесенных на курки для самострелов, навершия сошек для охотничьего ружья и др. Если учесть, что навершия для сошек крепились своим нижним основанием на вершине длинных деревянных подставок, а в ложе их верхнего конца, образованного естественным изгибом рога марала, укладывался ствол ружья, то получается, что дерево изображено растущим вверх корнями и вниз вершиной. Это подтверждает обозначение

⁸⁵ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива Н. П. Дыренковой, ф. 3, оп. 1, № 122 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–35, лл. 1–35; д. 856-36, лл. 1–7.

параллельной прямой, обозначающей некое основание «землю», в которую вершина упирается (рис. 15 б).

То же самое наблюдается и в декоре курка для самострела, который при насторожке данного орудия пассивной охоты был опущен заостренной стороной вниз, и дерево своей вершиной ориентировано вниз. Таким образом, неординарность изображения дерева определяет его культовое значение, обеспечивающее владельцу предмета удачу в промысле и защиту от неприятных случайностей в период длительного сезона охоты.

Антропоморфные мотивы, составляющие

основу одноименного декора, использовались в изобразительном искусстве с древности и имели в ранних религиозных верованиях народов Сибири важное значение. Они отражали глубинный пласт религиозных анимистических верований, связанный с культом населяющих мир духов. По сведениям Л. П. Потапова у шорских шаманов было две основные категории духов: покровители и помощники. Покровителями выступали персонифицированные божества и духи высокого ранга – Ульгень и его сыновья, дух огня, дух священной горы. Духи-помощники также включали две группы. В одной из них под названием *тöс* объединялись предки каждого шамана, бывшие при жизни камами. Ко второй группе относились духи, призываемые шаманом во время камлания ударами в бубен и сопровождавшие его в ту или иную зону вселенной. Служебные «духи бубна» составляли реальную силу шамана, он их ценил, стремился приумножить, включая в их ряд предков шаманов как по отцовской, так и по материнской линии, а порой, когда это было возможно, и по линии предков жены. Личные духи, призванные или «притянутые» шаманом, определяли его культовые возможности. «Любой из них являлся иконографическим образом, а в целом они составляли своеобразный

Рис. 15. Изображение деревьев: а) курок самострела; б) навершие сошек для ружья. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого⁸⁶

⁸⁶ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // Труды института этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л. 1954. – Т. XXII. – С. 663, 664.

иконостас, размещенный на главном священном инструменте шаманского религиозного ритуала. Во время камлания, когда шаман находился в той или иной сфере обитания духов и божеств, эти символические образы как бы оживали, и камлающий шаман мог распоряжаться ими в своих, целях, будь то лечение человека, охрана скота от болезней, волков и воров или моление об удаче на промысле и т. д. С их помощью кам вступал в контакт с божествами и духами, передавал жертвы, выяснял судьбы людей и т. д.»⁸⁷.

Целый ряд духов имел антропоморфное воплощение. Наряду с зооморфными, духи в человеческом облике заселяли разные уровни мироздания. По шорским верованиям, небо считалось землей *Ульгена*. В земле *Ульгена* имелось девять небес. Первое из них, именуемое *кошкан*, считалось местообитанием молнии – «плети для белосивого коня» *Ульгена*, удары которой вызывали гром. Пространство со второго по пятое небеса занимали пояса радуги: синий, красный, серый и голубой. Шестое небо называлось красным небом по причине заселения его красными женщинами, о которых нет подробных сведений. На седьмом небе находились луна и звезды, на восьмом — солнце. На девятом жил *Ульген*, там всегда было светло и тепло, растительность не увядала, в изобилии водились звери и скот. *Ульген*, когда камлают ему для испрашивания благополучия, может все послать со своего неба⁸⁸.

Обитатели верхнего мира выделялись владельцу бубна Ульгеном как духи-помощники. По сведениям, собранным у шорских шаманов А. В. Анохиным, они «жили» на девяти небесах-ступенях, ведущих к Ульгеню. Чем выше жил дух-помощник, тем большей силой он обладал⁸⁹. Н. А. Алексеев отмечает, что у шорского шамана был дух *Шор тенгри*, считающийся главой всех духов – персонаж «несущий обязанности

⁸⁷ Потапов Л. П. Алтайский шаманизм [Текст] / Л. П. Потапов. – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1991. – С. 65–66, 191.

⁸⁸ Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение., 1984. – С. 43.

⁸⁹ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № 101 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

администратора и ведающий духами добрыми *пайана* и злыми *айна*⁹⁰. Однако, иконография этого духа исследователем не обозначена.

Строго место каждому мифическому персонажу не отводилось, так как если бы он обитал в отведенном ему небесном слое, то схематичные фигурки духов в похожей позе со свойственными им атрибутами на рисунках бубнов должны встречаться приблизительно в одном и том же месте. Анализ музейных собраний показал, что этого не наблюдается. Тем не менее, одна и та же фигурка духа на густо заполненных рисунками бубнах встречается неоднократно на различных горизонтальных уровнях (рис. 10). Не исключено, что это означает отражение художником способности мифического персонажа перемещаться по небесам и оказывать услугу шаману в определенном месте⁹¹. Антропоморфные фигурки были как одиночными пешими с присущими им атрибутами, так и верховыми. Рисунки всадников располагались зонально вдоль линии земли – сверху или/и снизу (рис. 16).

Рис. 16. Зарисовка бубна А.В. Анохиным. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого⁹²

Схематичное изображение рисунков и их неудовлетворительная сохранность на бубнах из шорской коллекции, а также отсутствие коллекционных описей, выполненных собирателями в начале XX в., когда еще не исчезли информаторы, владеющие анимистическими знаниями народов Сибири, не позволяют выявить семантику этих изображений.

Л. П. Потапов отмечает, что провести хотя бы простую инвентаризацию духов, а тем более дать им характеристику невозможно по причине их изобилия, определяемого тем, что у каждого кама они были индивидуальны⁹³.

⁹⁰ Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984. – С. 89.

⁹¹ Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX вв.) [Текст]: монография / Т.И.Кимеева – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – С. 154.

⁹² Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея Антропологии и этнографии [Текст] / С.В. Иванов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XVI. – С. 223

⁹³ Потапов Л. П. Алтайский шаманизм [Текст] / Л. П. Потапов. – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1991. – С. 66.

Однако попытки охарактеризовать духов шаманов шорцев предпринимались в научной литературе. Значение отдельных антропоморфных изображений зафиксировано в нач. XX в. исследователем А. В. Анохиным⁹⁴. Другим ученым С. В. Ивановым в первой четверти XX в. выполнены зарисовки рисунков с предметов шорцев из музейных коллекций, но без определения их названий и функций. Однако в данной работе удалось провести параллели изображений, зарисованных и охарактеризованных А. В. Анохиным в своих полевых материалах, составивший архивный фонд Музея антропологии и этнографии им. Петра

Рис. 17. Зарисовка бубна С.В. Ивановым из колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого⁹⁵

Великого (Кунсткамеры) по традиционным верованиям алтайцев, и описанных в трудах по исследованию искусства народов Сибири С. В. Иванова (табл. 6). Антропоморфные фигурки – трехпалые, ориентированные разворотом ступней ног вправо, олицетворяли мифических существ – мужских и женских.

Среди фигурок, обозначающих мужчин, отмечены различные варианты. Хозяин колотушки – *Орба ээзи*, на рисунках непременно держащих это орудие камлания в правой вытянутой руке (табл. 6: 1, 2). На бубне из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого фигурка, напоминающая человека с колотушкой в правой руке, нарисована достаточно высоко от земной сферы, что неоднозначно свидетельствует о силе и определенном могуществе олицетворяемого им духа (рис. 17).

Хозяин бубна *Түүр ээзи* изображался с колотушкой в правой руке, его левая рука была занята бубном (табл. 6: 2). Среди духов верхнего мира *Түүр ээзи* находился неподалеку от Ульгения, примерно на таком же уровне, что и

⁹⁴ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина ф. 11, оп. 1, № 101 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

⁹⁵ Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея Антропологии и этнографии [Текст] / С.В. Иванов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XVI. – С.223.

Орба ээзи, соответственно, был наделен необходимой для помощи шаману силой (рис. 11).

Фигурка «человека», целящегося из лука, трактована как *Кыдай-кан/Кыдай Тегреси* – стрелок, целящийся в злых духов и помогающий шаману победить их (табл. 6: 3). Изображения этого духа на разных бубнах находятся то рядом с *Түүр ээзи*, то еще ближе к небесному властителю (рис. 11). А то он вдруг оказывается в зоне «земли» (рис. 17). Возможно, данный помощник шамана обладал способностью по необходимости перемещаться на разные уровни, посещаемые шаманом при камлании.

Земной силач *Чер кушту көрумес* в правой руке держит меч, а в левой – пику. Вооруженный таким образом, он помогает шаману во время камлания отнимать душу *чула* у злого духа. Имеется у духа, изображенного подобным образом, и другое имя: *Чер пудеде чер мон ус* – сотворенный, когда творилась земля⁹⁶ (табл. 6: 4).

Могущественный помощник шамана *Тогус ильбиктынг Тоонган* в записях А. В. Анохина описан как дух с девятью застежками на одежде (табл. 6: 5). Уровень его обитания на бубне отмечается практически на одной линии с духами *Түүр ээзи* и *Орба ээзи* (рис. 11).

Одна из душ кама *Кундум тос*, держащая меч в левой руке, снабжена А. В. Анохиным такими характеристиками как наделенность могуществом и способностью убивать злых духов *көрмөсов*. Подобная фигурка, мыслящаяся как сам кам, зафиксирована также под названием *Кам кижии позы* (табл. 6: 6).

Антропоморфная фигурка с крупным фаллосом, выполненная охрой на одном из бубнов коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, обозначает духа *Коча-Кан*, с культом которого связывались обряды плодородия и танцы эротического характера (табл. 6: 7). *Коча Кан* обитает, согласно легендам шорцев, зафиксированных А. В. Анохиным и упомянутых

⁹⁶ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина ф. 11, оп. 1, № 101 – С. 579 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

в исследованиях С. В. Иванова⁹⁷, поблизости от жилища другого могущественного духа – *Пакты-Кана/Богды-хана*, изображений которого, к сожалению, учеными не зафиксировано. О том, что *Коча кан* способен спускаться к людям в земную сферу, свидетельствует его прорисовка на бубне неподалеку от линии земли (рис. 11).

Женские фигурки также немалочисленны и в ряде случаев наделены яркими характеристиками. *Тегри казы Мунгжжагр* – небесная девица с указывающей вправо вытянутой рукой, либо полуприсевшая, либо так изображен острый локоть ее согнутой левой руки (табл. 6: 8).

Алты косту Сары кыс, видимо, имеющая отношение к солярному культу, позиционировалась как шестиглазая желтая/золотая дева из тайги пришедшая. Ее голова прорисована как круг, пересеченный крест-накрест с отходящими от него прямыми лучами (табл. 6: 9). Изображение золотой девы расположено на бубне чуть ниже стрелка и хозяина бубна, что свидетельствует о значимости этого женского мифологического образа (рис. 11).

Антропоморфное женское изображение, упирающееся левой рукой на бедро, а другой указывающей в правую сторону означает дух в женском облике *Чер кижан туткан*, к которому кам обращается при лечении ребенка (табл. 6: 10). Место для *Чер кижан туткан* отведено немного выше линии земли, что, видимо, обосновано необходимостью реальной помощи при нередко случающихся болезнях детей (рис. 11).

Антропоморфный рисунок духа с раскинутыми в стороны руками и отходящими влево-вниз прядями волос-лучей рисовалось на бубне на одном уровне с золотой девой *Алты косту Сары кыс* и мыслилось в качестве чистой как солнце – *Эльбан каан*. Она считалась владелицей золотых предметов – гребня и пуговицы.⁹⁸ Похожее изображение в архивных материалах А. В. Анохина зафиксировано под именем *Беи сурмештыг бай Саба* – пятью

⁹⁷ Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея Антропологии и этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XVI. – С. 226.

⁹⁸ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина ф. 11, оп. 1, № 101 – С. 571 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

косами богатая, помогающая шаману ловить душу *чула* и отнимающая душу человека нарушающего гармонию окружающего мира – кричащего в горах (табл. 6: 11).

Таблица 6. Антропоморфные мотивы у шорцев

№ п/п	Антропоморфное изображение (по А.В. Анохину)	Антропоморфное изображение (по С.В. Иванову)	Значение изображения
1			<i>Орба ээзи</i> – хозяин колотушки
2			<i>Түүр ээзи</i> – хозяин бубна
3			<i>Кыдай-кан/Кыдай Тегреси</i> – стрелок
4		подобного изображения нет	<i>Чер кушту көрумес</i> – земной силач
5			<i>Тогус ыльбиктынг Тоонган</i> – помощник шамана
6		подобного изображения нет	<i>Кундум төс</i> – одна из душ кама
7	подобного изображения нет		<i>Коча Канн</i> – дух, живущий на пути к светлому, лучезарному Ульгеню
8		подобного изображения нет	<i>Тегри казы Мунгжжагр</i> – небесная девица
9			<i>Алты косту Сары кыс</i> – желтая/золотая дева
10			<i>Чер кижан туткан</i> – помогающая лечить детей
11			<i>Эльбан каан</i> – чистая как солнце
12			<i>Ак тайкаданг айчан кыс</i> – девица от белой тайги
13		подобного изображения нет	<i>Толтай Сары кыс</i> – горная девица

Другой женский дух, предназначенный шаману в помощники, в своем наименовании также заключал светлое начало – девица от белой тайги *Ак тайкаданг айчан кыс* (табл. 6: 12). Изображение *Ак тайкаданг айчан* имеется практически на каждом бубне, подтверждая утверждение о значимости духов охоты у шорцев и важности духов, связанных с таежными промыслами. Рисунки этой фигурки, положившей свернутые полукругом руки на бедра, отмечены на разных уровнях верхней части бубна, включая самый верхний ярус под небесными светилами (рис. 11).

Образ духа в виде антропоморфной фигурки с двойным нимбом над головой и почти сомкнутыми ориентированными наружу двойными полукружьями на раскинутых в стороны руках носит имя горной девы. При этом полукружья на руках осмысливаются как цепи *кижен*⁹⁹ (табл. 6: 1).

Изображение антропоморфных фигурок с различными атрибутами и в динамике движения простирается до области «земной зоны». Здесь они тоже нарисованы как пешими (рис. 11), так и верховыми.

А. В. Анохин упоминает еще отражение в рисунках бубнов образов *озо камов* – умерших шаманов. На рисунке 11 можно выделить сразу несколько фигурок, напоминающих шаманов, держащих в руках главные атрибуты культа – бубен *түүр* и колотушку *орба*.

Кроме того, Л. П. Потапов отмечает, что наряду с *төсями* умерших шаманов к категории земных духов относились хозяева гор и воды, лесов и долин, зверей и птиц¹⁰⁰.

Относительно обитателей нижнего подземного мира в антропоморфном облике следует отметить, что это могло быть изображение его властелина – Эрлика и духов, подчиненных ему. А. В. Анохиным в 1910–12 годы получены сведения у информаторов, что *Эрлик* ездит на черном иноходце или упряжном животном

а б
Рис 18. Антропоморфные изображения подземного мира:

⁹⁹ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина ф. 11, оп. 1, № 101 . – С. 574 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

¹⁰⁰ Потапов Л. П. Алтайский шаманизм [Текст] / Л. П. Потапов. – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1991. – С. 67.

(рис. 18 а), а также на черной лодке без весла (рис. 18 б)¹⁰¹. Исходя из этого, можно предположить, что существа, нарисованные на бубнах в нижнем подземном мире, могут изображать упомянутое божество (рис. 11, 17). Исследователю удалось зафиксировать, каким представлялся облик *Эрлика*. Это был старик атлетического телосложения, с курчавыми волосами, с черными, как сажа глазами, раздвоенной до колен спускающейся бородой, с подобными клыкам закрученными усами, с подобными кожемялке челюстями и подобным корням деревьев рогами¹⁰².

Антропоморфные изображения в народном шорском искусстве имели место не только в рисунках, но и были отражены в деревянной и берестяной скульптуре. Они обозначали духов, связанных с местами обитания человека и его промысловыми территориями, обладавших способностью обеспечения удачи в охоте и безопасности жилища. Примечательно, что изображаться могли не только человеческие фигурки, но и части тела, например, лицо. Так, шорцы рода Челей из бересты мастерили почитаемого ими духа *Ежик ээзи* – «хозяина переднего угла» в виде берестяной маски.

Рис. 19. Берестяное изображение духа охоты у шорцев. Фотоархив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого¹⁰⁴

Считалось, что атрибутами его были посох из желтой акции и борода из рыжей белки¹⁰³. Осенью накануне охотничьего сезона челейцы устраивали ему специальное моление с присутствием шамана, в противном случае выход на промысел затруднялся болезнью и неудачами. Шорцы рода Калар похожее берестяное изображение духа в виде маски с глазами из металлических бляшек, длинным носом, бородой и усами из беличьего хвоста называли *Төр кижси* –

¹⁰¹ Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сб. музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во РАН, 1924. – Т. IV. – С. 4.

¹⁰² Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сб. музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во РАН, 1924. – Т. IV. – С. 3.

¹⁰³ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 37 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/PotapovShoriya.html>. – Загл. с экрана.

¹⁰⁴ Дыренкова Н. П. Фотоколлекция № 3662 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок»: (электронные фотокопии).

«человек переднего угла» (рис. 19, фото 28). Ему устраивалось подобное моление с жертвоприношением в виде алкогольного ячменного напитка. Отношение шорцев к этим духам, почитаемых отдельными родами, заключалось в том, что изображение духа *Ежик ээзи* челейцы помещали в переднем углу своего жилища, а образ *Төр киж* из бересты представители рода Калар хранили в амбаре. Антропоморфные изображения других духов тяготели по своей семантике к покровительству в охоте. Почитаемые группами родов, они воплощались в деревянных фигурках, среди которых по музейным собраниям различалось два типа: стилизованные фигурки биовальной формы и человеческие изображения в полный рост. У шорцев верховий реки Мрассу таким духом был *Тайгам*. По данным музейных собраний известно два варианта его изображений.

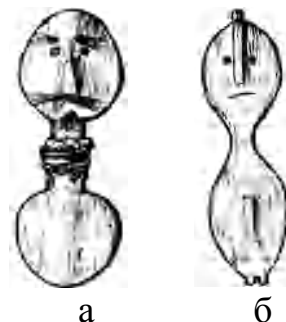

Рис. 20. Тайгамы:
а) колл. Российского этнографического музея;
б) колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого¹⁰⁵

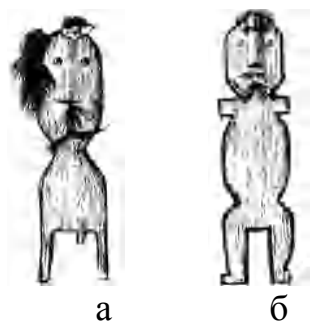

Рис. 21. Тайгамы: колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого¹⁰⁶

Первый – это плоские деревянные фигурки, вырезанные в виде двух овалов, соединенных между собой узкой перемычкой, которая иногда оборачивалась лоскутком ткани. На лицевой стороне верхнего овала обозначалось лицо с глазами из металлических бляшек, огромным, в поллица, выступающим носом, небольшим ртом, нередко с бородой, усами и бровями из меха почитаемого родом животного (рис. 20 а). В научной литературе такие фигурки называются двухговыми. Однако же

обращение к материалам музейных собраний дает основание предположить, что подобный стиль изображения был, вероятно, ориентирован на подчеркивание мифической природы духов. Так, у *Тайгама* из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого нижний овал,

¹⁰⁵ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 5. – С. 84–85.

¹⁰⁶ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 5. – С. 81, 83.

несомненно, обозначает туловище со стилизованными короткими ногами и отмеченным знаком пола (рис. 20 б)¹⁰⁷.

Второй тип *тайгамов* представляет собой уплощенные изображения человеческих фигурок, отражающих различную степень мастерства резчиков по дереву конца XIX – первой четверти XX вв. (рис. 21, фото 18). Как правило, это идолы с овальной головой, таким же длинным носом, как и у *тайгамов* первого типа, круглыми металлическими глазами, схематичным изображением рук и ног, либо только ног, иногда – знака пола (рис. 21 а). Связь с охотничьим промыслом *тайгамов* из музейных коллекций прослеживается в наличии у ряда фигурок бороды из меха промыслового животного¹⁰⁸.

Шорцы среднего течения Кондомы изображаемого родового охотничьего духа называли *Шалыг*. Хотя можно предположить, что духи имели и отдельные собственные имена. Так, деревянный идол с одной укороченной ногой, относимый в разряд *шалыгов*, в коллекционных описях Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета зафиксирован как *Арсан Пуруг Кан Сарай*¹⁰⁹.

В облике этих культовых предметов отражается связь с древней легендой шорцев – он вырезается похожим на *Тайгама*, но с одной короткой ногой (фото 19, рис. 21).

Рис. 21 в.
Шалыг¹¹⁰

Согласно легенде, *Шалыг* изначально был дерзким человеком. Он наведывался к властителю подземного мира *Эрлику*, сломав в его владениях три двери. В целях наказания такого наглеца *Эрлик* установил на нарушителя порядка в подземном мире охотничий самострел. Стрела ранила *Шалыга* в ногу и язык, сделав его хромым и немым, но это не заставило неугомонного

¹⁰⁷ Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар XVIII – первая четверть XX вв. [Текст] / С. В. Иванов. – Л.: Наука ЛО, 1979. – С. 16–17; Алексеев. Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1980.

¹⁰⁸ Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар XVIII – первая четверть XX вв. [Текст] / С. В. Иванов. – Л.: Наука ЛО, 1979. – С. 15

¹⁰⁹ Шорцы // Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета [Текст]. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 109.

¹¹⁰ Кимеев В.М. Материалы о шорцах: коллекционные описи и зарисовки шорской этнографической коллекции Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета // Архив отдела этнографии Музея «Археология, этнография и экология Сибири». – Д. 856–27, 33.

усмириться. Украв у властелина верхнего мира – *Ульгена* дочь, он, будучи заключенным под землю, выбрался оттуда с семьей с помощью одного из шести своих сыновей. За непочитание *Шалыг* наказывает охотников ломотой костей и лишает удачи в промысле, поэтому ему также как и другим духам, подносили жертвенную пищу и *араку*. Шорцы окрестностей Кузнецка изображения *шалыгов* вырезали парными, одно из которых считалось мужем, другое – женой¹¹¹.

Охотники рода Шор наделяли значением покровительства в охоте культовые предметы в виде сильно стилизованных антропоморфных фигурок в виде набитых куделью удлиненных мешочков с глазами из перламутра или бисеринок (фото 17). Такие фигурки традиционно принято считать предметами семейного культа, покровителями домашнего очага. Тем не менее, по сведениям Л. П. Потапова, представители рода

а б
Рис. 22. *Төр кижилер*:
а) с деревянной основой.
Колл. Музея антропологии и
этнографии им. Петра
Великого; б) набитые
куделью. Колл. Музея
археологии и этнографии
Томского госуниверситета¹¹²

Шор перед отправлением на охоту расставляли *өрекеннеров* на лавке рядом со шкуркой колонка и приносили им жертву в виде жирной кашицы из ячменя. Один раз в 6–9 лет в честь духа *Өрекен* организовывался специальный обряд почитания. Для его устройства готовили огромный туес алкогольного напитка из ячменного солода – *абыртки*. К туесу привязывали шкурку колонка и петлю на глухаря¹¹³. Последние атрибуты являются свидетельством связи *Өрекен* с занятием охотой.

Ни в какой сфере хозяйственных занятий у шорцев не возникло такого многообразия изображений духов, обеспечивающих удачу, как в охотничьем промысле. Только относительно рода Шор, расселенного по Кондоме, отмечается почитание его представителями духов *өрекенер* в целях удачной

¹¹¹ Кимеев В. М. Религиозные верования шорцев [Текст] / В.М. Кимеев // Кузнецкая старина / отв. ред. Ю. В. Ширин. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2005. – Вып. 7. – С. 108–126.

¹¹² Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 5. – С. 78, 79.

¹¹³ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 39, 40.

рыбной ловли. Для них также устраивали моление с большим туесом ячменной *абыртки*, к которому привязывали длинную сеть-рукав *пара* и молодые ветки тальника для плетения ловушек *суген*. Исследователями упоминается отдельная устная информация, содержащая представления о почитании духов воды.

С *өрекеннерами* были сходны холщовые и набитые тканью изображения *төр-кижилеров*, большинство которых отличались от первых более разработанными фигурками – с наличием рта, рук, головных уборов (рис. 22 б). Хотя под таким названием в музейных коллекциях зафиксировано изображение даже без обозначения глаз. Это позволяет предположить, что *өрекеннеры* и *төр-кижилеры* – различные территориальные названия духов, выполняющих похожие функции. Под названием *төр-кижилер* у шорцев были предметы с деревянной основой, зашитой в лоскут ткани. Глаза, нос и рот отмечены бисером или стежками из ниток. На голове – платок или круглая шапочка, некоторые фигурки подвязаны кушаками (рис. 22 а). Духам, которых они олицетворяли, приписывались способности (при пренебрежительном к ним отношении) наносить вред скоту и отравлять воду.

Теперь обратимся к семантике еще одного почитаемого духа/божества шорцев, антропоморфные изображения которого в музейных коллекциях не зафиксировано. Это *Умай* или *Май Ичезе*, бытование представлений о которой у шорцев, как и у других тюркоязычных народов имеются в научной литературе. Анализируя этот образ, Л. П. Потапов приходит к выводу о том, что *Умай* считалась жизненным началом, находившимся в человеке, а также охраняющей жизнь детей и взрослых, наподобие «ангела-хранителя»¹¹⁴. *Умай* входила в шаманский пантеон. Ее именем называли душу ребенка с момента рождения примерно до трех лет, также называлась у шорцев пуповина младенца. При рождении мальчика отец изготавливал лучок со стрелой – как эмблему зверопромышленника (фото 56). В случае рождения девочки в углу над колыбелью прибывали вершинку молодой березки. При этом

¹¹⁴ Потапов Л. П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1973. – С. 265–286 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovUmay.pdf>. – Загл. с экрана.

обозначалось присутствие *Умай* шкуркой или холстинкой белого цвета. Приглашенный шаман совершал посвящаемый *Умай* обряд, окропляя атрибуты божества варевом из рябчика или кедровых орешков и высказывая просьбу о помощи новорожденному¹¹⁵

Рис. 23.
Май Ичеци.
Рисунок из
архива
А. В. Анохина¹¹⁶

Относительно существования образа *Умай* в изобразительном творчестве тюркоязычных народов, существует целый ряд предположений. С. Г. Скобелев, например, на основе археологических материалов обосновывает связь этой богини с образом птицы, доказывая, что серьги из курганного могильника из Хакасии с изображением крылатой женщины могут символизировать *Умай*¹¹⁷. Однако, до сих пор изучение феномена этого божества находится лишь в начальной стадии. Что касается изображения *Умай* у шорцев, то А. В. Анохиным выполнена зарисовка небольших матерчатых куколок, изображающих *Умай*, опубликованных в одной из работ С. В. Иванова¹¹⁸. Фигурка сшита в виде удлиненного мешочка, наполненного куделью и перевязанного в области шеи таким образом, что она напоминает по форме биовальные скульптурки деревянных тайгамов (рис. 20 а, б). В области лица отмечены только глаза, возможно, как и в случае с *өрекеннерами* из нашитых бисеринок.

Мотив птичьего облика у сверхъестественных существ широко распространён в тюркоязычной среде¹¹⁹. Исследование материалов музейных коллекций по шорцам позволяет предположить отражение образа *Умай* в отдельных образцах шорских ушных украшений. Оловянная серьга из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого своей формой напоминает женское антропоморфное изображение, возможно, *Умай*. Которая изображена в расширенной книзу спадающей одежде с подвесками из

¹¹⁵ Кимеев В. М. Шорцы. Кто они [Текст] / В. М. Кимеев. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. – С. 123–124.

¹¹⁶ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № 101 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28.

¹¹⁷ Скобелев С. Г. Подвески с изображением древнетюркской богини Умай // Советская археология, 1990. – №2. – С. 226–233 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kronk.spb.ru/library/skobelev-sg-1990.htm>. – Загл. с экрана.

¹¹⁸ Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар XVIII – первая четверть XX вв. [Текст] / С. В. Иванов. – Л.: Наука ЛО, 1979. – С. 14.

¹¹⁹ Скобелев С. Г. Подвески с изображением древнетюркской богини Умай // Советская археология, 1990. – №2. – С. 226–233 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kronk.spb.ru/library/skobelev-sg-1990.htm>. – Загл. с экрана.

круглых красных и черных бусин вдоль края подола. В «руках» изображенного божества – такие же круглые бусины-подвески, символизирующие шарики – символы зародышей душ живых существ. Укрепленная в верхней части дужка круглой формы обозначает голову божества (фото 15 а). Туловище рассматриваемой фигурки можно считать неразрывно связанным с крылатой основой, на которой четко очерчены птичьи перья – по спускающимся вдоль тела «крыльям» (фото 15 б) и распушенному «хвосту», на концах каждого пера которого укреплены подвески с круглыми бусинами и ромбовидными плоскими пластинами (фото 15 в).

Таким образом, предположение об образе *Умай*, воплощенном в серьгах шорцев не представляется абсурдным. Подобные серьги, с тем отличием, что подвески были в виде серебряных шариков, носили и бачатские телеуты, у которых также бытовали представления об *Умай*. Изображения *Умай* в виде серег носили замужние женщины для обеспечения продолжения потомства, защиты женщины во время беременности и родов и сохранения здоровья и жизни детей.

Зооморфные мотивы, составляющие основу зооморфного декора, также имели сакральное значение в мировоззрении шорцев. В музейных коллекциях шорцев они встречаются в рисунках бубнов и на предметах охотничьего промысла – курках для самострелов и наворачиях для ружья. Предметы, датированные серединой XX в., иногда украшались зооморфным декором. Среди изображений встречаются медведь, олень/лось/конь, соболь, белка, птицы, рыбы, лягушки, ящерицы, рисунки мифических животных, не имеющих аналогий среди реальных обитателей сибирской тайги.

Мотив медведя. Изображение этого зверя имеется на отдельных бубнах шорских шаманов и на принадлежащих охотнику предметах. Зверь, с характерным мощным загривком и опущенной вниз головой, изображен на предметах из музейных коллекций в профиль (табл. 5: 3, рис. 13, 15, 55). А. В. Анохиным отмечен парный рисунок этого зверя: *Улу кичиг кара азыг* –

большой и малый черные медведи. Они помощники кама при поимке души *чула*. От них шаман заимствует для себя силу бороться со злыми духами. Он держит зверей в силу их свирепости привязанными на цепи, чтобы уберечь от пожирания собственных детей¹²⁰. Исследуя архивные материалы Н. П. Дыренковой, хранящиеся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, Н. А. Алексеев зафиксировал название *тõся* в виде медведя на одном из шорских бубнов как *Кер бабыр* – очень сильный дух, помогающий каму связывать злого духа *айна* во время камлания и тащить его¹²¹.

Изображение медведя имело, несомненно, особый сакральный смысл. Об этом свидетельствует тот факт, что различные части медведя применялись у шорцев в качестве средств магического врачевания, амулетов и талисманов. Л. П. Потапов отмечает, что у шорцев во время его экспедиций ему встречались медвежий коготь или лапа, подвешенные над дверью жилища. Их предназначением считалось оберегание входа от проникновения в жилище злого духа *айна*. Подобные предметы имеются в коллекциях музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ и Музея этнографии и природы Горной Шории.

Каларцы уносили домой из берлоги найденные экскременты, перезимовавшие во внутренностях медведя и достигшие твердости дерева. Они помещали их над дверью для предохранения жителей дома от кашля. Во время заболевания коров и телят им на шею привязывали медвежий коготь. Челейцы устанавливали на кол около ульев медвежью голову, поворачивая ее мордой по направлению к чужой пасеке. После чего пчелы начинали летать именно туда воровать мед. Иногда с этой же целью употребляли только медвежьи зубы, подвешивавшиеся под колодки-ульи¹²². Медведь в многочисленных легендах шорцев, записанных Н. П. Дыренковой,

¹²⁰ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива Н. П. Дыренковой, ф. 3, оп. 1, № 122 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856-36, лл. 1–7.

¹²¹ Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984. – С. 90.

¹²² Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во Ан СССР, 1936. – С. 49 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovShoriya/01-ohota.pdf>. – Загл. с экрана.

осмысливается родственным человеку как рожденный от женщины и медведя – спереди на человека похожий, сзади – на медведя¹²³.

Мотив оленя/лося/коня (эти образы в религиозно-мифологических представлениях и в ритуалах часто дублируются). В мифологии тюркоязычных народов Сибири три самые яркие звезды Ориона считаются самками марала – одного из видов благородного оленя – (*Уч мыйгак* – «три маралухами»), вознёсшимися на небо, спасаясь от охотника, который пустил в них две стрелы и вместе с ними поднялся в небо¹²⁴. Похожая легенда у шорцев записана Н. П. Дыренковой: «Есть звезда, называемая *Кан-Ергек*. В прежнее время был один богатырь. Его имя-прозвище – *Кан-Ергек*, имеющий бело-сивого коня, было. Однажды тот богатырь на своей бело-сивой лошади гнался за лосем, имеющим большие рога. (Богатырь) три раза землю кругом обежал. С ним вместе девять собак были. Вдруг тот лось (по направлению) к небу прыгнул. За ним (сзади) *Кан-Ергек* с лошадей, с тремя собаками (вместе) прыгнули. На небе *Кан-Ергек* снова лося гнать стал. Гоня-гоня (зверя), бело-сивый конь устал. *Кан Ергек* коня отпустил. Тот отпущенный бело-сивый конь в звезду превратился. Потом *Кан-Ергек*, рассердясь, пристрелил лося стрелой. Тот лось (потом сразу же), превратившись в звезду, на небе лежать остался. *Кан-Ергек* сам, три его собаки и его стрела также звездами сделались. И теперь там находятся (живут)». ¹²⁵ Подтверждением легенды о поднявшихся в небо олене и коне являются «крылатые» кони-олени на костяных предметах шорцев (табл. 5: 4; рис. 8).

На шаманских бубнах олени/кони рисовались схематично, осмысливаясь как *Бура/Пура* и означали мифических коней *Ульгена* или *төсей* шамана (рис. 53). Эрлик, несомненно, также владел мифическими конями, так как их изображения нередки в подземном мире. Священные кони жили у мифического «молочного озера» и ходили к нему на водопой. Конь под названием *Тын бура* олицетворял сверхестественную силу шамана и его

¹²³ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор [Текст] / Н. П. Дыренкова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. – С. 157–160.

¹²⁴ Зелинская Е. А. Мифы тюркских народов Сибири о небесных светилах [Текст] / Е. А. Зелинская // Молодой ученый. – 2011. – № 4. – Т. 2. – С. 187–159.

¹²⁵ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор [Текст] / Н. П. Дыренкова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. – С. 282.

утрата могла привести к потере сверхестественных сил кама¹²⁶. Н. А. Алексеев, основываясь на архивных записях Н. П. Дыренковой, пишет о том, что на бубне шорского шамана Алексея из Кузнецкой тайги изображены две пары белых сивых коней – *Убу наре ак ой ат*, а также *тӧс Тебир тискинив* с четырьмя конями и железным поводом¹²⁷.

Мотив соболя *албыга* в декоративном искусстве шорцев встречается на орудиях охотничьего промысла (табл. 5: 2). С добытым на охоте зверьком был связан целый церемониал и ряд поверий. «Убитого соболя нельзя было никому показывать. Каларцы отрезали у него кончик носа и уносили домой, где хранили для удачи при будущих охотах на этого зверя. Нос отрезали потому, что полагали его вместилищем для души и, таким образом, как бы овладевали душой. Кондомские шорцы мясо соболя не ели. Шкурку на промысле не снимали, делали это по приходе домой, объясняя такое обыкновение тем, что если снять, шкурку в тайге, мясо пришлось бы выбросить. Это неудобно по отношению к такому ценному зверю, да и «хозяин тайги» может рассердиться. Шорцы рода Кый верховий Мрассу снимали шкурку с убитого соболя накануне ухода с промысла домой. Мясо его они ели, а кости хоронили на особом лабазе, тщательно закрыв их ветками. Кроме того, мрасские охотники, убив соболя, размахивали им на том месте, где убили и говорили, обращаясь к хозяину горы: «С отцами нашими мы пришли. Эту же (добычу) дал ты нам, как отец наш, Белая гора. Дай три части (доли). Бог тебе пусть дает».¹²⁸ Следует отметить, что нос «на счастье» в промысле шорские охотники отрезали и другим пушным зверькам – колонку *колунак* и горностаю *агаиш*.

Мотив белки *тиин* имеется на орудиях охотничьего промысла шорцев – курках для самострела, где схематично выгравированный по кости зверек узнаваем (табл. 5: 1). В мифологических представлениях народов мира белка

¹²⁶ Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984. – С. 91, 169.

¹²⁷ Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984. – С. 90.

¹²⁸ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 51–52 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/PotapovShoriya.html>. – Загл. с экрана.

является олицетворением связи между небом и землей, бегая вверх-вниз по стволу мирового дерева. В мифах народов Сибири имеются сведения о том, что белка была небожителем. Однако, ей пришлось спуститься на землю из-за того, что она случайно пнула в глаз сына верховного божества, который бросился за ней, сойдя на землю, но не смог найти. Белка осталась на земле и стала невидимым духом – *кёрмёсом*. Шаманы при камланиях приносят белку в жертву, чтобы умиловить обиженного небожителя. Ее шкурка привязывается к бубну или плащу шамана¹²⁹.

Подобных мифов у шорцев нет, однако этот зверек был наделен семантикой оберега. Мать подвешивала к люльке нижнюю челюсть белки, чтобы защитить дитя от злого духа *айна*, который уже во время рождения ребенка прячется поблизости юрты¹³⁰.

Мотивы птиц куш в мифологии тюркоязычных народов Сибири занимают ведущее место. Птицы изображались на предметах шаманского культа исключительно в верхней небесной сфере и отмечались как «первый помощник шамана», «учитель шамана». Птицы в легендах и в изображениях на бубнах характеризуются как утки, гуси, стрижи, беркуты, орлы и др., либо они названы просто птицами. Анализируя эпические сказания шорских кайчи, Д. А. Функ отмечает наличие «матери птиц», которая у одних сказителей выступает как *куш энези кубазы куш* – мать птиц – полового цвета птица, у других как *кара куш* – орлица или *куш энези алтын куш* – мать птиц – золотая птица¹³¹.

В мифологии в образе птицы выявляется божество, называемое *Ульгень*, *Кудай* или *Кайракан*. Божество, летавшее по небу вместе со своим помощником и другом *Эрликом*, который до ссоры с *Ульгеном* также имел образ птицы. И только после своего законченного творения *Ульгень* отходит от людских дел, отдав и землю, и людей в распоряжение *Эрлика*, ставшего

¹²⁹ Ойноткинова Н. Р. Животные и птицы в мифах алтайцев в сравнительном освещении [Текст] / Н. Р. Ойноткинова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 92–93.

¹³⁰ Дыренкова Н. П. Несколько способов охранения ребенка у шорцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_09.pdf – Загл. с экрана.

¹³¹ Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов [Текст] / Д. А. Функ. – М.: Наука, 2005. – С. 300.

уже его врагом, и отчасти предоставив их заботам своих посланцев и сыновей. «И, удалившись на высочайшую гору, скрывается за шелковой занавесью, приказывая людям приносить себе жертвы у подножья этой горы, а впоследствии религиозная мысль представляет его еще дальше и выше уже на самом отдаленном слое неба, куда шаман, и никто другой, совершает свое длительное восхождение по зарубкам «богатой березы» *пай казын*.

Людам, оставшимся без Ульгения на земле, было, согласно шорской легенде, холодно. Журавль *турна*, пожалев шорцев, полетел к *Ульгению* просить огонь, но получил отказ. Воспользовавшись тем, что *Ульгень* уснул, журавль выхватил из очага *Ульгения* искру и принес ее людям. По другой легенде, в «то время, когда шорцы голодали и мерзли», *Кудай* сжалился над ними и стал просить птиц, помочь людям. Многие птицы согласились искать огонь. Но только орел *кара-куш* смог рассказать людям, как надо добывать огонь, ударяя камень о железо¹³². Еще одна шорская легенда гласит: «Птицы в разные земли полетели. Огонь найти не сумели. Птица огня, оставшись, сказала: «Нет разве на березе гриба, нет разве в скале камня, нет разве у человека стали? Если два камня взяв, друг о друга ударить, огонь будет!» С тех пор люди огонь высекать научились»¹³³. Таким образом, образ птицы отражается в легендах, связанных с сотворением мира и почитанием огня у тюркоязычных народов.

Особым почтением у шорцев был окружен глухарь *селей*. В. П. Дьяконова описывает семейный *тös* (дух), олицетворяющий эту птицу и «состоящий из кедровой развилки, к которой прикреплены были перья глухаря». Духу оказывали почтение в виде пищи, обмазывая ею и развилку, и перья. У шорцев верховий Мрассу перед обрядом *шачыл/шаачылга*, посвященному духам гор и воды, молодой парень обходил дома сородичей, собирая перья глухарей по числу участвующих в обряде мужчин¹³⁴.

¹³² Дыренкова Н. П. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkovaPtica.pdf> – Загл. с экрана.

¹³³ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор [Текст] / Н. П. Дыренкова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. – С. 285.

¹³⁴ Дьяконова В. П. О значении реки и воды в культуре народов Саяно-Алтая // Реки и народы Сибири. – СПб: Наука, 2007. – С.

На шаманских бубнах птицы рисовались под светилами, носили название черных и красных беркутов и считались посредникам и между Ульгеном и шаманом, помогая последнему спускаться на землю из небесной сферы (рис. 9, 15, 16). Способы изображения птиц на бубнах различны: это и силуэтные рисунки гусей, уток или лебедей, и линейные прорисовки орлов, и просто схематичные обозначения (рис. 54).

В животных и птиц воплощались духи верхнего мира и реальной земли, а духи-помощники шамана из нижнего мира имели воплощение в рыбах, земноводных и пресмыкающихся. Эта категория духов, именуемая *суг дан келген* – произошедшие из воды, подчинялась хозяину воды.¹³⁵

Мотивы рыб палык. Рыба является универсальным мифологическим персонажем. В сибирской мифологии и верованиях она связывает преисподнюю с миром живых. Согласно исследованиям Л. Э. Каруновской,

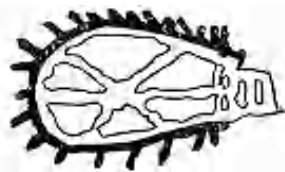

Рис. 24.
Изображение *Кар Балык*

дух в образе огромной рыбы *Кар-Балык* поддерживает на себе горы, а внутри у него находятся души-зародыши детей и скота. Представления об огромной рыбе *Кар-Балыке* (в интерпретации других исследователей – *Кер-Балыке*, *Кер-Палыке*) довольно широко распространены в шаманистской мифологии алтайцев, включая шорцев.¹³⁶ Чудовищная «рыба» *Кар Балык* – самое крупное и, судя по усаженной длинными зубами пасти, свирепое животное преисподней считалась сильным спутником шамана. Изображения этих рыб на бубнах шорцев помещались часто в нижней сфере среди всех других мифических существ, обозначавших духов шамана (рис. 9). Согласно легендам отдельных народов Сибири, отверстия пасти фантастических рыб-чудовищ верхней губой касаются неба, а нижней – земли. Одна из них испускает холод, порождая осень и зиму; вторая – тепло, вызывающее приход весны и лета. По поверью алтайцев, добрый дух Ульгень, сотворивший вселенную, утвердил ее на трех рыбах, именуемых «*Кар-*

¹³⁵ Дьяконова В. П. О значении реки и воды в культуре народов Саяно-Алтая // Реки и народы Сибири. – СПб: Наука, 2007. – С. 131.

¹³⁶ Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманизму) [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – Загл. с экрана.

Балык». Одна из них располагается в центре земли, две – по бокам от нее. На поверхности бубна на рис. 10 изображены четыре рыбы: одна из них, устремленная вверх, нарисована в «действительной земле». По сведениям, полученным Л. Э. Каруновской у шаманов Саяно-Алтая, *Кар Балык* обитает в молочном озере, находящемся на вершине горы, что возвышается в центре земли¹³⁷. В. П. Дьяконова пишет о том, что *Кар Балык* является хозяином красного озера. В любом случае, это существо связано с водной стихией¹³⁸.

Две другие *Кар Балык* на этом бубне помещены в нижнем мире с правой и левой стороны от лягушки, третья чудовищная рыба находится посередине в самой нижней части бубна под лягушкой (рис. 10).

На бубнах имеются и довольно реалистично прорисованные рыбы (фото 12). Есть и упоминания о таких рыбах как налим и щука, являющихся ездовыми животными шамана¹³⁹.

Кроме рыбы в роли опоры, несущей на себе громаду вселенной, часто выступают и другие существа, также тесно связанные в представлении народов Сибири с водой, – лягушка, змея, ящерица. Они выражали идею воды небесной (дождя). Хтонические создания считались покровителями не только урожая, но и плодovitости вообще. К ним обращались с мольбами о размножении стад и даже о ниспослании сына или дочери. Им приписывалась особая жизненная сила: считалось, что змеи, лягушки и ящерицы отличаются чрезвычайным долголетием и едва ли не владеют секретом бессмертия.

Мотив лягушки *пага* связан с духом огня и образом властителя подземного мира – Эрлика, так как своих лапках она несла владыке подземного царства сосуд с жертвенной брагой. Изображение ее на бубне имеет вид пересеченного косым крестом овала или прямоугольника с четырьмя растопыренными лапками. Существуют бубны с реалистично нарисованной лягушкой (рис. 17).

¹³⁷ Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманизму) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Karunovskaya-Vselennaya.pdf>. – Загл. с экрана.

¹³⁸ Дьяконова В. П. О значении реки и воды в культуре народов Саяно-Алтая // Реки и народы Сибири. – СПб: Наука, 2007. – С. 127–150.

¹³⁹ Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984. – С. 90.

Обитатель нижнего мира – змея *чылан*, мыслилась шаманом как «обруч земли» и прикрывала собой найденную шаманом душу больного. Изображение змей на бубне на самом дне нижней сферы иногда показано реалистично – ползущими и вытянутыми, а иногда нарисовано в виде прямой длинной линии, пересеченной множеством параллельных коротких, с круглой головой или без нее. Последний вариант напоминает мифического змея, являющегося универсальным символом во всех мифологиях народов мира. Он связан, с одной стороны, с плодородием, землей, женской производящей силой, водой, огнём (в том числе небесным), дождем и домашним очагом, с другой – мужским оплодотворяющим началом.¹⁴⁰ Змея помогала шаманам лечить скот от многих болезней, а людей – от заболеваний глаз.

Ящерица келескин имела отношение к духу огня, на бубнах рисовалась в нижнем мире очень стилизованно. В гравировке по кости ее образ легко узнаваем: вытянутое тело, длинный хвост, характерно расположенные лапки, круглая голова (табл. 5: 10). По мнению Н. А. Алексеева изображаемые на бубнах пресмыкающиеся являлись отражением образа духа огня¹⁴¹.

На предметах из музейных коллекций имеются изображения других существ, однако, расшифровка значения их образов практически не представлена в источниках, отражающих сборы первой четверти XX в., когда в устных преданиях народа еще сохранялась память об их семантике. Либо о них имеются записанные собирателями сведения, но четко зафиксированного образа нет. Например, есть упоминания о напоминающем горностая сверхъестественном существе *Тайлык*, используемом шаманом как ездовое животное¹⁴².

Таким образом, мотивы народного искусства шорцев довольно многообразны и включают, как и памятники других народов антропоморфные, зооморфные, растительные, мифологические элементы

¹⁴⁰ Кубарев В. Д. Змеи-рыбы-драконы в петроглифах Алтая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2002/09/08.html>. – Загл. с экрана.

¹⁴¹ Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984. – С. 91.

¹⁴² Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984. – С. 90.

декора, а также мотивы, связанные с традиционным мировоззрением шорцев. К сожалению, исследователями с 1920-х гг. был собран фрагментарный материал о поклонении духам охоты у представителей разных шорских родов. Тем не менее, на основе материалов музейных собраний (полевых дневников, рукописных и фотоархивов) выстраивается определенная система культовых обрядов, связанных с основными традиционными занятиями, преимущественно с охотой, и создание шорцами материальных образов почитаемых ими духов в собственных художественных традициях, являющихся своеобразным маркером их народной культуры. Среди многообразия изображаемых шорцами духов, одни из них почитались отдельными родами, другие – целыми группами родов.

На протяжении длительного исторического периода были выработаны изобразительные традиции создания облика сакральных существ в зависимости от необходимости обращения к ним за помощью. Родовые духи изготавливались в технике скульптурной резьбы по дереву и содержали в своем образе мифические черты – двухголовость, нос в пол-лица и т. п. При создании образов отдельных духов в виде масок, которые надевалась на участников обряда для его перевоплощения, применялась береста. Обозначение шаманских духов осуществлялось путем росписи по коже животного, которым обтягивался бубен. Создание всех образцов народного искусства происходило у шорцев в рамках домашних ремесел, которым посвящен следующий раздел.

Глава 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕМЕСЛА ШОРЦЕВ КАК ЭЛЕМЕНТ ИХ ДОМАШНЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

2.1. Формирование художественного направления в мужских домашних ремеслах шорцев

Для традиционного шорского хозяйства было свойственно развитие домашних ремесел и промыслов, характеризующихся тем, что все произведенное в хозяйстве внутри него и потреблялось. Так как охота являлась основополагающей формой хозяйственной деятельности, для обеспечения ее функционирования практиковались такие мужские ремесла как выделка шкур и кожи, деревообработка, обработка бересты и резьба по кости и рогу. Художественное направление развилось не во всех видах мужских ремесел.

При создании различных изделий учитывались свойства пород древесины. Шорцы из березы *казынг*, считавшейся священным деревом, изготавливали культовые предметы: резные рукояти бубнов, ритуальную посуду, изображения почитаемых духов. Из осины *аспак*, древесина которой отличается мягкостью и однородностью текстуры, вырезали ложки. Черемуха *ныбырт* с упругой и гибкой древесиной использовалась для изготовления лыж с загнутыми носками, полозьев и копыльев охотничьих нарт, луков для охотничьих ловушек – самострелов, черканов. Из ели *тиген* изготавливали кузова комусов – смычковых музыкальных инструментов. Кедр *кузук агажы* с легкой и мягкой древесиной, отличающийся стойкостью против гниения, использовался при производстве утвари, предназначенной для длительного хранения пищевых продуктов. Кроме того, кедр также, как и береза, применялся для изготовления культовой скульптуры и частей шаманского бубна: из него гнули основу бубна – обечайку.

Дерево обрабатывали различными инструментами, применяя разнообразные способы. В музейных собраниях хранятся: тесла *адылга* – большие и малые для выдалбливания внутренней углубленной емкости

деревянных предметов (фото 26 а, б), стружок для гладкой обработки деревянной поверхности иногда соединенный с теслом в один инструмент (фото 26 в), инструмент с крючкообразным лезвием и деревянной рукояткой для выбирания материала из середины сосуда (фото 26 г). Помимо этого для строгания и резьбы широко употребляли специальные ножи, для проделывания круглых отверстий пользовались сверлом и шилом. При изготовлении ящиков, сундучков для скрепления досок, а также закрепления дна у берестяных сосудов, роговых табакерок и пороховниц применяли деревянные гвозди-колышки.

2.1.1. Художественная обработка дерева и бересты

В рамках *деревцообработки* развивалось и художественное направление, которое включало резьбу, инкрустацию металлом, изготовление объемной скульптуры. Шорцам было известно несколько типов резьбы по дереву: контурная, выемчатая, рельефная, прорезная и скульптурная.

Контурная резьба, основанная на выведении углубленной выемки на плоской поверхности предмета, выполнялась ножом с хорошо отточенным лезвием. В этой технике декорировался целый ряд предметов, имеющих отношение как традиционному быту народа, так и его религиозным верованиям.

Техника контурной резьбы украшала деревянные головки курительных трубок, привезенных из улуса Мыски С. П. Швецовым в 1900 г. и Н. П. Дыренковой в 1931 г. Сначала вырезалась основа трубки – ее головка из двухрождковой деревянной развилки, концы которой срезались практически на одном уровне, но под разным углом (рис. 25). Один конец играл роль чаши для табака, второй предназначался для вставления в него чубука – полого стержня курительной трубки, через который курящий

Рис. 25. Головка курительной трубки канза. Дерево, резьба.

Колл. Омского историко-краеведческого музея¹⁴³

¹⁴³ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 3. – С. 217.

втягивает табачный дым. В полученной дугообразной заготовке изнутри выбиралась древесина. Затем производилась шлифовка наружной поверхности.

Чаша для табака традиционно выстилалась изнутри пластинкой листовой меди, края которой вдоль отверстия чаши обрезались в виде треугольников и загибались вдоль края по кругу так, что образовывался орнамент из треугольников (фото 22). Т. е. здесь мы встречаемся с традиционным для шорцев мотивом родовой горы, столь близким охотнику – владельцу трубки. Орнаментальные мотивы наружной поверхности также включали этот мотив – двойные зигзагообразные линии располагались вверху и внизу под чашей для табака. Между ними в технике контурной резьбы наносился линейный орнамент из вписанных один в другой прямоугольников разной величины. На второй чашке, предназначенной для чубука, в этой же технике контурной резьбой выполнено не вписывающее в орнаментальную композицию изображение в виде пересеченного внутри ромба с расходящимися треугольными ответвлениями (рис. 25). Можно предположить, что это символическое изображение лося или оленя, так как трубка принадлежала охотнику. Либо на трубке нанесено мифологизированное изображение почитаемого духа.

Следует отметить, что из двадцати двух деревянных трубок, хранящихся в музеях России, в технике контурной резьбы украшены только три. Возможно по причине того, что предпочтение при изготовлении курительных принадлежностей мужчины отдавали рогу.

Неглубокими линиями контурной резьбы орнаментировались коробки *карчак*, собираемые из пяти деталей: передней, задней и двух боковых стенок, а также дна. Мастерами использовалось соединение с помощью выпиленных в каждом торце пазов (рис. 26 б). Более простым способом было их сколачивание гвоздями (рис. 27). Отдельные коробки предполагали наличие крышки, иногда выдвигной, с ручкой (рис. 26 а).

Рис. 26. Деревянные коробки *карчак*. Дерево, резьба. Колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета¹⁴⁴

Использовались в домашнем хозяйстве коробки различного типа как емкости для хранения необходимых мелких вещей, например, спичек (рис. 26 а), либо предметов женского рукоделия: ниток, игл, фурнитуры. Орнаментировались либо три стенки: передняя и две боковые, или только передняя (рис. 26). Среди орнаментальных мотивов непременно присутствовал зигзаг. На коробке для спичек с выдвигающейся крышкой из улуса Усть-Пызас, обнаруженной в 1927 г. А. К. Ивановым, пара зигзагов образует при пересечении ромбы (рис. 26 а).

На стенках коробки, привезенной тремя годами ранее этим же коллекционером, горизонтально расположенные пояса линейного орнамента включают разные геометрические фигуры, заштрихованные контурной порезкой в разных направлениях. Верхний ряд представлен орнаментом из косых линий, второй ряд – из вертикально заштрихованных ромбов, третий и четвертый – из широких и узких прямоугольников, заполненных диагонально расположенными линиями. Боковая стенка также декорирована четырьмя орнаментальными поясами, помещенными между двумя параллельными прямыми линиями: в верхнем ряду вырезан орнамент из косой сетки, второй орнаментальный ряд – пояс из коротких вертикальных линий, в третьем ряду наклонные линии образуют орнамент в виде треугольников, четвертый ряд из таких же прямоугольников, что и на лицевой стороне коробки (рис. 26 б).

Среди декорированных деревянных коробок *карчак* встречаются такие, на которых наблюдается нарушение симметрии орнамента за

Рис. 27. Коробка *карчак*. Дерево, резьба. Колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета¹⁴⁵

¹⁴⁴ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 3. – С. 212.

¹⁴⁵ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 3. – С. 212.

счет включения в него антропоморфного изображения, как уже отмечалось на головке курительной трубки на рисунке 25. Линейный орнамент в верхней части лицевой стенки коробки вдоль ее верхнего края в виде заштрихованных прямоугольников напоминает тот, что на рисунке 26 б. В данном случае орнаментальный пояс не доведен до правого края стенки и отграничен от декора, расположенного ниже, прямой линией и зигзагом. Прямоугольники здесь вырезаны только по нижним углам коробки. А между ними – то ли древо, то ли сидящая антропоморфная фигурка, слева от которой прорезаны три вертикальные линии, справа нанесены знаки, прочтение которых, к сожалению, не зафиксировано собирателями в начале XX в., которым датирован музейный предмет (рис. 27).

Результаты анализа материалов музейных собраний свидетельствуют о том, что нанесение декора на деревянных коробках было обязательным: из семи хранящихся в музеях подобных предметов, приобретенных с 1924 по

Рис. 28. Контурная и прорезная резьба рукояти бубна. Фотоархив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ

1931 гг. в улусах Усть-Пызас, Нижние Кичи, Эльбезе, Мыски, декорированы все¹⁴⁶.]

Контурной резьбой у шорцев декорировались рукояти шаманских бубнов, укрепляемые вертикально внутри них. Рукоять олицетворяла «хозяина бубна» и называлась *барс/марс* или *бар* (т. е. зверь). В отличие от рукоятей алтайских бубнов, вырезанных в виде антропоморфной фигуры, у шорцев это была биконическая фигура с перехватом посередине (фото 22), за который шаман держал бубен во время камлания. Верхние концы обоих конусов сплошь покрывались наклонными контурными линиями, расположенными так, что образовывали треугольники – символы гор. Нижние края рукояти крепились к обечайке бубна и имели вид лопасти-дощечки, испещренной отверстиями *кӧс* – «глазами». Вдоль дощечки проходил гребешок, разделявший каждую

¹⁴⁶ Кимеева Т. И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта: статья и тексты коллекционных описей [Текст] / Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – Ч. 3. – С. 173–175.

лопасть пополам (рис. 28). На верхней плоскости гребешка также вырезались сходящиеся вершинами линии, образующие череду треугольников, символизирующих горы, которые шаман должен был преодолевать при камлании.

Простым и древним по происхождению видом резьбы по дереву является геометрическая выемчатая резьба, выполняемая ножом со скошенным лезвием. Данная резьба характеризуется созданием узора, заглубленного в гладкий фон. Техника выполнения этого типа резьбы заключается в том, что лезвием ножа подрезается контур предполагаемой

Рис. 29. Геометрическая выемчатая резьба. Дерево. Колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ

фигуры, затем ножом вынимается древесина и рисунок при этом углубляется в фон. Геометрическим этот тип резьбы назван по причине того, что используются геометрические фигуры, ритмично складывающиеся в орнаментальные композиции в самых различных комбинациях. Так на курительной трубке, обнаруженной в улусе Дальний Кезек В. М. Кимеевым в 1980-е гг. в ходе этнографической экспедиции, ряд чередующихся треугольников, направленных вершинами влево заключен между двумя параллельными линиями из треугольников, ориентированных вершинами внутрь орнаментальной полосы (рис. 28; фото 23).

Другим, древним по своему происхождению видом резьбы, имеющим место у шорцев, но не нашедшим у них широкого распространения, была рельефная резьба. Орнаментальные линии выявлялись на поверхности путем их углубления, а поверхностный фон получался объемным и выделялся как составляющая узора. Для придания декору мягкости, края поверхностного фона немного скругляли. Образцом подобного типа резьбы является головка курительной трубки из шорской коллекции музея-заповедника «Томская писаница», орнамент которой составляет орнаментальная сетка из косых линий, углубленная в выступающий фон (фото 23 б).

В материалах музейных собраний имеются доказательства владения шорскими резчиками по дереву техникой прорезной резьбы. Часто она применялась в комбинации с контурной резьбой, как, например, при резьбе на концах рукояти шаманского бубна. Прорезной резьбой обозначены глаза *кӧс* хозяина бубна в виде сходящихся вершинами треугольников (рис. 28). Прорезная резьба в виде круглых сквозных отверстий встречается на рукоятях бубнов, которые состоят из двух плоских лопастей, соединенных перехватом (рис. 30 а). Сквозные круги образуют орнамент. Сгруппированные по четыре, они делят верхнюю лопасть поперек на восемь секторов, нижнюю – на три. В каждом из секторов вырезано по четыре круга с каждой стороны от гребешка, разделяющего лопасти и символизирующего горы. В свою очередь, гребешок орнаментирован в технике контурной резьбы: наносились параллельно друг другу треугольные фигуры с открытым нижним основанием. Они обозначали горы, перелетаемые

Рис. 30 а. Прорезная резьба рукояти бубна. Фотоархив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ

шаманом во время моления и изображались на рукоятях бубнов многих шорских шаманов (рис. 30 б). Лопасти-дощечки могли быть декорированы прорезной резьбой иного характера, чем описанный выше, но они также не нарушали приверженности традиционных мировоззрений народа. Так, на рукояти бубна из фотоколлекции Н. П. Дыренковой 1927 г., прорезной орнамент составляют три пары расположенных в ряд треугольных фигур с открытым нижним основанием, расположенных по обе стороны от гребешка.

Рис. 30 б. Рукоять шаманского бубна с прорезным орнаментом. Фотоархив Н. П. Дыренковой¹⁴⁷

¹⁴⁷ Дыренкова Н.П. Фотоколлекция № 3662-37 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

Скульптурная резьба по дереву у шорцев включала использование антропоморфных и зооморфных мотивов, при этом живая реальная форма изображений была сильно схематизирована. Особенно это касается изображений *тайгамов* верховий Мрассу – в образе фигурок, состоящих из двух овалов и перемычки между ними (рис. 20). Фигурки резали из заготовленной предварительно просушенной дощечки, по размеру соответствующей величине будущего идола. Стиль изображения, по всей вероятности, соответствовал мастерству резчика, но имелись определенные закономерности в изготовлении антропоморфных культовых предметов. Голова по своей форме была приближена к овалу, очень редко она вырезалась круглой формы. Нос, как правило, занимал пол-лица (фото 18 а, б; 19 а, в; рис. 21). Глаза неизменно выполнялись из медных или железных стержней, вбитых в дерево и расплюснутых снаружи. Примечательно, что вырезанные руки отдельных изображаемых шорцами духов иногда напоминали крылья птицы (фото 18; рис. 21). Ряд антропоморфных фигурок имеет руки в виде прямоугольных выступов, располагаемых перпендикулярно к телу (рис. 21 б, фото 19 а). Ноги вырезаются расчленено друг от друга, часто с прямоугольной или овальной выемкой между ними, с изображением ступней или без них.

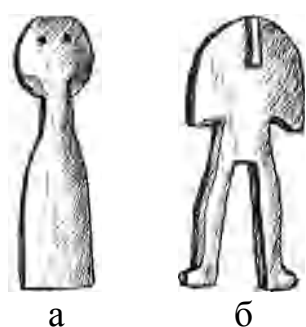

Рис. 31. Культовые предметы. Шорцы, дерево. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея¹⁴⁸

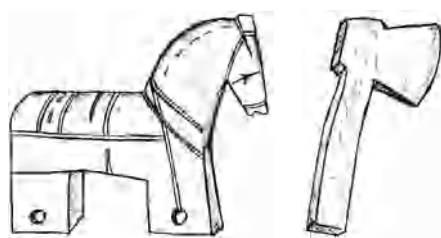
У некоторых антропоморфных скульптурок выделяются специфические детали, например, вдоль всего тела фигурки вырезан продольный выступающий гребешок, испещренный в области лица поперечными треугольными насечками, подобными тем, что имеются на рукоятках бубнов. Живот отмечен овальным углублением, декорированным резьбой в виде косога креста (рис. 21 в; фото 19 б). Встречаются в музейных коллекциях и нестандартно вырезанные изображения духов. Одна фигурка из коллекции Кемеровского областного краеведческого музея имеет округлую голову с круглыми сквозными отверстиями на месте

¹⁴⁸ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 5. – С. 84.

глаз и вытянутое трапециевидное туловище, прямо срезано внизу (рис. 31 а). Вторая фигурка из этого же музея отличается отсутствием головы, ее покатые плечи образуют дугу, с вершины которой опускается длинный выступающий вперед нос. Дуга оканчивается изображением рук, напоминающих крылья птицы, как у многих *тайгамов* (рис. 31 б). К сожалению, в коллекционных описях музея, где хранятся эти идола, зафиксирован только тот факт, что они изготовлены в начале XX в. и приобретены в Таштагольском районе Кемеровской области.

Художественный образ деревянной антропоморфной скульптуры иногда дополнялся приклеенными из меха промысловых животных бородой, усами и пр., что отражало связь деревянных фигурок, изображающих родовых духов, с охотничьим промыслом. Л. П. Потаповым зафиксировано, что шорцы окрестностей Кузнецка изображения *шалыгов* вырезали парными, одно из которых считалось мужем, другое – женой¹⁴⁹. К сожалению, в музейных собраниях парных деревянных фигурок не зафиксировано, каждая зарегистрировано в музейной документации как отдельный идол.

Скульптурная резьба бытовых предметов у шорцев характеризуется тем, что часто они также как и культовые фигурки, изготавливались плоскостными. В музейных коллекциях хранятся деревянные трепала *кылыш*

а б
Рис. 32. Детские игрушки. Шорцы, дерево. Колл. а) Музея археологии и этнографии Томского государственного университета; б) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого¹⁵⁰

для обработки волокон кендыря. Навершия их рукояток декорированы в виде вырезанных плоских округлых дисков, вероятно, связанных с соляным культом (фото 27 а). Такое предположение представляется весьма логичным, так как предметы женского труда у многих народов украшал оберегательный соляной орнамент.

¹⁴⁹ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 39.

¹⁵⁰ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 5. – С. 115–116.

Плоскостными были и деревянные скульптурки, выполняющие функции детских игрушек. На территории Горно-Шорского района исследователями обнаружены отдельные образцы таких игрушек. А. К. Ивановым передана в музей Томского университета лошадка, зафиксированная в коллекционных описях как *акат айначат-ат*. Она изготовлена из древесины кедра, цельная. В нижней части вырезаны ноги в форме двух прямоугольных выступов, в которых просверлены круглые сквозные отверстия для продевания в нее, по всей вероятности, колесной оси из дерева или иного материала. Глаза по обеим – из ружейных пистонов. На фигурке техникой контурной резьбы нанесены изображения конской упряжи – узды и седла. По контурной линии налобника узды укреплена латунная бляшка из расплющенного пистона. Хвост крепился с помощью железного гвоздя (рис. 32 а).

Н. П. Дыренок и И. Д. Старынкевич привезен в 1927 г. из экспедиции в Горно-Шорский район в Музей антропологии и этнографии игрушка-топорик *малта*, представляющий собой контурное изображение топора, вырезанное из цельного куска дерева с лезвием, суженным с рабочей стороны (рис. 32 б).

В сборах второй половины XX в. появляется объемная скульптурная резьба из дерева. Например, оформление концов опоры для укрепления нитченки *кузук агажы*, входящей в состав ткацкого станка *кендырь тыбеге*. Это – подпрямоугольная в сечении плашка длинная плашка. На ее концах вырезаны куполообразные фигуры, одна сторона которых объемная, другая – плоская. На плоских сторонах просверлены отверстия для верхних концов подставок. Нитченка *кузук кибе* закреплялась сверху, вкладываясь в небольшие круглые углубления. На нитченке крепились петли для продевания нитей основы при разделении их на четные и нечетные. Возможно, что эти фигуры по своей семантике восходят к изображениям почитаемых гор (фото 27 в). Объемная фигурка рыбы, обращенная головой вверх, вырезана как

навершие ручки деревянной ложки. Фигурка гладко отшлифована и отличается плавными обтекаемыми формами (фото 27 б).

Следует отметить, что для декорирования традиционных изделий из дерева у шорцев часто использовались комбинированные художественные приемы. Примером могут служить деревянные рукояти бубнов *барс* (тюркск.

Рис. 33. Рукоять бубна. Шорцы, дерево. Колл. Новокузнецкого краеведческого музея

зверь), основа которых состояла из двух вырезанных в технике скульптурной резьбы куполообразных деталей, сходящихся вершинами в области перехвата, за который держался шаман во время камлания. Рукоять покрыта поперечными параллельными поясами, между которыми заключены линии из трех, пяти, семи параллельно расположенных зигзагов, выполненных контурной резьбой. На стенках вырезанных на концах рукояти глубоких выемок обозначены глаза *барса – тös* в форме сходящихся вершинами прорезных треугольников в технике прорезной/сквозной резьбы (рис. 33).

Не слишком распространенным, но имеющим место у шорцев, был художественный прием инкрустации деревянных предметов металлом, из которых предпочтительным было использование олова, благодаря невысокой

Рис. 34. а) способ инкрустирования деревянного предмета; б) курительная трубка *канза*. Дерево, инкрустация оловом. Колл. Омского историко-краеведческого музея¹⁵¹

температуре его плавления – около 232°C. Инкрустацией, применительно к этнографическим музейным коллекциям можно считать декорирование предметом из одного материала (дерева, кости, рога) другим (металлом) способом заливки расплавленного металла в каналы предварительно вырезанного узора, либо вбивания металлических пластинок в

¹⁵¹ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 3. – С. 217.

поверхность предметов из указанных материалов. Процесс инкрустирования дерева путем заливки представлял собой следующую процедуру: на поверхности деревянной заготовки курительной трубки вырезались контурные углубленные линии геометрического орнамента, соединенные между собой желобками для обеспечения растекания по ним расплавленного металла. После нанесения орнамента изделие плотно оборачивалось полосой бересты и крепко перевязывалось прочной бечевкой. Расплавленное олово заливалось между изделием и берестяной оберткой так, что олово растекалось по углублениям орнаментальных линий (рис. 34 а). После его остывания береста снималась и изделие шлифовалось. Изготовленный таким образом предмет, орнамент которого из прямых линий и косых елочек напоминал изображение священного дерева, не просто представлял художественную ценность, но и был долговечным в использовании (рис. 34 б).

Иногда олово просто заливалось в вырезанные фигурные углубления, и по окончании его остывания снимались излишки металла на поверхности деревянного предмета и проводилась

Рис. 35. Приклад ружья *мылтык*. Дерево, олово. Колл. Новокузнецкого областного краеведческого музея¹⁵²

шлифовка. В подобных случаях, как на прикладе деревянного ружья *мылтык*, декор не был геометрическим, а приближался к растительному, абстрактному, либо зооморфному (рис. 35).

Головка курительной трубки, приобретенная в 1926 г. у жителей по р. Мрассу и хранящаяся в Осинниковском краеведческом музее, является свидетельством того, что шорцам был известен и другой способ инкрустирования – вбивания металлических пластинок в дерево. Верхний край чаши курительной трубки инкрустирован бордюром из вбитых медных пластинок, образующих две зигзагообразных полосы¹⁵³.

¹⁵² Кацоба Д. В. Материалы о шорцах: зарисовки этнографических коллекций музеев Кемеровской области // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.

¹⁵³ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 3. – С. 194.

Обработка древесины была тесно связана с изготовлением берестяных предметов, которые в отдельных случаях декорировались. В предыдущей главе уже упоминалось об изготовлении культовых берестяных масок *Ежик ээзи* – «хозяина переднего угла» (челейцы) и *Төр кижги* – «человека переднего угла» (каларцы). Берестяные маски были также неотъемлемым атрибутом культового обряда *Кочо-Кан*.

Для изготовления маски береста укладывалась внешним необработанным слоем вниз, намечалась и вырезалась берестяная основа маски в виде полуовала. В обрядовой маске *Коча-Кан* глаза, нос и рот вырезались в виде сквозных отверстий (фото 28 а, б). При изготовлении изображений домашних духов контуры глаз вышивались кендырной ниткой частыми выпуклыми стежками. Сами глаза обозначались кусочками перламутра или свинцовыми бляшками. В поперечную прорезь вставлялся и закреплялся стежками берестяной нос овальной формы, либо он вырезался из дерева (рис. 19). К маскам могли быть прикреплены усы и брови из шкурки промыслового почитаемого родом животного, например, у каларцев это была белка.

Кроме культовых предметов из бересты, как материала достаточного легкого в обработке, изготавливались и бытовые предметы, которые иногда декорировались. Шорцам были известны такие приемы художественной обработки бересты как накладной декор, тиснение и прорезная резьба с подкладным фоном.

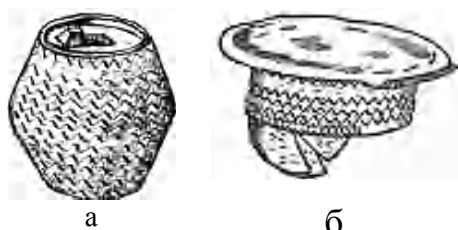

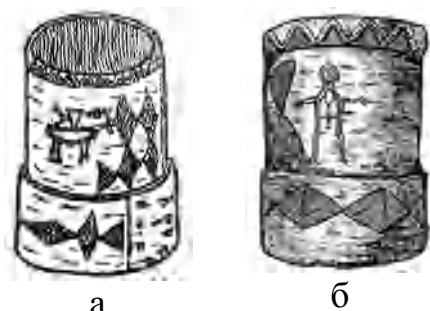
Рис. 36. Солонка. Береста, дерево.
Колл. Музея археологии и
этнографии Томского
государственного университета¹⁵⁴

Накладной декор – нечастое явление у народов Сибири, у шорцев представляет собой наложенные друг на друга вырезанные в виде зигзагов берестяные полосы, скрепленные дополнительно клеем (рис. 36 а). Данный прием мог быть использован для украшения

¹⁵⁴ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 3. – С. 206; Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 116.

утвари и элементов костюма в равной степени. Околыш берестяного картуза выполнен в той же технике, что и тулово расширенной в центральной части солонки (рис. 36 б). Солонка, как большинство сосудов с берестяным туловом, изготовлена в комбинированной технике их бересты и дерева. Донце и крышка вырезаны из дерева в виде круглых дисков, при этом в донце имеется прямоугольное отверстие, закрываемое крышкой.

В музейных коллекциях имеются в наличии табакерки, изготовленные в подобной комбинированной технике. Берестяные табакерки имели овальную форму в поперечном сечении, видимо, для удобства их ношения прикрепленными к поясу. Изготавливались они двухслойными: внутренний слой снимался «чулком» с березовой чурки, размеры которой определяли и размеры табакерки. Внешний слой из одного или двух берестяных полос соединялся «в замок». Донце и крышка овальной формы вставлялись в распаренные берестяные стенки табакерки и прочно закреплялись в них после остывания бересты. К крышке крепилась кожаная петля для подвешивания табакерки к поясу. Орнамент стенок составляли треугольники, как символы родовой горы, расположенные в различных комбинациях, выполненные в технике тиснения и прорезной резьбы с подкладным фоном. Декор табакерки с берестяным туловом из улуса Верхний Таяс из сборов А. К.Иванова 1927 г. составляют три вертикально расположенные орнаментальные группы из пяти

а б
Рис. 37. Туес *түүс*. Береста, дерево, тиснение. Колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета¹⁵⁵

треугольников, соединенных между собой и направленных вершинами в противоположные стороны, которые заключены в прямоугольное поле, образованное рядами мелких треугольников. Соединение стенок табакерки также осуществлялось с помощью треугольных выемок (рис. 13). В технике точечного тиснения, напоминающего гравировку и выполняемого

¹⁵⁵ Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 119; Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // Труды института этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л. 1954. – Т. XXII. – С. 662.

узким лезвием инструмента, декорированы туеса для хранения культовых предметов. Декор одного из них уже описан в предыдущих разделах (рис. 1, 3). Туеса *түүс* представляли собой сосуды цилиндрической формы, изготовленные в комбинированной технике из бересты и дерева. Тулово туесов делалось из двух слоев бересты, Внутренний слой представлял собой берестяной цилиндр – «сколотень», снятый с отрезка березового ствола «чулком». Верхний слой – «рубашка» был из прямоугольного тиска бересты. Ею сколотень оборачивался и соединялся либо одним-двумя швами сарги (рис. 37 б; 38 б), либо «в замок» посредством V-образных выемок (рис. 38 а). Верхний и нижний края туесов укреплялись широкими берестяными ободьями, соединенными такими же приемами, что и верхний слой тулова. Иногда верхний обод заменял отогнутый наружу край внутреннего цилиндра (рис. 37).

Декорировались, как правило, туеса для хранения культовых предметов. В коллекции Музея этнографии и природы Горной Шории тоже имеются подобные сосуды из бересты, украшенные тисненым декором, основными мотивами которого служат зигзаг и ромб.

Следует отметить, что на берестяных сосудах из музейных коллекций

а б
Рис. 38. Туеса түүс. Береста, дерево, тиснение. Колл. Музея этнографии и природы Горной Шории¹⁵⁶

именно зигзаг и ромб являются общим мотивом декора. При этом ромбы могли располагаться в различных комбинациях (рис. 37, 38 а). Зигзаги же, преимущественно парные, располагались линейно орнаментальными поясами вдоль верхнего или нижнего края туеса (рис. 37, 38 б), под ободом (рис. 38 б), проявляться в форме вертикального соединительного шва (рис. 38 а).

Образцом декорирования культового сосуда, несомненно, может считаться туес из коллекции Музея археологии и этнографии Томского государственного университета (рис. 1, 3, 37). Мотивы выполненного на нем декора связаны

¹⁵⁶ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 5. – С. 89.

с мифологическими представлениями шорцев, отражающими анимизм, солярный культ, поклонение родовым горам. На стенке тулова двумя параллельными линиями нанесено изображение светила, пересеченного внутри косым крестом, с четырьмя лучами трапециевидной формы. Справа от светила двойной линией нанесена мужская антропоморфная фигурка с изображением внутренностей и знака пола. Руки фигурки раскинуты, ноги направлены ступнями в разные стороны, лицо обозначено точками и черточками. Слева от солярного знака вытеснен олень с четырьмя небольшими рогами и треугольниками на спине. Над шеей оленя – миндалевидная горизонтально пересеченная фигура. Вся композиция слева и справа обрамлена заштрихованными частой сеткой треугольниками и ромбами (рис. 3). Вдоль верхнего края туеса по отвороту нанесен поясной орнамент из двойного зигзага, по нижнему ободу – орнамент из заштрихованных сеткой ромбов (рис. 38 б).

Таким образом, анализ материалов музейных коллекций показывает, что художественная обработка дерева и бересты у шорцев была в достаточной степени развита в рамках мужских домашних промыслов. Мастерам были известны при работе с деревом техники контурной, выемчатой, прорезной и скульптурной резьбы, а при декорировании бересты – накладной декор и тиснение.

2.1.2. Декорирование кости и рога

Одной из ярких и самобытных составляющих древней культуры Сибири является художественная резная «кость». Под этим термином подразумевается многообразие предметов, изготовленных из различных органических материалов, включая рог (полый, цельный) и кость (трубчатую, плоскую), которые традиционно обрабатывали шорские мужчины. Предметы в шорских коллекциях музеев России изготовлены из рога оленя, лося, косули, коровьего рога и простой кости животных. Каждый из названных материалов обладает разными эстетическими данными, особенностями

строения и другими специфическими свойствами, что непосредственно отражается на характере декорирования создаваемых изделий.

Технология обработки рога и кости реконструирована на данных полевых экспедиционных материалов, хранящихся в музее. Существовали два типа обработки рога: с удалением сердцевины из рогового чехла, и без ее удаления. Первый заключался в том, чехол и сердцевина рога не отделялись друг от друга. Он применялся для изготовления рукояток для необходимых в хозяйстве предметов. Срезался конец рога нужной длины и толщины, вымачивался несколько дней в воде. Наружная поверхность обрабатывалась до прозрачного слоя и шлифовалась до гладкости, внутренняя, после вставления лезвия ножа или кожаной части плетки заполнялась клеем или смолой так, что бы ни наполнителя, и хвостовика лезвия или плетки не было видно. Наружная поверхность рукоятей декорировалась в технике гравировки точечным наколом, либо тонкой сплошной контурной линией. Орнамент состоял из двойных зигзагов, зигзагов с петлей в изломе, одиночных мифических фигур, иногда вплетаемых в систему орнамента. Без удаления сердцевины рога вырезали также пряслица для веретен, ложки, сошки-подставки для ружья.

Второй способ обработки включал удаление сердцевины из рогового чехла. В этом случае рог вываривали в щелочном растворе, приготовленном из древесной золы, затем удаляли сердцевину. В условиях современности выварку можно производить в течение 2–3 ч. В растворе кальцинированной соды (7–12 г на 1 л воды). Этот способ практиковали при изготовлении курительных трубок *канза*, табакерок, небольших чашек *сёёк чырга* и других полых предметов.

Для косторезного производства шорцев активное использование естественной формы исходного сырья стало одной из традиционных особенностей, проявляющихся и в художественно оформленных предметах. Рог марала и лося имеют хорошо развитую большую розетку. Это образование у отростков оленя использовали для изготовления крупных

плоских предметов – дисков пряслиц, колец для управления нартой и др. Из ответвлений рога делали рукоятки для ножей, плеток, навершия сошек, мерки для пороха, головки курительных трубок. Для изготовления некрупных предметов, таких как курки для самострелов, применяли рог мелких копытных, например, косули.

Роговой чехол коровы, покрывающий вырост костей черепа, как правило, использовался целиком, изредка – в виде разогнутых пластин. Костный стержень из рогового чехла коровы удаляли также, вымачивая рог в воде в течение двух-трех недель или вываривая в течение нескольких часов в воде со щелочью, приготовленной путем кипячения в воде древесной золы. После этих процедур легкими ударами костным стержнем о деревянную колоду снимали роговой чехол. После чего рог тщательно вычищали изнутри. Необработанная поверхность рога покрыта серым налетом. Для проявления рисунка, поверхность рога шлифовали. В результате такой обработки проявлялась декоративная структура материала: палитра цвета и естественный рисунок в виде полосок, пятен и т. д. Предметы из коровьего рога являют собой образец простого декора. В шорской коллекции обработку коровьего рога характеризуют пороховницы *мұус*, входящие в состав охотничьего пояса-натруски (фото 31).

Кость крупных копытных животных «цевка» (простая) трубчатой формы подсказывала разнообразные решения для изделий с цилиндрическим туловом. Прежде чем приступить к механической обработке кости, ее обезжиривали, вываривая несколько часов в щелочном растворе. Проваренную кость промывали теплой и холодной водой, а затем просушивали без резкого изменения температуры. Далее материал распиливали на заготовки и шлифовали. В будущие табакерки и солонки вставляли деревянные донца, которые закрепляли со стенками через просверленные в них отверстия деревянными гвоздиками, используя мездровый или рыбный клей. Нанесению орнамента предшествовала шлифовка, так как выполнение гравировки и контурной резьбы требовало

ровных, хорошо обработанных поверхностей. Особенностью декорирования рога и кости у шорцев являлось то, что гравировка могла производиться горячим способом – раскаленным острием шила или патронной гильзой¹⁵⁷

Из рога и кости изготавливали и декорировали преимущественно предметы, имеющие отношение охоте в целом, и снаряжению промысловика, в частности. Это были: элементы охотничьего снаряжения – наконечники стрел, сошки, мерки для пороха, спусковые крючки для самострелов, кольца для управления охотничьей нартой, головки курительных трубок и табакерки, без которых не мог обойтись ни один охотник. Однако среди декорированных предметов их рога у шорцев выделяются также элементы орудий женского труда, являющиеся составной частью веретен для прядения – пряслица-диски, украшенные центрическим орнаментом.

Архаичным способом промысла у шорцев, сохраняемым еще в начале XX в. была охота с луком и стрелами. Изготовление отдельных экземпляров

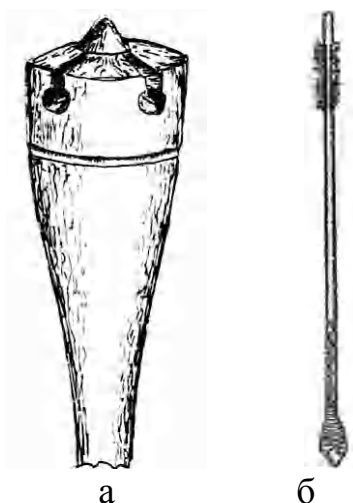

Рис. 39. Наконечники стрелы. Кость, резьба: а) колл. Новокузнецкого краеведческого музея¹⁵⁸; б) колл. Музея археологии и этнографии Томского государственного университета¹⁵⁹

наконечников костяных и роговых стрел можно отнести к художественному домашнему ремеслу шорцев. Такой наконечник под названием *окса сыгырткаш* вырезался шорцами низовьев Мрассу из рога в форме усеченной пирамиды, повернутой основанием вверх, и окрашивался в красный цвет. На ударной части имелись три отверстия, благодаря которым стрела при полете издавала поющий звук, заставляющий зверя замереть. Стрела оглушала пушного зверька, не повреждая его шкурки.

Лук и стрелы в XIX в. у шорцев были практически вытеснены огнестрельным оружием. Старинные ружья *мылтыг* отличались большим

¹⁵⁷ Рейно Л. А. Шорский орнамент [Текст] Л. А. Рейно // Приобье глазами археологов и этнографов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 167.

¹⁵⁸ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Таежные промыслы и средства передвижения [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 1. – С. 130.

¹⁵⁹ Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 113.

весом и снабжались при стрельбе специальными подставками – сошками *мылтык тайак*, в ложе которых охотник устанавливал ружье. Сошки состояли из двух длинных деревянных стоек, заостренные концы которых втыкались в снег, а противоположные края соединялись вверху и скреплялись костяным навершием с углубленным ложем для ружья в верхней части (фото 29 а).

Навершия для сошек из музейных коллекций представляют собой образцы художественной резьбы по рогу. «Т»-образные по форме, они вырезались из отростка рога оленя, переходящего в его расширенную часть. Вверху вырезалось углубленное ложе для ствола ружья. Поверхность заготовки шлифовалась, а затем наносился орнамент в технике гравировки (рис. 12, 15 б).

Гравировка у шорцев имеет специфическую особенность: она выполняется не под прямым углом наносимыми точечными углублениями, а таким образом, словно инструмент мастера направлен под острым углом и лезвие немного соскальзывает так, что орнаментальная линия выглядит немного бугристой (рис. 40 а). Наряду с этим мастерами по обработке кости использовалась сплошная гравировка, заключающаяся в выведении тонкой контурной линии (рис. 40 б).

Семантика декора на навершиях сошек заключала в себе глубокий сакральный смысл, направленный на обеспечение удачи в охоте и безопасности промысловика. Это были мотивы геометрического орнамента: зигзаг с острыми углами и зигзаг с петлями в изломе, как символы родовой горы (рис. 12, 40); знак в виде пересеченного крестом прямоугольника, имеющий отношение к солярному знаку и его цикличному движению, а также четырем сторонам света (фото 29 а). Зооморфные изображения, связанные с промысловыми животными, гравировались на

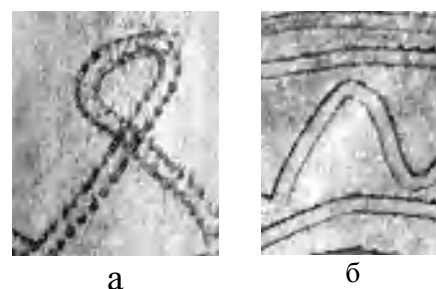

Рис. 40. Гравировка по кости:
а) точечная; б) сплошная контурная

навершиях сошек в сочетании с зигзагом или почитаемым деревом (рис. 12, 15 б).

Применение ружья подразумевало наличие специального охотничьего снаряжения – *натруски*, состоящего из поясного и наплечного ремней, к которым крепился набор охотничьих принадлежностей: пороховница *мюс* из рога коровы, кожаные сумочки для дробы, пистонов и пыжей, роговые мерки для отмеривания пороха и отвертка для ремонта ружья. Мерки *меркем* являются образцами художественной резьбы по рогу. Гладко отшлифованные, они декорировались орнаментом из солярных знаков (кружок с точкой в центре). Орнамент, нанесенный контурной линией, располагался поясами, каждый из которых обозначал границу отмеривания пороха для охоты на конкретного зверя (фото 29 б).

Не менее значимым для промысловика был охотничий нож, вкладываемый в прикрепленные к поясу ножны. Ножом охотник не только разделывал тушки зверей, выстругивал распялки для просушки шкурок и другие необходимые для настройки пассивных ловушек детали, но выполнял им необходимые хозяйственные операции, связанные с обустройством на

а б в
Рис. 41. Нож и рукояти ножей из оленьего рога: а, б) колл. Кемеровского областного краеведческого музея; в) колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета¹⁶⁰

стане и пр. Лезвия охотничьих ножей с односторонней заточкой выковывались из железа в рамках домашних мужских ремесел шорцев и вклинивались в рукояти из обработанного рога. Орнамент выполнялся в технике гравировки и непременно содержал среди мотивов зигзаг в разнообразных его проявлениях: зигзаг с заостренными и скругленными углами, пояс из парных зигзагов, образующих ромбы при их пересечении (рис. 41). Нередко пояса из зигзагов заключались между двумя параллельными прямыми. Использовались также мотивы полукруга

¹⁶⁰ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Таяжные промыслы и средства передвижения [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 1. – С. 128.

(рис. 41 а) и волнистой линии (рис. 41). Встречаются в музейных собраниях зарисовки рукоятей из рога с гравировкой, нанесенной в виде эпиграфического декора, расположенного вдоль рукояти (рис. 6), либо мифологического (табл. 4: 6). Выгравированный орнамент на рукоятках ножей и других орудий у шорцев можно разделить на два вида:

- с соблюдением симметрии (рис. 41, фото 30 в);
- с очевидным нарушением принципа симметрии (фото 30 а, б).

Непременным атрибутом отправляющегося на промысел охотника являлась курительная трубка *канза*, крепившаяся к поясу вместе с кисетом из кожи или холста. Вырезанием и декорированием трубки занимались мужчины. Форму головки трубки подсказывал рог марала с широкой утолщенной площадкой и двумя отходящими от нее ответвлениями. Удалив концы рога, мастер получал неправильную толстую дугу с плоско срезанными на разном уровне чашечками с широкими венчиками, внутренняя поверхность которых и края покрывались листовой медью.

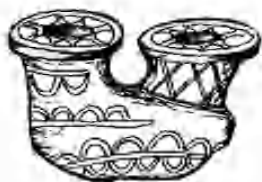

Рис. 42. Головка трубки *канза*. Рог, резьба. Колл. Музея археологии и этнографии Томского государственного университета¹⁶²

После шлифовки наружная поверхность орнаментировалась в технике гравировки, которая, по мнению исследователей, могла выполняться раскаленным острием шила¹⁶¹. Мотивами декорирования были параллельные линии и зигзаги, символизирующие родовые горы (фото 16).

На одной трубке могли сочетаться разные мотивы. Парные зигзаги на чашке для чубука пересекались, образуя косую сетку. На чашке для табака полукружья располагались вдоль парных прямых, которые могли быть трактованы резчиком как линия земли (рис. 42). Именно так на некоторых шорских бубнах изображалась земля как место обитания людей, разделяющая верхний и нижний миры.

¹⁶¹ Рейно Л. А. Шорский орнамент [Текст] Л. А. Рейно // Приобье глазами археологов и этнографов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 163–172.

¹⁶² Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 118.

В комплект курительных принадлежностей охотника входила табакерка из трубчатой кости «цевки», высота которой варьировалась от четырех до восемнадцати сантиметров. Изготавливались емкости для табака из полой кости-цевки, которая и определяла цилиндрическую форму предмета. Верхнее и нижнее отверстия табакерки закрывали деревянными донцами и скрепляли со стенками деревянными гвоздиками. Табакерка крепилась с помощью кожаной петли к поясу охотника вместо кисета. Возможно, она имеет более древнее происхождение, чем кисет.

В верхней крышке вырезалось отверстие для насыпания табака, закрываемой пробкой. Стенки иногда декорировались поясным орнаментом из косой сетки, нанесенным легкой контурной порезкой (рис. 43). Применялся для орнаментации табакерок и прием гравировки. В образце из музейной коллекции

Рис. 43. Табакерка. Кость, резьба. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея¹⁶³

орнамент состоит из четырех поясов зигзага, заключенных между двойными линиями; эта композиция вдоль верхнего и нижнего краев обрамлена полукружьями (фото 14).

Из развитой розетки рога оленя и марала вырезали элементы снаряжения для перевозки грузов охотником, который тянул поклажу за собой

Рис. 44. Кольцо для нарта. Рог, резьба. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея¹⁶⁴

на волокуше из лошадиной шкуры *сюртке* или на двухполозных деревянных нартах *шанак* с помощью плетеной холщевой лямки *сурек*, надеваемой петлями на каждое плечо. Нартой он управлял с помощью специальной оглобли, придерживая ее левой рукой. Круглая в сечении оглобля вставлялась в отверстие вырезанного из кости или рога кольца и крепилась к нарте кожаной петлей, продетой в небольшое отверстие этого

¹⁶³ Кимеева, Татьяна Ивановна Культурные аспекты этнического взаимодействия аборигенов и русских Притомья [Текст]: дис. ... канд. культурологии: 23.00.03 / Т.И. Кимеева. – Кемерово, 2003. – С. 304.

¹⁶⁴ Кимеева, Татьяна Ивановна Культурные аспекты этнического взаимодействия аборигенов и русских Притомья [Текст]: дис. ... канд. культурологии: 23.00.03 / Т.И. Кимеева. – Кемерово, 2003. – С. 304.

кольца (фото 11). Собираемыми названия этих колец зафиксированы по-разному: под названием *салгыш* – в материалах А. К. Иванова 1927 г. из улусов Верхний Алзак и Усть-Пызас, хранящихся в коллекции Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета; под названием *углаба салыжы* – в коллекции Музея

Рис. 45. Кольцо для нарт. Рог, резьба. Колл. Музея этнографии и природы Горной Шории¹⁶⁵

антропологии и этнографии им. Петра Великого, собранной в 1931 г. в улусах Верхний Алзак, Усть-Колзас, Верхний Нымзас, Эльбеше, Большой Азас (рис. 44). Кольца для крепления нарт были плоскими, круглой формы, с многоугольным или петлевидным ушком, в котором проделано круглое отверстие для ремня. Гладко отшлифованная лицевая поверхность декорировалась в технике гравировки. Одним из наиболее популярных мотивов орнамента служил уже упоминаемый зигзаг из двойной линии, располагавшийся на лицевой плоскости кольца соответственно форме предмета по кругу, образуя многолучевую розетку (рис. 44). Орнамент из зигзага иногда включал кружковый орнамент и эпиграфические мотивы (фото 11). Иногда гравировалась не только лицевая сторона, но боковые поверхности кольца линейно расположенным по кругу орнаментом из кружков с точкой в центре. В материалах музейных архивов имеются данные о том, что кружковый орнамент мог выполняться основанием раскаленного патрона (рис. 45).

Подобная техника, по всей вероятности, начинает применяться вместе с появлением огнестрельного оружия. Этот факт подтверждается наличием орнамента, нанесенного в данной технике на мерки для пороха (фото 29 б). Мерки для отсыпания пороха при зарядивании ружья изготавливали из верхней части рогов оленя,

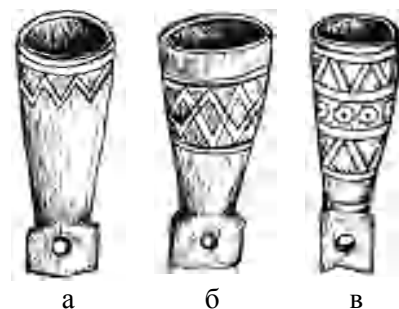

Рис. 46. Мерки для пороха. Рог, резьба, гравировка: а, б) колл. Кемеровского областного краеведческого музея; в) колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета¹⁶⁶

марала или косули. Внутренняя поверхность выскабливалась так, что получался небольшой полый стаканчик конической формы. Верхний его край

¹⁶⁵ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Таежные промыслы и средства передвижения [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 1. – С. 121.

¹⁶⁶ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Таежные промыслы и средства передвижения [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 1. – С. 125.

срезался прямо. Нижний конец уплощался, ему придавалась четырехугольная форма, в центре просверливалось отверстие для ремешка, с помощью которого мерка крепилась к поясу охотника – натруске (фото 31). Мерки были одно- и двухрожковые (фото 29 б). Их орнамент сохранял специфику, связанную с традиционным мировоззрением шорцев. Однорожковые мерки из музейных коллекций опоясывает гравированный орнамент в виде двойного зигзага, оконтуренного двумя параллельными линиями (рис. 46 а). Как и на предметах из других материалов, на поверхности мерок выполнялся орнамент из пары зигзагов, образующих при пересечении ромбы (рис. 46 б). Пояса из зигзагов могли сочетаться с кружковым орнаментом (рис. 46 в). Мотив кружка с точкой в центре мог использоваться самостоятельно, складываясь в орнаментальные пояса и наиболее часто встречаясь на двухрожковых мерках (фото 29 б).

Для орудий пассивной охоты, шорские промысловики также изготавливали роговые и костяные детали, декорированные оберегательной символикой для удачи в добыче зверя. У шорцев до начала XX в. были широко распространены коллективные охоты с загородами: в летнее время группы охотников устраивали поперек маральных троп длинные загородки, длиной до 0,5 км. В загородке оставляли пустоты для прохода маралов или оленей и около них настораживали самострелы. Маралы, натыкаясь на загородку, шли вдоль нее и, заметив пустоту, проходили в отверстие, задевали передней ногой тонкую нитку, соединенную с курком самострела, и падали убитыми от удара стрелы с железным острым наконечником¹⁶⁷. Курки самострелов вырезали из кости или конца рога. Они представляли собой слегка изогнутую пластину, зауженную на одном конце. На вогнутой стороне имелись зарубки для контролирования натяжения лука. Орнамент, наносимый в технике гравировки, состоял из двойного зигзага, проложенного во всю длину курка (фото 32 б). Орнамент такого типа дополнялся кружками с точкой в центре, размещенными между углублениями зигзага иногда с нарушением принципа симметрии (фото 32 а).

¹⁶⁷ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 260 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/PotapovShoriya.html>. – Загл. с экрана.

Появление скотоводства у шорцев повлекло за собой и создание приспособлений, связанных с конским снаряжением, в состав которого входили плетки *камчы сапы*. В шорской коллекции имеется ряд плеток с рукоятью из рога оленя и лося. По форме такие рукояти изогнуты, отдельные элементы изготовлены из ответвления рога с частью розетки (рис. 47 в). Поверхность их зашлифована и орнаментирована в технике гравировки.

Орнамент расположен преимущественно поясами, ограниченными прямыми поперечными линиями, между ними расположены ряды арок-полукружий, зигзагообразных линий. В двух поясах в орнаментальную композицию включаются «Р»-образные фигуры. Полукружья размещены горизонтально на круглых в сечении деталях рукояти, на уплощенной расширенной части розетки рога они имеют вертикальное расположение: нанесенные вдоль прямой линии арки образуют окружности (рис. 47 в)

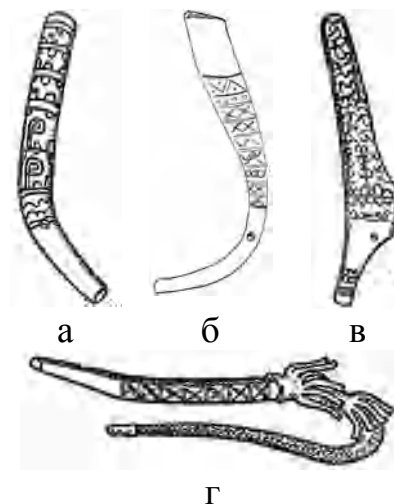

Рис. 47. Рукояти для плеток.
Рог, резьба, гравировка.
Колл. Музея археологии и
этнографии Томского
государственного университета¹⁶⁸

Кроме арок популярен при гравировке рукоятей мотив косоугольного креста, также заключенный между поясами прямых линий (рис. 47 г). Орнаментальные пояса из косоугольного креста чередуются с зигзагом и кружковым орнаментом (рис. 47 б).

Как уже отмечалось, кость и рог использовались и для изготовления предметов женского труда. В музейных коллекциях страны имеется уникальная коллекция шорских пряслиц из рога оленя и марала, орнаментированных в технике гравировки как точечной, так и сплошной в виде тонкой контурной линии. Пряслица представляют собой плоские диски с отверстием в центре и насечками для нитей по внешнему краю, насаживаемые на деревянный стержень (фото 33 в). Во время процесса прядения нитей пряслице выполняло роль маховика при вращении веретена для наматывания на него нити.

¹⁶⁸ Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 118.

Орнамент пряслиц расположен на лицевой, предварительно отшлифованной стороне. Его составляют размещенные по кругу в разных композициях ряды зигзагообразных линий, полукружий, кружков с точкой в центре и двойных линий. Отверстие в центре диска, как правило, оконтурено расположенными по кругу двойными параллельными линиями. За ними выгравированы зигзагообразные линии, которые, замкнувшись в круг, образуют пяти-, семи- и девятилучевые звездчатые розетки (фото 33). Это свидетельствует об оберегательном характере символики на орудиях ткачества, так как числа три, пять, семь, девять являлись у тюркских народов магическими. Такая же условность соблюдена и в ином характере орнамента:

а б в
Рис. 48. Пряслице. Рог, гравировка: а) колл. Новокузнецкого краеведческого музея¹⁶⁹; б, в) колл. Музея археологии и этнографии Томского государственного университета¹⁷⁰

от центрального отверстия, вокруг которого нанесены девять точек, расходятся лучами девять параллельных прямых, образующих девять близких к треугольникам и сходящихся вершинами фигур. Внутренне пространство каждой из этих фигур включает чередующиеся композиции из кружков и точек: в одном треугольнике – кружок с точкой в центре, в другом – два таких же кружка с точкой между ними. Вдоль края диска вся композиция по кругу оконтурена двойной линией, заштрихованной поперечными насечками (рис. 48 а).

Обязательным элементом в декоре служат линии из двух параллельных прямых. Образованные ими арки/дуги, размещенные вокруг отверстия для стержня веретена, создают многолепестковую «цветочную» розетку. Арки, обращенные к «цветочной» розетке своей выгнутой стороной, создают уже из фона другую розетку – звездчатую (рис. 48 б).

И, наконец, орнамент пряслица – значимого предмета женского рукоделия, в результате которого производятся нити, может отражать светило

¹⁶⁹ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Производящее хозяйство [Текст] / сост. Т. И. Кимеева.– Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 2. – С. 155.

¹⁷⁰ Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 113.

посредством 12 лучей из двойных линий, отходящих от двойной прямой, обрамляющей центральное отверстие пряслица (фото 48 в).

Как единичный экземпляр в коллекции Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого хранится стаканчик *сӓӓк чырча* из рога марала, плоскодонный, овальный в сечении, украшенный снаружи поясами геометрического орнамента, выполненного в технике точечной гравировки¹⁷¹.

Таким образом, на основе анализа материалов музейных коллекций можно сделать вывод о том, что шорские мастера владели обработкой кости и рога, из которых изготавливали: различные приспособления для охоты – мерки для пороха, навершия подставок для сошек, курки самострелов, рукояти ножей; рукояти плеток; элементы курительной утвари – табакерки и головки трубок; а также детали орудий прядения – напряслица для веретен. Роговые и костяные предметы декорировались с применением приемов точечной и контурной гравировки. При этом шорцы использовали также методы гравировки раскаленным металлом. Художественное оформление изделий из кости и рога отражает тесную связь с традиционным мировоззрением народа. Среди семантических мотивов декора изображения: зигзага в его различных комбинациях как символа почитаемых гор, кружкового орнамента как космологического символа, почитаемых культовых животных и деревьев.

2.1.3. Художественная обработка металла

Художественный металл шорцев XIX – начала XX вв. не был специальной темой исследования ученых. Даже в трудах С.В. Иванова данный вид народного декоративного искусства не нашел отражения¹⁷². Хотя, по мнению Л. Р. Павлинской, техника и технология обработки металла и силу своей специфики являются одним из важнейших источников для изучения

¹⁷¹ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта [Текст] / сост. Т.И. Кимеева.– Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 3. – С. 96.

¹⁷² Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // Труды института этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л. 1954. – Т. XXII. – 838 с.; Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) // Труды института этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л. 1963. – Т. 81. – 500 с.

истории развития традиционных культур Сибири. Так как обработка металла – одна из наиболее консервативных ремесленных традиций, а сложность технологии в условиях традиционной культуры способствует сохранению выработанных приемов на протяжении длительного времени.

Весь материал, относящийся к художественному металлу, разделяется на четыре группы. Первая – ювелирные украшения: серьги, кольца и другие съемные украшения; вторая – нашивные украшения, крепящиеся к одежде, головным уборам, поясам, обуви; третья – предметы быта: украшения упряжи, курительных трубок и т.д.; четвертая – предметы шаманского культа¹⁷³. К сожалению, в музейных коллекциях по шорцам не все выделяемые этнографами группы обеспечены материалом. Представлены только ювелирные украшения, на основе анализа которых возможно выявление технологии их изготовления и техник декорирования.

Древнейшей из техник металлообработки является литье – вид обработки, освоенный человеком вместе с первым металлом – бронзой, для которой литье является основной, ведущей техникой. В XIX – начале XX в. бронзовое литье было известно многим народам Сибири. На территории Сибири зафиксированы следующие способы литья: в каменную форму, в глиняную или земляную форму, по деревянной или костяной модели, а также литье по выжженной модели. Литье в каменную форму – один из наиболее древних способов. Форма для литья, так называемая «наложница», изготавливалась из мягких пород камня. Заготовку распиливали пополам, обе части полировали и острым ножом вырезали соответствующие части формы, а также тонкие каналы для заливки «наложницы» металлом. Обе части формы плотно соединяли, металл заливался в отверстие, а после того как он застывал, форму разъединяли и отливку подвергали шлифовке.

Достаточно древним является литье по деревянной или костяной модели. В этом случае модель изделия вырезалась из дерева или кости. С такой модели делался оттиск в глине, затем глиняная форма «наложница»

¹⁷³ Павлинская Р. Л. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов [Текст] / Р. Л. Павлинская // Материальная и духовная культура народов Сибири: сб. МАЭ. – Л.: Наука ЛО, 1988. – С. 72.

обжигалась и была готова для заливки металла. Более сложным было литье в земляные формы по деревянной модели, Основным материалом для литейных форм служили формовочные смеси, которые готовились на глины, песка, золы, иногда с добавкой обожженной глины. Для изготовления земляной формы использовались специальные опоки, представлявшие собой круглые или квадратные металлические обручи шириной 3–4 см с ручками. Опок было две. При подготовке формы опоки устанавливали на доске и заполняли готовой формовочной смесью, тщательно утрамбовывая и выравнивая ее поверхность. Затем в одну из опок вдавливали модель, которую сверху присыпали угольным порошком, после чего накладывали вторую опоку и прижимали обе опоки зажимом. Форму с моделью подвергали обжигу на открытом огне, соблюдая равномерность нагрева. Затем опоки разъединяли, вынимали модель и делили в затвердевшей опочной земле бороздку для заливки металлом. При литье опоки снова соединялись и закреплялись зажимом¹⁷⁴.

Какие из технологических приемов использовались шорцами, судить сложно, так как в шорских музейных собраниях ни наложницы, ни глиняные опоки не представлены. Однако в коллекциях музеев России имеются медные и оловянные литые украшения шорцев – перстни *чустук* и основы сережек *зерга*, собранные на территории Горной Шории в 1900 и 1913 гг.

Согласно коллекционным описям Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета изготовлением перстней занимались в улусах Мыски и Косой Порог (г. Междуреченск). Именно там, в 1925 г. А. К. Ивановым были собраны и впоследствии переданы в музей перстни из медных сплавов, приобретенные у шорцев. Персти преимущественно цельнолитые, с щитками круглой или овальной формы (табл. 1). Техника декорирования представлена гравировкой в виде прямой контурной линии и коротких насечек, реже – инкрустированием.

¹⁷⁴ Павлинская Р. Л. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов [Текст] / Р. Л. Павлинская // Материальная и духовная культура народов Сибири: сб. МАЭ. – Л.: Наука ЛО, 1988. – С. 77–79.

Таблица 7. Декор щитков литых перстней *чустук* шорцев из колл. Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета¹⁷⁵

№ п/п	Изображение	Место и время сбора, автор коллекции, колл. номер
1	2	3
1		Горно-Шорский национальный район, улус Косой порог, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-66
2		Горно-Шорский национальный район, улус Косой порог, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-67
3		Горно-Шорский национальный район, улус Косой порог, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-64
4		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-140
5		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-144
6		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-65
7		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-110
8		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-146
9		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-145
10		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-137
11		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-134
12		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-143
13		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-139
14		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-135
15		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-136
17		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-142
18		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1925 г., А. К. Иванов, колл. 5979-99

¹⁷⁵ Зарисовки выполнены В.М. Кимеевым в 1980-е гг. с помощью кальки и переданы в 2014 г. в архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета

На щитках перстней представлены такие типы декора как геометрический, эпиграфический и абстрактный. Целесообразно напомнить, что геометрический декор – абстрактное изображение, состоящее из точечных, прямолинейных или криволинейных элементов; эпиграфический – изображение декоративного характера в виде надписей или их имитации; абстрактный – беспредметное, отвлеченное изображение, которое может быть вымыслом создателя или формализованным отображением реалий. Геометрический декор, выполненный в технике гравировки, соответствует мотивам традиционного шорского орнамента.

На одном из щитков перстня декор представлен в виде неправильных дуг или арок, расположенных так, что они образуют Х-образную фигуру, справа от них нанесены еще две небольшие заштрихованные дуги, слева – двойная линия (табл. 7: 1). Похожими сходящимися арками декорирован еще один щиток (табл. 7: 12). Встречается арка, заключенная в прямоугольник, выше которой изображены два полукружья (табл. 7: 2). Четыре небольших полукружья обрамляют мотив прямого креста еще на одном щитке перстня (табл. 7: 7). Полукружья на щитке складываются в орнаментальную композицию вдоль его края (табл. 7: 1). Имеются на щитках и распространенные у шорцев мотивы треугольника как символа почитаемой горы (табл. 7: 5), мотивы воды в виде волнистой линии (табл. 7: 3), космологический мотив в виде пересеченного прямым крестом круга (табл. 7: 8), мотив солярного знака в виде кружка с точкой в центре (табл. 7: 6), мотив косоугольного креста (табл. 7: 9). Встречается на щитках декор, который условно называем абстрактным, возможно, это просто плохая сохранность предмета (табл. 7: 17). Из восемнадцати предметов в рассматриваемой коллекции только один инкрустирован камнем – бирюзой круглой формы (табл. 7: 18).

Традиционные мотивы, имеющие сакральное значение на щитках перстней не случайны. Печатки имели важное функциональное значение –

они заменяли подпись владельцев и удостоверяли подлинность составляемых документов.

Закономерно, что собраны были перстни в районе Мысков, где уже в начале XX в. шорцы занимались торговыми операциями. Данный факт подтверждает наличие перстней, на щитки которых нанесен эпитафический декор в виде отдельных букв (табл. 7: 12, 13, 15) и вензелей (табл. 7: 14). В этом случае владелец имел возможность оставлять подпись, означающую первые буквы его имени.

Кроме перстней, в музейных коллекциях имеются серьги *зерга*, основа которых изготовлена в технике отливки из медных сплавов и олова. Серьги, снабженные сведениями о приобретении, привезены собирателями из улусов Мыски, Косой Порог и Чульджан.

Таблица 8. Декор литых сережек *зерга*

№ п/п	Изображение	Место и время сбора, автор коллекции, колл. номер
1	2	3
1		Горно-Шорский национальный район, улус Чульджан, 1925 г., А. К. Иванов, колл. Музея археологии и этнографии Томского университета ¹⁷⁶
2		Кузнецкий уезд Томской губернии, 1900 г., С.П. Швецов, колл. Омского историко-краеведческого музея ¹⁷⁷
3		Горно-Шорский национальный район, улус Мыски, 1927 г., Н. П. Дыренкова ¹⁷⁸

Примечательно, что оловянные сережки одинаковой формы, переданные в С. В. Швецовым в 1900 г. в Омский музей и А. К. Ивановым – в 1925 г. в музей Томского университета практически не отличаются друг от друга (табл. 8: 1, 2). Вершина основы серьги в виде равнобедренного треугольника, напоминающего символ родовой горы, увенчана петлей для

¹⁷⁶ Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 117.

¹⁷⁷ Шорцы // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 119.

¹⁷⁸ Фотофонд этнографического отдела музея «Археология, этнография и экология Сибири»

вдевания ушной петли, от которой спускается вниз вертикальная полоса, разделяющая серьгу пополам. По краям полосы расходятся вниз- в стороны по пять слегка изогнутых выпуклых линий, пересекаемых косыми контурными полосками. Нижний край треугольной основы серьги выполнен в виде волнистой линии с пятью сквозными отверстиями, в каждое из которых продета медная проволока с нанизанными на нее тремя черными бисеринками и ромбовидной кованой пластинкой на конце (табл. 8: 1). Серьга из Омского музея отличается только тем, что у нее утрачено ушко, бисеринки синего цвета (табл. 8: 2).

Оловянная серьга из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого своей формой напоминает, с одной стороны, женское антропоморфное изображение, возможно, *Умай*. Уже отмечалось выше, что относительно существования образа *Умай* в изобразительном творчестве тюркоязычных народов, существует целый ряд предположений. С. Г. Скобелев, например, на основе археологических материалов обосновывает связь этой богини с образом птицы, доказывая, что серьги из курганного могильника на территории Хакасии с изображением крылатой женщины могут символизировать *Умай*.

На основе анализа формы серьги табл. 8: 3, возможны предположения, что укрепленная в верхней части дужка круглой формы обозначает голову древнетюркского божества, покровительствующего роженицам и младенцам. Основа серьги – ее туловище в расширенной книзу, спадающей вкладками одежде, с подвесками из круглых красных и черных бусин вдоль края подола. В обозначенных по обеим сторонам ниже покатых «плеч» «руках» – круглые бусины-подвески, символизирующие шарики – символы зародышей душ живых существ (табл. 8: 3).

Рассматриваемую фигурку можно считать неразрывно связанной с крылатой основой, на которой четко очерчены птичьи перья – по спускающимся вдоль тела «крыльям» и распушенному «хвосту», на концах каждого пера которого укреплены подвески с круглыми бусинами и

ромбовидными плоскими пластинами. Такое мнение можно считать вполне правомерным, так как мотив птичьего облика у сверхъестественных существ широко распространён в тюркоязычной среде и в научной литературе неоднократно рассматривалась точка зрения об *Умай*, сочетающей в себе черты женщины и птицы.

К сожалению, литые серьги в шорской коллекции немногочисленны, несмотря на то, что в 1998 г. они были сведены в едином каталоге, по состоянию материально-технической базы музеев в этот период не смогла быть реализована оцифровка предметов. По одному описанию бывает сложно представить предмет. Однако, закономерно, что в коллекционных описях местом приобретения литых предметов является улус Мыски. Такие экземпляры как серьга в виде плоской литой оловянной пластины и с подвесками из черного и красного бисера привезены оттуда же в 1931 г.¹⁷⁹

Проведенная в предыдущих работах типология сережек в шорских коллекциях, показала, что в улусах таежной зоны предпочтительными были разнообразные серьги, металлическими элементами которых являлась основа из медной проволоки, загнутая с одной стороны в виде ушной петли, с нанизанными на нее бусинами и пр.¹⁸⁰

Таким образом, анализ коллекционных описей музеев является свидетельством того, что печатки с декорированным щитком и серьги с основой в виде отливки изготавливали шорцы окрестностей Мысков и современного Междуреченска. В целом, художественная обработка металлов у шорцев связана с изготовлением украшений – перстней и сережек. При этом перстни, отлитые из медных сплавов, декорировались после шлифовки в технике гравировки, реже – инкрустирования камнями. Серьги отливались в орнаментированной форме, затем подшлифовывались и декорировались подвесками в виде низок бусин и кованых ромбовидных пластинок на концах.

¹⁷⁹ Кимеева Т.И. Шорцы. Одежда и украшения: статья и тексты коллекционных описей // Каталог этнографических коллекций музеев России. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 4. – С. 133.

¹⁸⁰ Кимеева Т.И. Культурологический подход к анализу памятников историко-культурного наследия: по материалам этнографических музейных коллекций (на примере шорских украшений из бисера и бусин) [Текст] / Т.И. Кимеева // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – №5 (25). – С. 173–176.

При декорировании использовались мотивы, тесно связанные с традиционным мировоззрением шорцев.

2.1.4. Изобразительная традиция росписи бубнов

Разрисовка шаманского бубна представляет собой особый вид искусства, отражающий традиционное мировоззрение шорцев, их анимистические представления. На лицевую кожаную поверхность бубна наносятся изображения духов-*тõсей*. Краски готовятся из природного камня, который находят по берегам рек. Белую готовят из толченого мела *шоба*, красную (охристую) из толченого же красного камня *кызыл таиш*. Полученный из камня порошок для прочности соединяли с клеем *кырба*. Мотивы изображений указывались либо самим камом, получавшим наставления свыше во сне, либо по указанию старшего шамана, который учил молодого¹⁸¹. То есть была налицо передача традиционных знаний.

Исследователями отмечены случаи, что иногда рисовали, предварительно не разводя приготовленный из камня порошок: смачивая палец слюной и обмакивая его в порошок, наносили рисунок на поверхность бубна. Рисунки изображали вселенную с небесными светилами, животными, духами верхнего и нижнего миров, личными духами шамана¹⁸².

На каждом бубне выполнялись индивидуальные рисунки, отражающие могущество шамана, который был тесно связан со своим родом и его духи-помощники *тõсы* также переходили по наследству в этом же роду¹⁸³. Наличие определенных сюжетов и образов свидетельствовало о праве владельца бубна камлать *Ульгеню*, возможности при камлании спускаться в подземный мир, излечивать определенные болезни. Представляется интересным в данном исследовании рассмотреть на основе неопубликованных до настоящего времени рисунков, сведения о которых собраны А. В. Анохиным в начале

¹⁸¹ Дыренкова Н. П. Из шаманских верований у шорцев Кузнецкой тайги [Электронный ресурс]. – С. 344. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_13.pdf/ – Загл. с экрана.

¹⁸² Кимеева Т. И. Семантика рисунков на шорских бубнах (по материалам коллекций музеев России) [Текст] / Т. И. Кимеева // Международная конференция по первобытному искусству: сб. статей. – Кемерово: НИКАЛС, 1998. – С. 134–136.

¹⁸³ Дыренкова Н. П. Из шаманских верований у шорцев Кузнецкой тайги [Электронный ресурс]. – С. 343. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_13.pdf/ – Загл. с экрана.

XX в., их распределение на поверхности бубна. Скопированные в 1970-е гг. кузбасским этнографом В. М. Кимеевым материалы архива А. В. Анохина хранятся в Музее «Археология, этнография и экология Сибири Кемеровского государственного университета»¹⁸⁴. Дополнением сведений о рассредоточении изображений *тõсей* на бубнах явились архивные данные, собранные Н. П. Дыренковой в 1920-е гг. и представленные в последние годы в электронной библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

В предыдущих параграфах упоминалось о том, что в рисунках на поверхности шорских бубнов отражалось представление шорцев о структуре вселенной: верхний мир – небо, средний – земля и нижний – подземный мир (фото 12, 21; рис. 10, 11, 16, 17). Исследователям удалось записать у информаторов, изображения каких духов помещались в различных сферах мироздания, кроме уже упомянутых в предыдущих разделах данной работы.

Кроме традиционно изображаемых светил в виде кружков с отходящими от них лучами и без них, в верхней сфере рисовались полиморфные образы, такие, например, как трехсаженная зарница *уш кулаташтыг чарык шолбан*, сочетающая в себе черты человека и птицы (рис. 49).

Рис. 49.
Изображение зарницы

С бубна шамана Ивана из улуса Абинского, в трех верстах от Кузнецка

Рис. 50. Изображение духа воды

А. В. Анохиным выполнены зарисовки мифических образов, связанных с водой,

носивших имя духа воды *Сулай* □днос и изображаемых непременно в количестве четырех фигур (рис. 50).

Рис. 51
Изображение *тõся*

На этом же бубне исследователем зафиксированы мифические духи – камовые *тõстõри*, называемые *Мурчү* □дно и входившие в разряд личных духов шамана, постоянно сопутствующих ему и помогающих при изгнании злых духов из

¹⁸⁴ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № 101– С. 576– 578 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

больного человека. Их круглая голова, обрамленная двойной линией, покоится на коротком прямоугольном туловище, с отходящими от него по бокам в стороны-вниз короткими линиями, длинные овалы руки доходят до конца прямоугольника, изображение ног отсутствует (рис. 51).

Еще одним интересным рисунком на бубне шамана Ивана служит нестандартное обозначение духов гор, трактованных как Абаканские хребты. В научной литературе традиционным является утверждение, что горы изображались на бубнах в виде зигзагообразной линии или треугольников. В данном случае горные *тöси* нарисованы как мифические существа с длинным тонким туловищем, четырьмя ногами, изогнутой как у змеи обращенной назад головой и почти симметричным ей отростком в центре спины (рис. 52).

Рис. 52.
Изображение
тöся воды

Рис. 53.
Изображение
тöся Кар Балык

Особенностью рисунков на бубне из Абинского улуса является и тот факт, что *Кар Балык талайдын* изображена в виде пересеченной по горизонтали миндалевидной фигуры, имеющей место в декоре шорцев (рис. 53). Кроме того, она

помещена в верхнюю сферу вселенной и трактована как рыба от духа моря *Талах*. Шаман преодолевает на ней водные препятствия. Случаи перемещения *Кар Балык* в верхнюю сферу вселенной отмечаются и на других бубнах шорцев (рис. 10).

Духами верхней небесной сферы являются также *Бура/Пура* – мифические кони. Несущие всадников, или без них,

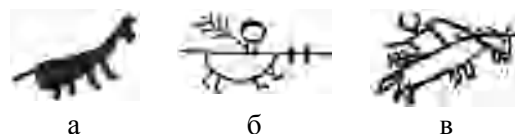

Рис. 54. Изображение *тöсей* в виде коней

в количестве пяти–семи–девяти, на одних они бубнах располагались вереницей по кругу небесной сферы почти на одном уровне со светилами, на других – также вереницей следовали со своими мифическими всадниками вдоль изображения «земли». Кроме того, мифические кони с всадниками или без них были разбросаны по всей поверхности бубна. На бубне шамана Ивана образ одного из *тöсей Бура* можно считать полиморфным, в котором конь и человек предстают единым целым – неким кентавром (рис. 54 б). Рисунки

верховых коней на бубнах встречаются нередко, причем, несмотря на схематичность рисунков, чувствуется пластика движения, готовность устремиться навстречу злым духам и победить их (рис. 54 в). Изображаются в небесной сфере и силуэтные рисунки коней без всадников *Бура Кыдай тегрези* □днос – самых сильных помощников шамана, при помощи которых он защищается от злых духов¹⁸⁵. В материалах Н. П. Дыренковой на шаманском бубне шорцев из Кузнецкой тайги в верхней сфере изображался *тӧс Тебир тескиниг* с четырьмя конями – парой белых и парой сивых, которыми он управлял железным поводом¹⁸⁶.

В верхней сфере рисовались *тӧси* шамана в виде птиц, в сохранившихся рисунках иногда представленных силуэтно и довольно реалистично (рис. 55). Среди них без труда опознаются глухарь (табл. 5: 6) и селезень (рис. 55). Н. П. Дыренковой отмечено, что последний – это *тӧс кама*

Рис. 55.
Изображение
тӧся в виде
птицы

Муниук, идущий за вожака впереди всех. На другом бубне ею зафиксированы сорок пар черных птиц *Кырык пӧний кара куш*. Когда шаману приходится лететь за злым духом *айна*, они ему помогают. В обратный путь кам отправляется на гусе – *Кастап нанча*. Помогали шорским камам и парные (большая и маленькая) пестрые птицы *Улуг алаш куш*, живущие у подножия золотой горы, а также *Карлык* – птицы из породы каменных стрижей¹⁸⁷.

Рис. 56.
Изображение
тӧся в виде
медведя

Из зооморфных изображений в верхней сфере рисовались *тӧси* в образе медведей, которые часто мыслились как парные – большой и маленький черные медведи *Улуг кара азыг*, обитающие в тайге у порога на Мрассе¹⁸⁸. Медведь рисовался в профиль, его массивная лобастая голова опущена вниз, мощное овальное

¹⁸⁵ Анохин А.В. Материалы о шорцах. – Ф. 11. – Оп. 1. – № 101. – С. 576 (копия) // Архив Музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири».

¹⁸⁶ Дыренкова Н. П. Из шаманских верований у шорцев Кузнецкой тайги [Электронный ресурс]. – С. 349. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_13.pdf – Загл. с экрана.

¹⁸⁷ Анохин А.В. Материалы о шорцах. – Ф. 11. – Оп. 1. – № 101. – С. 557 (копия) // Архив Музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири».

¹⁸⁸ Дыренкова Н. П. Из шаманских верований у шорцев Кузнецкой тайги [Электронный ресурс]. – С. 349. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_13.pdf – Загл. с экрана.

Рис. 57. Изображения *төсей* в виде волка

туловище с вздыбленным загривком. Иногда на туловище зверя имелись метки, подобно изображениям на древних петроглифах (рис. 16, 56). Не исключено, что с помощью таких меток

подчеркивалась каноничность образов, воплощавших именно мифических персонажей, а не реальных животных. Другими *төсями* в зооморфном облике являлись большой и малый старые волки *Көк пөрү* – символы шаманской силы, необходимой ему для борьбы с другими камами и помощи в поимке *чула* злых духов. Шаман пускает волков впереди себя¹⁸⁹. Профильная прорисовка этих животных иногда приближена к реалистичной (рис. 57 а), иногда сильно схематизирована (рис. 57 б). По стилю изображения волкам близки большая и малая собаки *Кечиг кер тазынг*, указывающие в тайге шаману дорогу к чула.

Верхняя сфера мироздания включала девять ярусов, на которых, согласно иерархии, обитали *төси* шамана. Во время камлания шаман для перемещения по небесным сферам пользовался ветвями деревьев как своеобразной мифической лестницей. На связь такой лестницы и дерева в шаманском ритуале указывали многие исследователи. Подтверждением этому являются и сведения из архива А. В. Анохина, где изображение в виде вертикальной прямой линии с пятью направленными вверх черточками трактуется как *Танчы* – ступени на лестнице, по которым кам при совершении обряда *үстүзү* восходит на небо к Ульгеню.

Из бытовых предметов, не входящих в разряд шаманских *төсей*, но активно используемых им при камлании в верхней части бубна имели следующие

Рис. 58. Изображения неодушевленных предметов на бубне

изображения: молот *маска*, служащий каму при разбивании льда на небесах, когда приходится камлать поздней осенью, нарисованный в виде пересеченного прямым крестом круга с длинной ручкой (рис. 58 а); сеть или

¹⁸⁹ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № 101 – С. 566 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

невод *тор*, с помощью которого шаман ловил души *кут* и *чула*, имеющих вид пересеченного параллельными прямыми линиями на манер сетки прямоугольника с ручкой как у молота (рис. 58 б); черпак *шомак* применяемый шорскими камами с. Кондомское для поимки душ больных людей, который изображался похожим на чашу в поперечном сечении, расположенную на ножке с раздвоенным основанием и загнутыми наружу краями венчика (рис. 58 в).

Деревья рисовались как красной, так и белой красками. Ветви их иногда размещались как ступени только с одной стороны ствола (рис. 59 а), также они могли

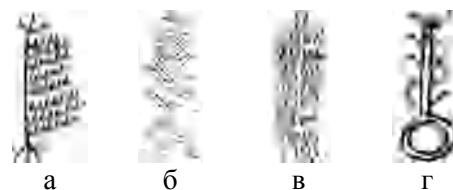

Рис. 59. Изображения деревьев на бубнах

располагаться почти параллельно земле как ступени (рис. 58 в), а могли расти беспорядочно, без соблюдения симметрии (рис. 59 б). Принадлежность деревьев к особому сакральному миру обозначалась своеобразными отметками: изображением их вместе с корнями (рис. 59 а–в), с раздвоенной или надломленной вершиной (рис. 5), в виде розетки из пяти стволов деревьев (рис. 14). Кроме того, на бубне шорского кама Ивана из улуса Абаканский изображена фигура в виде круга из двойной линии, из которого «произрастает» дерево с поднятыми вверх прямыми ветвями – по пять с каждой стороны (рис. 59 г). Данный рисунок зафиксирован А. В. Анохиным как верхушка лестницы *Танчы бажы*, по которой шаман поднимался к доброму духу *Умай ээзи* – покровительнице детей, дающей шаману *кут* (зародыш) для рождения ребенка¹⁹⁰.

Изображения деревьев могли быть помещены как в верхней сфере, так и в средней части бубна, называемой шаманами «действительной землей». На этой земле возвышаются горы, рядом с людьми обитают многочисленные добрые и злые духи¹⁹¹. Уже упоминалось, что здесь обитают помогающая

¹⁹⁰ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № 101, С. 566 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

¹⁹¹ Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманизму) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Karunovskaya-Vselennaya.pdf>. – Загл. с экрана.

детям при болезнях *Чер кижан туткан* (табл. 6:10), иногда в зоне «действительной земли» появляется *Туур ээзи*, перемещаясь затем в небесную сферу (табл. 6: 3).

На уровне реальной земли рисуется антропоморфная фигурка с широко расставленными ногами, длинной палкой или копьем в откинутой в сторону левой руке и плетью – в правой. Данный *тос* шамана – *Черге тушкен чер кадамчызы*

Рис. 60.
Изображения караульного *тося*

считается караульным при спуске в землю, охраняя вход до возвращения шамана (рис. 60)¹⁹². Этот дух сообщает шаману при спуске к кому из духов нижнего мира ему следует обратиться при определенном молении¹⁹³.

О мифическом духе преисподней – обитателе нижнего мира и его способности перемещаться в верхний мир уже было изложено в предыдущих разделах. Этот могущественный *тос* рисовался в различной манере красной и белой красками (рис. 24), но неизменно изображался с зубастой пастью. Наиболее часто встречающееся на бубнах изображение этого духа имело форму, близкую к вытянутому полуовалу (рис. 10, 16, 24). А. В. Анохиным

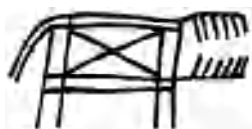

Рис. 61.
Изображения *тося*
Кар Балык

выполнена зарисовка в виде четырехногого мифического существа с прямоугольным пересеченным косым крестом туловищем, опущенным вниз хвостом и раскрытой зубастой пастью (рис. 61)¹⁹⁴. По сведениям информаторов

А. В. Анохина, это – существа с клыками и щетиной коровы, свиньи или кабана. Его услугами кам пользовался в исключительно тяжелых случаях, когда выгонял злого духа из человека или вырывал *чула* из рук того же духа, либо вел борьбу со злым камом. Существо называлось еще *□дно Бос, Керр Чан, Ар чан*. Некоторые шаманы называли его своей силой – *Эр позумнунг кучи*; моей собственной большой рыбой – *□дно/Кар балык*; шестиногим

¹⁹² Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № 101, с. 579 // Архив Музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

¹⁹³ Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманизму) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Karunovskaya-Vselennaya.pdf>. – Загл. с экрана.

¹⁹⁴ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № с. 578 // Архив Музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

грозым бура – *Алты азактынг кал бура*; девятью парами упорных глаз – Тогус той *Бос-карак*. А. В. Анохин отмечает, что все названия – только эпитеты, а не собственные имена мифического зверя. Так, *кер* – мощный, *пос* – упорный, *чан* – большой, *ар* – тяжеловесный, *улу* – великий¹⁹⁵.

Нижний мир населяют многочисленные *тöси* в виде змей, ящериц и лягушек, семантика которых в мировоззрении разных народов Саяно-Алтая рассматривалась в предыдущих разделах. Змей

а б

Рис. 62. Изображения *тöсей* в виде змей

рисовали в различной манере: это могло быть схематичное изображение пресмыкающегося

с извилистым тонким телом и овальной головой с высунутым жалом (рис. 62 а); а могло быть нарисовано мифическое существо с прямым длинным туловищем, длинной изогнутой шеей, шестью трехлапыми ногами и распушенным хвостом. Последняя осмысливалась как змея от огня, которая всегда идет впереди шамана и освещает ему путь, помогая в поимке чула (рис. 62 б). При этом *тöси*-змеи имели у шаманов разные имена: *Улукичиг чылан* – малая и большая змеи; *Тебир башчыг ок чылан* – с железной головой змея; *Тогуз азактыг ала чылан* – девятиногая пестрая змея¹⁹⁶.

Образ нарисованной на бубне ящерицы также мифологизирован, он отличается от фигурки этого существа, выгравированного на костяных предметах шорского охотника (табл. 5: 10). Ящерица изображалась

а б

Рис. 63. Изображения *тöсей* в виде ящериц

С круглой головой либо распластанной с раскинутыми в стороны лапками (рис. 63 а), либо профилно, устремленной головой вверх (рис. 63 б).

Нарисованной в нижнем мире лягушке отводилась ответственная роль: нести обитающим там могущественным духам туес с жертвенной *абырткой* и следить, чтобы она не расплескалась

а б

Рис. 64. Изображения *тöсей* в виде лягушек

¹⁹⁵ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № 101, с. 577-578 // Архив Музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

¹⁹⁶ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № с. 567-568 // Архив Музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

Значение этого персонажа для шамана подчеркивается тем, что к ее имени добавлялись эпитеты *кер* и *чан*: □*дно-пага* (мощная лягушка), *Ор-чан пага* – огромная лягушка. Тело лягушки рисовалось в виде сосуда с овальным туловом, нередко пересеченным косым крестом (рис. 64 а). Четыре трехпалые лапки всегда изображались растопыренными (рис. 64 б). Имеются варианты реалистично изображенной лягушки (рис. 14; табл. 5: 8).

Персонажи нижнего мира – змея, лягушка, ящерица, по шаманским представлениям шорцев, живут в очаге и поэтому их называют *Оттынг ээзи* – хозяева огня. Болезнь рук (ревматизм) приписывается действию этих гадов. В этом случае заболевший лепит из теста фигурки ящерицы, змеи и лягушки и, при чтении шаманом *алкйи сёс* бросает их в огонь очага.

Таким образом, в данной работе впервые подробно, с обозначением семантики духов-*тёсей*, рассмотрена изобразительная традиция шорцев. Это стало возможным с доступом в пространстве электронной библиотеки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) к неопубликованным ранее материалам Н. П. Дыренковой и Л. Э. Каруновской, а также с передачей в научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета архива А. В. Анохина, на основе тщательного изучения которого выявлена специфика изображений на шаманских бубнах шорцев.

2.2. Художественная направленность женских домашних ремесел

Женскими занятиями у шорцев, как и у многих других народов, являлись обработка растительных волокон, прядение, ткачество, изготовление одежды и обуви. К декоративному народному искусству могут быть отнесены различные способы декорирования произведенных женщинами предметов, создание различных типов женских и девичьих украшений: ушных, накосных, нагрудных, поясных, ножных, а также мастерство изготовления игрушек для девочек из текстиля.

В рамках домашнего хозяйства женщиной осуществлялся полностью весь процесс создания костюмного комплекса: от обработки волокнистых растений до декорирования деталей одежды. Костюмный комплекс шорцев на рубеже XIX–XX вв. включал рубаху, штаны, халат, пояс, головной убор (шапку, платок), кожаную обувь без каблука и подвязки для голенищ. Половозрастных отличий в одежде не наблюдалось. Детская одежда повторяла взрослую, отличаясь лишь размерами.

2.2.1. Декоративное оформление текстиля

Под текстилем принято понимать изделия, выполненные из волокон и нитей (текстиль – от лат. *textile* – ткань, материя). Текстильные материалы использовались шорцами для изготовления одежды и предметов домашнего обихода. Традиционно применялся домотканый текстиль – кендырная ткань, изготовленная из пряжи конопли и крапивы простым полотняным переплетением. Производство такой ткани на горизонтальном ткацком станке было известно горнотаежным шорцам, у которых оно сохранялось еще в начале XX в. и отражало тесную связь с таким древним занятием как собирательство – сбором и обработкой волокон дикорастущих конопли и крапивы. Растения выдергивали вместе с корнями, вязали в пучки и вешали под крышу. Когда они высыхали, их обмолачивали колотушкой, затем стебли разламывали пополам и соединяли в пучки, укладываемые в берестяные *короба улан кендыр* и пересыпаемые шелухой ячменя, чтобы не спутались. Волокна очищали от костры деревянными трепалами *кылыш*, имеющими форму ножа с односторонней заточкой, конец рукоятки которого мог быть декорирован в технике скульптурной резьбы (фото 27 а).

Л. П. Потапову в начале XX в. наблюдать обработку волокна при котором стебель или дудку конопли не мочили и не мяли, а разламывали пополам и при помощи рук отделяли волокно, которое потом соединяли в пучки¹⁹⁷. Полученные волокна сращивали в одну нитку, наматывали на

¹⁹⁷ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 99–100 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/PotapovShoriya.html>. – Загл. с экрана.

палочку. Затем приступали к пряже ниток ручным способом при помощи веретена с коническим деревянным стержнем и съемным пряслицем из рога (фото 33 в). Пряслица из рога декорировались в технике гравировки (рис. 48, фото 10, 33). Пряжа хранилась на веретене, пока не поступала в основу архаичного горизонтального ткацкого станка (рис. 65).

Приготовления к ткани у шорцев начинались зимой. Пряжа, отбеленная длительным кипячением в воде с березовой и осиновой корой, затем промытая в чистой воде, сматывалась на устраиваемые в стене кольца-основу *кендырь-чугурча*. В землю вбивали два кола *ыршен*, между которыми натягивали основу.

Рис. 65. Тканье на станке *кендырь тыбеге* (реконструкция по фотоархивным материалам Н. П. Дыренковой)

Подвижная нитченка укреплялась на деревянной опоре *кузук агаиш*, поддерживаемой двумя вилкообразными ножками *таяк*. Основа разделялась двумя параллельными досками *адырга* длиной 50 см и шириной 12 см, скрепленными деревянными гвоздями на расстоянии 12–15 см друг от друга. Основу разделял также деревянный перекрест *сын мак/тын мак*, покрытый мелкими поперечными зарубками, в которые вкладывалось по одной нити. Палочка *наскыш* образовывала второй ряд основы. Роль челнока выполняла другая круглая в сечении палочка *салкыш*. Нитки уток набивали острым краем длинного деревянного ножа *кылыш*. Перемещение зева производилось ткачихой вручную путем передвижения основоразделителя. Получался толстый, грубоватый холст. Его скатывали в рулон и отбивали палкой, придавая ткани мягкость¹⁹⁸.

В начале XX в. одежда шилась также из других хлопчатобумажных тканей – дабы, нанки и бязи. Дабой называется китайская хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, напоминающая льняной холст. Отбеленная или крашенная преимущественно в синий цвет, недорогая даба в прошлом

¹⁹⁸ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 100 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/PotapovShoriya.html>. – Загл. с экрана.

пользовалась популярностью у многих народов Сибири¹⁹⁹. Нанка, получившая свое название от китайского города Нанкина, отличается от дабы тем, что она жёлтого цвета²⁰⁰. Бязь была такой же по качеству полотна как даба и нанка, она азиатского происхождения и изначально ввозилась в Россию из Хивы, Бухары и др. мест; но в начале XX в. бязь стала производится в России²⁰¹. Она окрашивалась в разные цвета или декорировалась в технике набойки. Перечисленные мануфактурные ткани отличались чрезвычайной прочностью, сравнимой, пожалуй, с производимым шорцами кендырным холстом.

Материалом для шивания деталей одежды служили кендырные нити. Кроме того, Л. П. Потапов зафиксировал использование шорцами при шитье нитей, изготовленных из сухожилий копытных животных²⁰².

Детали одежды, сшитой из кендыря, дабы, нанки или бязи декорировались по воротнику, полам халатов, подолу, обшлагам рукавов, обшиваясь хлопчатобумажными тканями типа плиса и манчестера – текстиля с ворсом, похожим на бархатный, либо хлопчатобумажной тканью с гладкой поверхностью – сатином, называемым так по месту вывоза из китайского порта Тсётунг²⁰³.

Для реконструкции, подразумевающей воссоздание подлинных образцов традиционной культуры, необходимо представить не только специфику художественного оформления элементов костюма, но и процесс его изготовления. Материалы музейных собраний – коллекции, архивы служат свидетельством того, что шорцы в начале XX в. сохраняли самый древний крой в своей нательной и верхней одежде – туникообразный, при котором сотканное полотно использовалось без остатка. Данный крой применялся шорцами при пошиве нательной и верхней одежды: женских, мужских и детских рубах *кунек* и халатов шабыр. Станом при туникообразном крое служит согнутое поперек прямоугольное полотнище ткани (табл. 9: 1–3).

¹⁹⁹ Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды [Текст] / Л. В. Орленко. – М.: Легпромбытиздат, 1996. – 344 с.

²⁰⁰ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/117298>. – Загл. с экрана.

²⁰¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/18311. – Загл. с экрана.

²⁰² Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 100.

²⁰³ Ушаков Д. Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>. – Загл. с экрана.

Для обеспечения удобства при ходьбе мастерица расширяла подол за счет пришитых к стану треугольных клиньев длиной от места соединения основы с рукавом до края подола (табл. 9: 4). А в целях устранения ограничений в подвижности рук под мышками пришивала ластовицы *киштек* – квадратные лоскутки ткани, перегибаемые по диагонали, что позволяло им растягиваться и не сковывать движения рук (табл. 9: 5).

Таблица 9. Последовательность изготовления одежды туникообразного кроя: реконструкция на основе колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета

Основные детали кроя	Последовательность приемов
  <p style="text-align: center;">1 2</p>	<p>от длинного сотканного полотнища кендырной ткани отрезалось основа будущей рубахи, равная длине спинки и переда; вырезалась горловина и делался пазушный разрез спереди рубахи до середины линии груди (8: 1); затем полотнище перегибалось поперек по линии плеч (8: 2);</p>
 <p style="text-align: center;">3</p>	<p>выкраивались рукава прямоугольной формы, пришиваемые прямо к основе рубахи (8: 3);</p>
 <p style="text-align: center;">4</p>	<p>к основе рубахе ниже рукавов пришивались клинья <i>чабу</i> неправильной трапецевидной формы, расширяющие рубаху к подолу, что обеспечивало удобство при ходьбе (8: 4);</p>
 <p style="text-align: center;">5</p>	<p>между клиньями и рукавами вшивалась ластовица <i>киштек</i>, диагональное расположение нитей которой не сковывало движений рук (8: 5);</p>

Рубахи относятся к глухому типу одежды, так как грудной разрез на них выполнялся до середины линии груди, а халаты – к распашному типу: продольный разрез передней части стана делил его на две равные половины –

полки, которые часто декорировались вдоль края и по углам в технике аппликации (узкой накладной полосы декоративной ткани) и вышивки (фото 36 в, 37 а).

Все операции по шитью производились вручную, ткань раскраивалась острым ножом. Детали сшивали с помощью шила и иглы прочными кендырными нитками. Вдоль подола рубахи нашивалась оборка, оконтуренная в технике аппликации нашитыми узкими полосками яркой цветной ткани (фото 39 в).

Декорируемой деталью рубахи, кроме нашивных полос вдоль оборки, был воротник. Он изготавливался автономно от рубахи, а затем пришивался косыми стежками. Воротник выкраивался в виде узкой прямоугольной полосы и был двухслойным: лицевая сторона из сатина или плиса, тыльная – из той же ткани, что и сама рубаха (рис. 66 а). Вдоль края воротника по всему периметру нашивался узкий кант, а его концы

украшались трех- и четырехлучевыми розетками из перламутровых бусин или мелких пуговиц, иногда использовались и те, и другие (рис. 66 а, б). Часто воротник-стойка не

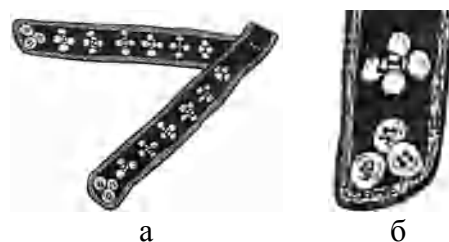

Рис. 66. Декор воротника женской рубахи *кунек*

декорировался совсем по той причине, что поверх рубахи носили шейное украшение из полосок текстиля и низок бус – ожерелье *мунчук* (фото 35, 39; рис. 80, 81).

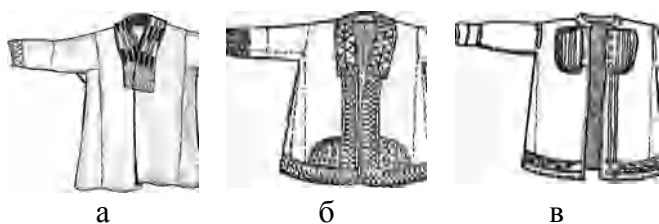

Рис. 67. Распашная верхняя одежда шорцев – халат *шабыр*. Текстиль. I пол. XX в.: а) колл. Новокузнецкого краеведческого музея; б, в) колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета

Халаты *шабыр* и *кендырь шабыр*, в отличие от рубах, поверх которых они надевались, выкраивались более объемными. Поэтому их стан состоял из двух прямоугольных полотнищ, перегнутых пополам по линии плеч и сшитых по спинке вертикальным швом²⁰⁴. Рукав пришивался без проймы прямо к прямоугольной основе стана как и у рубахи, а подол также

²⁰⁴ Кимеева Т. И. Одежда, обувь и украшения шорцев [Текст] / Т. И. Кимеева, В.М. Кимеев // Шорский сборник. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. Вып. 1. – С. 200–216.

расширялся книзу с помощью длинных клиньев. Если для шитья халатов использовалась ткань фабричного производства, то обязательно имелся подклад (фото 39). Это объясняется более тонкой фактурой фабричных тканей, а халат использовался как верхняя демисезонная и даже зимняя одежда. Воротники халатов в своем большинстве были накладными, длиной до середины линии груди (рис. 67 а, б; фото 36–38). Их шитье и декорирование производились самостоятельно от халата, а затем они пришивались к пройме ворота так, что могли быть спороты с износившейся одежды и пришиты на новую. Состояли воротники из двух прямоугольных полос ткани – основы и подкладки. Основа могла быть выкроена из кендырной ткани (фото 36 б), однако чаще материалом служили плис или сатин темных цветов, который выгодно оттенял декор воротника (фото 36 г). Подкладкой служила плотная хлопчатобумажная ткань. Края воротника по всему периметру подгибались, и в этом случае воротник имел острые углы (фото 36 б, г). В случаях обшивки воротника кантом его углы были скругленными (фото 40 д, 41 б). В отдельных случаях к халату пришивался воротник-стойка (рис. 67 в).

Отделочной тканью обшивались также края и углы полок халатов, при этом орнамент воротника мог не совпадать по своим мотивам с декором на полках (рис. 67 б; фото 36 в, 37 а). Дополнительными нашивными элементами декора халата у шорцев служили карманы, украшенные вышивкой, которые изготавливались, как и воротники, в качестве самостоятельных деталей. Они были двухслойными: лицевая часть из плиса, манчестера или бархата, подклад из хлопчатобумажной ткани. Вышивка по своим мотивам могла не сочетаться по используемым мотивам с орнаментом на других деталях халата (рис. 8 б).

Нашивными декоративными элементами были также детали, имитирующие нагрудник, в виде двух прямоугольников со скругленными краями, нашитых на правую и левую полки. Их декор составляет аппликация из нашитых вертикальных полос цветной ткани и пришитые пуговицы (рис.

67 в). Напомним, что последние по причине своей круглой формы являлись носителями оберегательной семантики. Кроме того, место соединения рукава с основой могло иногда подчеркиваться полоской черного сатина или плиса (рис. 67 в).

Еще одним элементом костюма, который неизменно декорировался, была шапка *пүрүк* или *кендырь пүрүк* с тульей в виде цилиндрического мешка с присборенным вдоль края верхом и орнаментированным околышем из ткани фабричного производства темного цвета с ворсовым или гладким фоном – манчестера, атласа или сатина (табл. 10). Вышивка выполнялась цветными шерстяными или хлопчатобумажными нитями и выгодно оттенялась темным фоном околыша.

Таблица 10. Крой шапки *кендырь пүрүк*

№ п/п	Основные детали кроя	Последовательность приемов
1		Выкраивалась прямоугольная основа шапки нужной высоты в соответствии с размером окружности головы (9: 1);
2		выкроенное полотнище перегибалось пополам, края ткани сшивались вручную, образовывался задний шов шапки (9:2)
3		верхний край собирали иглой на прочную кендырную нить и затягивали (9:3);
4		образованное сверху шапки отверстие закрывали нашитым кружком из плиса или сатина, вдоль нижнего края шапки из этой же ткани нашивали околыш, который обязательно декорировали (9: 4)

Непременным элементом костюма шорцев, который орнаментировался, были пояса. К сожалению, в научной литературе не акцентировалось внимание на сшитых, а не вытканых поясах шорцев, которые представлены в музейных собраниях, датированных началом XX в. Как и воротники, пояса

кур шились двухслойными, и чаще всего наружной поверхностью служила полоса плиса или сатина, а подкладкой – кендырная ткань. Вдоль края пояса выполнялась обшивка узким декоративным кантом (рис. 68). Такие пояса не завязывались на талии, а, охватывая ее широкой полосой, застегивались с помощью пуговиц и воздушных петель (фото 45 а).

Одним из самых распространенных и древних приемов украшения текстиля у шорцев служила **вышивка** цветными шерстяными и хлопчатобумажными нитками по плисовой и сатиновой основе. Фон часто выбирался темный и по нему цветными хлопчатобумажными или шерстяными нитками выполнялась вышивка, предусматривающая использование различных техник.

Широко применялся **тамбурный шов**, известный многим тюркоязычным народам Сибири и употребляемый для выполнения различных контурных линий. По материалам исследований хакасского этнографа И. К. Кидиековой, хакасы называли такой шов *созирткен*.

По своей сути он представляет собой цепочку, вышиваемую по предварительно намеченному рисунку.

Этот шов способен создать четкость и графичность линий. В зависимости от замысла самой вышивальщицы, толщины и фактуры выбранных нитей он мог быть

размашистым с крупными петлями или, наоборот, с почти невесомыми петельными стежками²⁰⁵.

В тамбурной вышивке использовалась разнообразная цветовая гамма. Так, на поясе, местом приобретения которого является улус Мыски, по черному плису мелким тамбурным швом красными, розовыми и бежевыми нитками вышит орнамент из мотивов прямого креста (четырёхлучевой розетки), заключенного между зигзагами, оконтуренными прямыми линиями

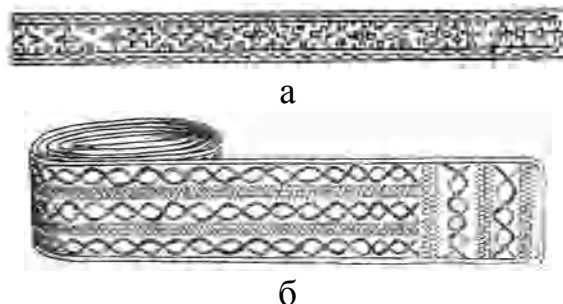

Рис. 68. Вышивка поясов *кур* тамбурным и стежковым швами. Текстиль, вышивка. Нач. XX в.: а) колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета; б) колл. Омского историко-краеведческого музея

²⁰⁵ Кидиекова И. К. Орнамент хакасов [Текст] / И.К. Кидиекова. – Абакан, 1996. – С. 64.

(рис. 68 а). На поясе из коллекции другого музея по плису черного цвета тамбурным и стежковым швами с использованием шерстяных нитей зеленого и красного цветов вышит орнамент из зигзагов, образующих при пересечении ромбы. Он расположен тремя горизонтальными рядами вдоль всей длины пояса, а на его концах – двумя вертикальными рядами. Эти орнаментальные пояса разделены тремя рядами мелких зигзагов, чередующихся по цвету: зеленый-красный-зеленый²⁰⁶.

Технология вышивки заключается в следующем: нить закрепляется с изнаночной стороны полотна; затем игла выводится на лицевую сторону ткани, а нить круговым движением опоясывает иглу, превращаясь в небольшую петлю; далее игла вводится в то место, где она вышла в первом стежке; после чего нить снова уходит на изнаночную сторону полотна и принцип выполнения петель повторяется. Необходимо соблюдать одинаковое расстояние между всеми звеньями цепочки для получения ровного шва (фото 40 а, б). Тамбурным швом на воротниках, обшлагах рукавов, подоле вышивался один из широко распространенных мотивов шорцев – зигзаг с петлей в изломе, который может рассматриваться как орнамент из чередующихся элементов символа почитаемой горы со светилом в вершине (фото 13, 40 в). Мелким тамбурным швом изображались различные геометрические фигуры, выделяющиеся на гладком фоне ткани своим выпуклым контуром (фото 40 г). Цепочки мелких цветных зигзагов со скругленными вершинами тянулись вдоль концов воротника халата (фото 40 д). Для вышивки всегда использовались разноцветные нити, она никогда не была монохромной.

Анализ материалов музейных коллекций позволяет утверждать, что в костюме шорцев бытовали вышитые в технике тамбурного шва женские нагрудные украшения *мунчук*. Так, в коллекции Музея антропологии и этнографии Томского госуниверситета хранится нагрудное украшение серповидной формы из кендырной ткани, приобретенное А. К. Ивановым в

²⁰⁶ Кимеева Т. И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Одежда и украшения: статья и тексты коллекционных описей [Текст] / Т.И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 4.– С. 62–63.

улусе Кечин (верховья Мрассу) в 1927 г. Тамбуром нитками синего, зеленого, розового и фиолетового цветов вышит орнамент, включающий мотивы арки, зигзага, круга, антропоморфного изображения, креста и многолепестковой розетки. Вышитый декор дополняют семь рядов низок разноцветных бусин, нашитых в средней части нагрудника. Вдоль края по кругу пришиты двадцать две подвески из парных бусин голубого и зеленого цветов (фото 39 г)²⁰⁷. К сожалению, все предметы декоративного искусства шорцев из коллекции Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета не удалось оцифровать предметы, поэтому при реконструкции разных типов женских нагрудных украшений шорцев рекомендуется основываться на применении метода интерпретации.

Наряду с тамбурным использовался **шов из стежков (стежковый шов)**, встречающийся в шорском декорированном текстиле в разных вариантах. Это мог быть ряд стежков и пропусков одинаковой длины, либо стежки были длиннее пропусков, либо стежки укладывались мастерницей зигзагообразно,

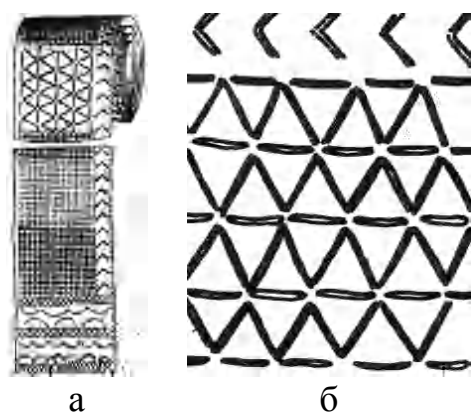

Рис. 69. Орнамент на поясе кур стежковым швом. Текстиль, вышивка. Нач. XX в. Колл. Омского историко-краеведческого музея²⁰⁸

либо стежки располагались так, что образовывали различные фигуры. К сожалению, название шва на тюркском языке в научной литературе не зафиксировано. Шов выполнялся справа налево, нить сначала закреплялась небольшим стежком (до 5 мм).

Судя по материалам музейных коллекций, швом из прерывистых стежков мог намечаться контур рисунка, либо он шел в

сопровождении с тамбурным швом, оттеняя его (фото 13, 40 в, 41 в). Шов из зигзагообразно расположенных стежков образовывал орнаментальные композиции из зигзагов и арок (фото 38 а, 41 а, в; рис. 67). Стежки различной длины, образовывали декор в виде ромба, из которых складывалась

²⁰⁷ Кимеева Т. И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Одежда и украшения: статья и тексты коллекционных описей [Текст] / Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – Ч. 4.– С. 136.

²⁰⁸ Кимеева Т. И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Одежда и украшения: статья и тексты коллекционных описей [Текст] / Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – Ч. 4.– С. 63.

орнаментальная композиция (фото 41 б, г; рис. 69). Стежки одинаковой длины, расходящиеся из центра, создавали многолучевую розетку (фото 41 а).

Шорцам была известна также техника плоской **глади**, напоминающая телеутскую с тем отличием, что они ее выполняли поверх берестяных квадратиков²⁰⁹. У шорцев гладь вышивалась на воротниках халатов прямо по

основной ткани следующим образом: предварительно стежковым швом намечались параллельные линии вдоль лицевых сторон воротника; далее пространство между этими линиями заполнялось вышивкой в технике плоской глади (рис. 70 а, б). Иглой с декоративной нитью ткань прокалывалась с изнанки и нить правой рукой укладывалась с одной стороны стежка на другую. Здесь она прихватывалась второй иглой с рабочей нитью, а декоративная нить затем перекладывалась в

Рис. 70. Вышивка пояса кур в технике плоской глади. Текстиль, вышивка. Нач. XX в. Колл. Омского историко-краеведческого музея²¹⁰

обратном направлении вдоль первого гладьевого стежка. Каждый раз при перекладывании декоративной нити параллельно вдоль уже уложенных, она закреплялась у края стежка дополнительной иглой с рабочей нитью, пока вся намеченная поверхность не устилалась редкой гладью (фото 42 а). Вышивка гладью на музейных предметах зафиксирована на воротниках и поясах как декор по кендырной ткани, вероятно, по той причине, что ткань полотняного переплетения позволяла четко определять длину и ширину выполняемых прямоугольников, исходя из счета уложенных в каждый из них гладьевых стежков.

В завершенном виде декор каждого из концов воротника и части пояса представлял собой чередующиеся длинные прямоугольники разных цветов: на одних экземплярах красный сочетался с оранжевым (фото 36 б; 42 б), на

²⁰⁹ Кимеева Т. И. Традиции и ремесла бачатских телеутов: учебно-методическое пособие для национально-культурных центров и образовательных учреждений Кемеровской области [Текст] / Т. И. Кимеева, Л.И. Тыдыкова. – Кемерово: ООО Примула, 2011. – С. 71–74.

²¹⁰ Кимеева Т. И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Одежда и украшения: статья и тексты коллекционных описей [Текст] / Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 4.– С. 64.

других цветовая гамма была гораздо богаче – красный цвет соседствовал с голубым, желтым и зеленым.

Пространство между полосками заполнялось отмеченной только в шорской вышивке техникой – иглой с нитью иного, чем основные элементы вышивки цвета, выполнялась зигзагообразная соединительная линия, перекручиваемая вышивальщицей так, что образовывалось нечто напоминающее зигзаг с петлей в изломе²¹¹ (фото 42 в). Это является подтверждением использования традиционных мотивов в шорском орнаменте.

В шорских текстильных изделиях также представлен **крестообразный шов**, известный у хакасов как *орбе*, а в современной литературе, посвященной вышивке, – «козлик». При его выполнении нить идет зигзагообразно, пересекаясь, а на изнанке образуются два ряда параллельных горизонтальных стежков. Направление вышивки ориентировано слева направо. Игла при работе всегда повернута острым концом налево. Нить закрепляется слева в нижнем ряду, затем с лицевой стороны иглой производится прокол на верхней линии справа налево и протягивается нить. Образуется наклонный стежок. Второй стежок делается слева направо и закрепляется с помощью иглы на нижней линии. В местах пересечения каждый новый стежок ложится поверх предыдущего (фото 43 а). Такая вышивка выполнялась на деталях прямоугольной формы – воротниках халатов и поясах.

Швом *орбе* на верхней одежде составлялись четкие геометрические орнаментальные композиции. По темной обшивке воротника располагались пояса из косых крестов и единичного «V»-образного элемента зигзага, вышитых голубыми, желтыми, красными и белыми нитками (фото 36 б). По темной основе, пришитых вдоль полок полос белыми нитками вышиты ромбы, образованные пересекающимися между собой зигзагами, по подолу розовыми и желтыми нитками выполнены полукружья-арки, заключенные между прямыми линиями (фото 36 г). Нашитые на углах полок треугольнички

²¹¹ Шорцы // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 113.

оконтурены по всему периметру тремя рядами линий этих же цветов (фото 38 б).

Широко распространенной у шорцев была вышивка по текстилю раковинами каури (рис. 71). Они известны как обереги с глубокой древности у многих народов Евразии. По археологическим сведениям, каури появились на территории Южной Сибири еще в Карасукскую эпоху. Завозились они из Индии по знаменитому Великому шелковому пути через Китай, Тибет, Монголию. Название раковин каури у тюркоязычных народов

Рис. 71. Раковина каури. Колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета

означает – «змеиная голова» и содержит в своем названии термин *pösh*, возможно, что традиция использовать каури в качестве оберегов связана с культом змеи. По своему внешнему виду раковина неправильной овальной формы с зазубренной щелью на своей выпуклой стороне напоминает голову змеи и изображение мифического существа *Кар-Балык* на бубне шорских шаманов.

Сакральное значение раковин подтверждает их наличие на шаманской атрибутике. Так, раковинами каури декорировался сшитый из текстиля шаманский игольник. Основа этого игольника состояла из двух текстильных

Рис. 72. Игольник шамана. Колл. Омского историко-краеведческого музея²¹²

деталей прямоугольной формы. Так, для изготовления игольника из коллекции Омского историко-краеведческого музея лицевая деталь выкроена из сукна коричневого цвета, тыльная сторона – из хлопчатобумажной ткани с рисунком. Детали сложены вместе и обшиты по краям кантом из коленкора светло-коричневого цвета. На одном из углов кендырными нитками пришита полоска хлопчатобумажной ткани для

подвешивания игольника. К другим трем углам и в центре пришиты раковины каури (рис. 72).

²¹² Шорцы // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 131–132.

Раковинами каури у шорцев украшались воротники халатов. Они нашивались на полотно, располагаясь боковыми сторонами одна к другой. И протягивались рядами по всей длине его концов, опускающихся на грудь (фото 44, 45 б). На поясе раковины формировались в четырехлепестковые розетки, напоминающие мотив креста (фото 45 а).

Другим типом декора у шорцев была **аппликация** в виде нашиваемых на полы верхней одежды и подол полосок яркой ткани. Четкими линиями они повторяли очертания полок халатов из фабричных тканей, выгодно выделяясь контрастным цветом на синем фоне (фото 39). Декоративные полосы традиционно подчеркивали линию подола на женских и девичьих рубахах, где они нашивались в виде одной или двух параллельных полос (фото 39 в). Е. Г. Федорова выделяет два варианта нашивания аппликативных полос на полки и подол женских халатов шорцев:

- две параллельные полосы с незаполненным пространством между ними;
- с аппликативным зигзагом между параллельными полосами, выполненным из ткани иного цвета.

Кроме того, двумя цветными параллельными полосками отмечали угол левой полы, которая при характерном для шорцев левом запахе оказывалась поверх правой²¹³.

Специфическим видом декоративного искусства у шорцев было изготовление подвязок для голенищ кожаной обуви. Сами кожаные сапоги *одук* не декорировались, но подвязки, ошибочно атрибутированные в каталоге коллекций Омского историко-краеведческого музея как пояса²¹⁴, вызывают несомненный интерес и могут быть представлены в реконструкции традиционного костюма шорцев.

Для изготовления подвязок плели шнурки ручной работы из кендырных или покупных, либо хлопчатобумажных ниток. Шнурок складывался пополам

²¹³ Федорова Е. Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири // Украшения народов Сибири [Текст] / Е. Г. Федорова – СПб: МАЭ РАН, 2005 [Электронный ресурс]: электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/gubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/. – Загл. с экрана.

²¹⁴ Шорцы // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 112.

и скреплялся так, что на одном конце образовывалась длинная петля, а на противоположном производилась обмотка цветными нитками, оставляющая свободными концы тесьмы. К ним

пришивались кисти из бахромы в виде узких разноцветных полосок хлопчатобумажной ткани (рис. 73 а). Иногда концы тесьмы соединялись вместе обмоткой из цветных ниток и пришивалась одна кисть (рис. 73 б).

Подвязки с петлей обматывались вокруг края голенища, конец с кистями продевался в петлю, шнурок затягивался. Верхний край

голешища отгибался наружу вверх подвязки, а кисточки спускались вдоль голенища сапога, украшая его.

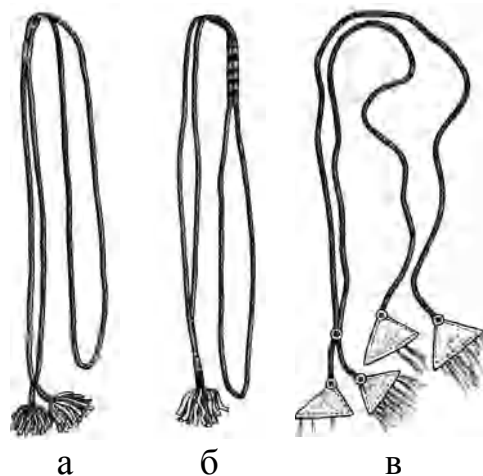

Рис. 73. Подвязки для голенищ сапог.
Колл. Омского историко-краеведческого музея²¹⁵

Подвязки могли состоять из пары шнурков, концы которых соединяли концы с помощью пуговиц. Из текстиля выкраивали треугольники (в подвязках из музейной коллекции они розового цвета), складывали эти треугольники попарно, помещая у основания нити желтого и синего цветов. Вдоль края снаружи треугольники обшивались стежковым швом бордовыми нитками, а концы нитей свисали в виде кистей. В месте соединения со шнурками треугольники крепились с помощью стеклянных цветных пуговиц (фото 73 в).

В шорской коллекции **игрушки из текстиля**, известные и другим народам региона, представлены куклами «кыдак» и одеждой для них. В шорской коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого и Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета имеются куклы, привезенные в МАЭ Н. П. Дыренковой из экспедиции в Горно-Шорский район Сибкрая, во МАЭ ТГУ - С. П. Швецовым из Кузнецкого уезда Томской губернии (к сожалению, места сбора в коллекционных описях не были конкретизированы).

²¹⁵ Кимеева Т. И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Одежда и украшения: статья и тексты коллекционных описей [Текст] / Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 4. – С. 120–122.

Размеры этих игрушек варьируют от 12 до 30 см высотой. Основу кукол составляет плотный валик, скатанный из ткани, либо деревянный стержень, обернутый светлым однотонным текстилем. Ниже лица, черты которого никак не обозначались, крепилось пышное платье, подвязанное пояском, с оборкой по нижнему краю или нашитой узкой полоской яркой ткани. Все операции по шитью производились женщинами вручную.

Две куклы (рис. 74; фото 50 а), представленные в музейных коллекциях, одеты в комплекты из кофты и юбки с несколькими нижними подъюбниками, сшитыми из покупного текстиля. На голове, в области макушки, у кукол укреплены волосы из кендырной кудели (пучок кудели мог заворачиваться в валик, а его концы – свободно свисать в области макушки). «Волосы» заплетены в одну длинную косу с вплетенной в нее лентой.

В коллекции Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета хранится отдельно от куклы одежда на нее, сшитая, согласно коллекционной описи, в 1920 г. в улусе Мыски, где в этот период времени широко бытовал городской костюм «парочка», составляемый из кофты и юбки. Данный тип отражен и в costume куклы – это кофта и юбка из серой хлопчатобумажной ткани. Кофта с отложным воротником, юбка широкая, присборенная, с подкладкой из белой ткани.

Рис. 74. Кукла *кыдак*. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере), кроме куклы с аналогичной заплетенной косой, зафиксированной в коллекционной описи как кукла-девушка, хранятся еще два экземпляра, изображающие женщин с маленьким ребенком на руках. Их головы, в отличие от кукол девушек, повязаны платком, а ребенок в виде туго скатанного валика и ткани закреплен у кукол-женщин на уровне груди с помощью лоскута ткани (фото 50 б).

На основе коллекционных описей музея и сведений из опубликованных шорских каталогов возможно осуществление реконструкции этих детских игрушек (табл. 11, фото 50).

Таблица 11. Реконструкция куклы *кыдак*

№ п/п	Основные детали	Последовательность приемов
1		из длинной прямоугольной полосы ткани скатывается плотный валик; край ткани закрепляется косыми стежками;
2		к верхней части валика пришивается пучок кудели или ниток таким образом, что с обеих сторон валика располагаются концы примерно одинаковой длины;
3		концы кудели поднимаются вверх и заплетаются в одну косу, которая на конце перевязывается нитью; к концу косы крепятся нити бисера;
4		для изготовления рубашки из льняной ткани отрезается длинная полоса ткани шириной немного короче валика; вдоль ее нижнего края пришивается узкая полоска цветной ткани, которая в реконструкции может быть заменена лентой;
5		затем края полосы соединяются швом; верхний край собирается иглой на нить и затягивается таким образом, чтобы образовалось отверстие равное размеру диаметра валика;
6		готовая рубашка надевается на валик, оставляя незакрытой область лица куклы, и подвязывается пояском (фото 50 а); для перевоплощения куклы в женщину с ребенком ей на голову повязывается платок и с помощью лоскута ткани на уровне груди крепится валик, изображающий дитя (фото 50 б).

Необходимо оговориться, что кукол, представлявших собой игрушки, ни в коей мере нельзя ассоциировать с антропоморфным фигурками

өрекеннеров, сшитых в виде узкого холщового мешочка и набитого куделью. *Өрөкөннөры* являлись вместилищем домашних духов, являющихся хранителями домашнего очага и покровителями рожениц. Эти фигурки обладали особой энергетикой, связанной с духовным мировоззрением народа, поэтому их нельзя было упоминать всуе и небрежно обращаться с ними. В отличие от кукол-игрушек *өрөкөннөрам* пришивались глаза из бисеринок, что означало наличие у них способности становиться одушевленными, когда во время жертвоприношения в них вселялись духи. При реконструкции кукол необходимо учитывать тот факт, что традиционные куклы изготавливались без обозначения деталей лица.

Декорирование текстиля у шорцев, таким образом, совершалось женщинами в рамках домашней промышленности и включало: различные типы вышивки (тамбурный, стежковый и крестовый швы, плоскую гладь, вышивку пуговицами и раковинами каури); аппликацию полосками цветной ткани; плетение декоративных шнурков с украшением их обмоткой цветными нитками, нашитыми пуговицами и кистями из текстильных полос. Особым направлением декоративного творчества можно считать изготовление кукол из текстиля для детских игр. Элементы декора и орнамента в создаваемых женщинами образцах, являлись отражением традиционного мировоззрения народа. В их семантике заключена символика почитаемых объектов окружающего мира – гор (зигзаг, зигзаг с петлей в изломе), небесных светил (круг, звездчатая розетка, крест), воды (волнистая линия) и огня (красный и охристый цвета) и т. д.

Цветовая гамма отделочных тканей и нитей для вышивки оживляла светлый тон кендырного полотна. Нашиваемая фурнитура также подбиралась с учетом создания гармоничного образа с соблюдением охранительной функции. Так, знак небесного светила отражали круглые пуговицы (иногда перламутровые) и раковины каури, нашитые в виде четырехлучевой розетки. Все эти используемые женщинами приемы в декорировании текстиля были

своеобразными маркерами культурных традиций конкретного народа и делали костюм уникальным, непохожим на одежду соседних народов.

2.2.2. Украшения шорцев как уникальный пласт их традиционной культуры

Женские украшения шорцев до настоящего времени не подвергались специальным исследованиям, возможно, по причине бытования мнения о несложности их формы и техники изготовления. Тем не менее, комплексное изучение материалов коллекций целого ряда музеев позволяет утверждать, что они представляют большой интерес в плане своей аттрактивности, манеры исполнения, способам ношения. Из-за полной утраты традиций создания женских украшений, их бытования в условиях современности, к реконструкции технологических приемов могут быть привлечены исключительно материалы музейных коллекций в комплексе с данными фотоархивов музеев России.

Исследование показало, что шорскими женщинами изготавливались такие типы украшений как головные и шейные. К головным относятся украшения для волос – различного типа накосники *чинча*, *чач пöиш*, и ушные – серьги и подвески *ызырга*. Среди шейных украшений – ожерелья *мунчук* и низки бус. Производимые в домашнем хозяйстве украшения предусматривали использование таких материалов как бисер, бусины, раковины каури, текстиль, цветные хлопчатобумажные и шерстяные нити, кожа, проволока и медные кольца и другая декоративная фурнитура. Проволочная основа сережек могла быть серебряной, но преимущество - медной. Медь в мировоззрении народов Сибири тесным образом связывалась с землей. Медные атрибуты являлись символами духов – хозяев земли, гор, рек, духов-предков²¹⁶.

Анализ женских ушных и шейных украшений из материалов музейных собраний, сведенных в единый каталог, показал, что из пятидесяти трех единиц хранения женских ушных, шейно-нагрудных и накосных украшений с

²¹⁶ Украшения народов Сибири: сб. МАЭ. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 5.

использованием техники низания бисера и бусин изготовлены двадцать четыре музейных предмета, в технике плетения из бисера – два, низания бисера в сочетании с вышивкой – один (приложение 2, табл. 17). Традиции включения украшений в костюмный комплекс шорцев, созданных в подобной технике, подтверждают материалы фотоколлекции № 3662, поступившей в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого от Н. П. Дыренковой по результатам экспедиции в Горно-Шорский район Сибкрая в 1927 г.²¹⁷

Отдельные фотокопии этого архива хранятся в фотофонде этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок». Исследование материалов музейных собраний позволило определить направления в реконструкции отдельных типов женских ушных украшений. Самыми простыми по технике изготовления являются серьги и ушные

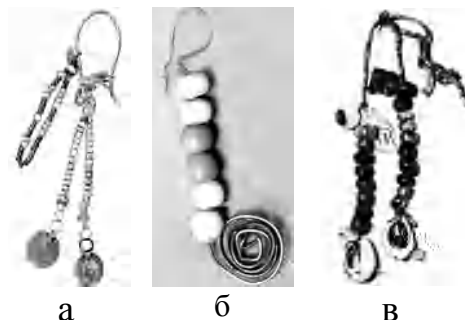

Рис. 75. Серьги *ызырга*: а, б) колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого²¹⁸; в) колл. Омского историко-краеведческого музея²¹⁹

подвески *ызырга*. В основе их изготовления – низание бисера и бусин на медную проволоку или кендырную нить. В случае низания бусин на проволоку, последняя загибается на одном конце в крючок для вдевания в мочку уха, на другом – в спираль или петлю для фиксации бусин (рис. 75 б). Низки бисера и бусин на нить обычно крепились к металлической петле для вдевания в ушную мочку, согнутой в виде несомкнутой петли. Концы низок из бисера украшались раковинами каури, **фигурами из рога или перламутра**, медными или серебряными некрупными монетами **(фото 47 а-в)**. В большинстве своем это были оберегательные символы типа раковин каури, либо предметы, в основе которых был заключен круглый диск, в традиционном мировоззрении народа осмысливаемый в качестве светила.

²¹⁷ Дыренкова Н. П. Фотоколлекция № 3662 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок»: (электронные фотокопии).

²¹⁸ Михайлова Е. А. Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири [Текст] / Е. А. Михайлова Е. А. – СПб: МАЭ РАН, 2005. – С. 68; Фотофонд музея «Археология, этнография и экология Сибири».

²¹⁹ Шорцы // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 115–119.

Возможным было укрепление на концах нитей нестандартных бусин, например, в виде многолучевых розеток (рис. 77). Шорскими мастерицами использовались два варианта изготовления низок для ушных украшений: чередование крупных и мелких бусин и бисеринок (приложение 2, табл. 17: 11, 13, 16) и низание бусин одного размера (фото 47; рис. 75; приложение 2, табл. 17: 10, 15). Количество нанизываемых бусин, видимо, не имело значения: могло быть от семнадцати до восемнадцати мелких бисеринок или от девяти до двенадцати на каждой низке одной серьги (рис. 75 а, б), шесть крупных бусин на низке (рис. 75 в) и т. д. Имеются в шорской коллекции серьги, бисерная низка на которых прикреплена к медной основе в виде петли (приложение 2, табл. 17: 20). Непременным условием было низание фурнитуры разных цветов, их чередование в одной, среди них встречаются и гладкие, и граненые, и в форме цветочной розетки.

Ушные подвески отличались от сережек формой ушной петли, которая изготавливалась в виде сомкнутого кольца. К нему крепились две или три такие же низки, что и к серьгам, либо по две кисти из трех бисерных низок (приложение 2, табл. 17: 6, 17).

На основе полученных в ходе анализа музейных предметов результатов возможна реконструкция сережек и ушных подвесок *ызырга*, которая, в отличие от изготовления основы серьги в виде отливки, не требует специальных приспособлений. И может быть успешно применима как в кружках традиционных ремесел, так в интерактивных формах музейной деятельности – мастер-классах и пр.

В рамках деятельности по реконструкции женских ремесел могут быть воссозданы и образцы сережек с литой основой при условии наличия готовых отливок (фото 46 а, б). В этом случае для каждой основы серьги изготавливается по четыре низки с нитяной основой из бисера и бусин, которые крепятся в петли вдоль нижнего края сережки. При реконструкции сережек необходимым условием является ориентация на подлинные образцы традиционной культуры. Только в этом случае воспроизведенный на основе

подлинных данных предмет будет отвечать условиям традиционного элемента народного костюма.

По материалам музейных собраний выявлено, что у шорцев использовались два способа изготовления низок: нанизывание бусин на медную проволоку (табл. 12) и прочную кендырную нить (табл. 13). При реконструкции в равной степени могут быть использованы оба приема.

Таблица 12. Реконструкция сережек *ызырга* из бусин, нанизанных на проволоку

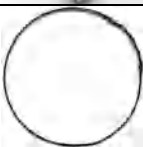

№ п/п	Изображение	Технологические приемы
1		для изготовления пары сережек подготавливаются одинаковые отрезки медной проволоки, длиной, рассчитанной на загиб ушной петли; первоначально загибается небольшая петля для фиксации бусин;
2		далее на проволоку нанизываются бусины разных цветов и размеров, при этом необходимо учитывать, что в музейных экземплярах между крупными бусинами прокладываются более мелкие или бисеринки;
3		после того, как нанизано нужное количество бусин (предпочтительными являлись числа 3, 5, 7), загибается ушная петля таким образом, чтобы зафиксировать цепочку из бусин: проволока у верхней бусины отгибается под углом в 90°, а далее формируется в несомкнутый круг

Вторым способом являлось низание на кендырную нить, при этом преимущество отдавалось бусинам небольшого размера или бисеру. Бусины на нижнем крае фиксировались уже упомянутыми выше закрепляемыми на конце нити монетами, раковинами каури, перламутровыми дисками и круглыми деталями покупных брошей (приложение 2, табл. 17: 17).

Если низание на проволоку использовалось преимущественно при создании сережек с разомкнутой ушной петлей, то более подвижные нитяные низки крепились как к разомкнутой петле, так и к петле ушных подвесок в виде сомкнутого круга. При этом к одной петлей могли быть подвязаны по несколько низок, соединенных вместе так, что образовалась небольшая кисть

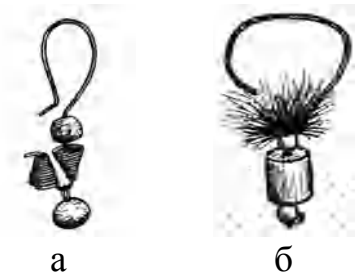
из бисерных прядей. Таких кистей на одной подвеске могло быть две (приложение 2, табл. 17: 6).

Таблица 13. Реконструкция ушных подвесок *ызырга* из бусин, нанизанных на нить

№ п/п	Изображение	Технологические приемы
1		На конец нити, вдетой в игольное ушко, привязывается раковина каури (она может быть заменена монетой, либо круглым диском)
2		затем на нить нанизываются бусины, фиксируемые привязной на конце раковины каури;
3		из медной проволоки сгибается ушная петля: в виде сомкнутого круга при изготовлении ушных подвесок и в виде несомкнутого – сережек;
4		подготовленные низки подвязываются к ушному кольцу или петле

Бусины нанизывались и на цветные шерстяные нити, при этом на концах низок выполнялись кисти из длинных петель разноцветных ниток (фото 46 б). Известны варианты сережек, которые изготавливались для одноразового пользования, возможно, по случаю праздника, так как использовались подручные и не обладающие способностью длительно храниться материалы в виде ягод. В составе шорской коллекции Омского историко-краеведческого музея хранятся серьги из медной проволоки, загнутой с обоих концов крючками. Один из которых служил для вдевания в ушную мочку, а на другой нанизаны чередующиеся между собой две высушенные ягоды и два конуса из плотных витков проволочной спирали из меди. Таким образом, в декоре серьги присутствует круг как символ светила в виде ягод и конус в качестве знака почитаемой горы (рис. 76 а).

Коллекционные материалы являются свидетельством декорирования сережек наряду с бусинами лоскутками меха. На медный крючок нанизывались бусины разной формы, например, на серьге из коллекции этого же музея одна крупная бусина цилиндрической формы коралла красноватого

а б
Рис. 76. Серьга *ызырга*. Колл. Омского историко-краеведческого музея²²⁰

цвета заключена между двумя небольшими стеклянными, а выше этой композиции из бусин разной формы и размеров прикреплен кусочек меха темного цвета. Возможно, в качестве оберега шорские женщины использовали мех почитаемого родом животного (рис. 76 б).

Исследуя ушные украшения народов Сибири, Е. А. Михайлова выявила наличие у шорцев, как и у других тюркоязычных народов Саяно-Алтая, такого вида сережек *ызырга*, в основе которых была «подвеска лирообразной, тюльпанообразной формы»,²²¹ отлитая из латуни, олова или свинца (фото 46 а). По нижнему краю и обеим сторонам этой фигуры имелись округлые ответвления с отверстиями для подвешивания низок из бисера и мелких бусин.

Рис. 77. Серьга *ызырга*. Фотофонд музея «Археология, этнография и экология Сибири»

Как и в других шорских типах сережек в бисерных низках наблюдается чередование бусин и бисера разной формы, разных цветов и размеров (рис. 77). Часто небольшие бисерные кисточки были и у сквозного отверстия в центре подвески. Основа такой серьги, отлитая из олова и декорированная в центре лазуритом овальной формы, имеется в этнографической

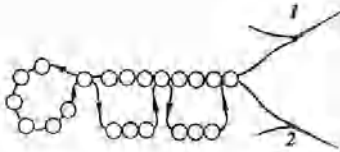
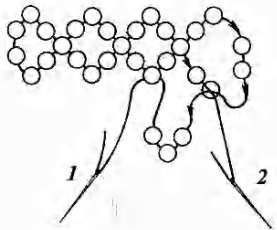
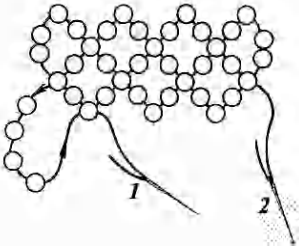
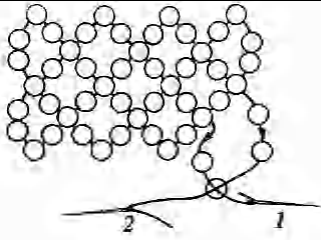
коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ (фото 46 а). Она была передана в музей в составе коллекции Д. В. Кацюбы. Предположительным местом сбора является Мысковский район.

²²⁰ Шорцы // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 115–119.

²²¹ Михайлова Е. А. Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. – СПб., 2005. – С. 12–119

Более сложными по технике изготовления были украшения, в основе которых была бисерная сетка, в основе которой та же техника низания бисера, только более сложная (фото 46 в). По коллекционным материалам составлена схема плетения шорцами бисерной сетки, представленная в таблице 14.

Таблица 14. Реконструкция плетеной бисерной серьги

№ п/п	Изображение	Технологические приемы
1		для изделия шириной в четыре ячейки на середину нити набиралось 15 бисеринок; работа выполнялась двумя иглами; первая игла оставалась слева, а вторая пропускалась через девятую бисеринку; следующий ряд низался второй иглой справа налево: на иглу набирались по три бисеринки, через пятую и первую протягивались бисеринки первого ряда;
2		по завершении второго ряда на иглу нанизывались две бисеринки; далее на первую иглу набирались четыре бисеринки, а нить протягивалась через последнюю бисеринку второго ряда; вторая игла в это время оставалась слева и не принимала участия в работе;
3		третий ряд низался слева направо; как и в предыдущем ряду, набирались на иглу по три бисеринки и она пропускалась через средние бисеринки предыдущего (второго) ряда; по завершении третьего ряда иглы оказывались на противоположных краях сетки;
4		четвертый ряд также низался первой иглой справа налево; первое звено четвертого ряда состояло из четырех бисеринок, остальные звенья низались из трех бисеринок каждое и располагались между средними бисеринками предыдущего ряда; в конце четвертого ряда набирались на обе иглы по две бисеринки, и звено замыкалось путем пропуска второй иглы через последнюю бисеринку четвертого ряда, нанизанную первой иглой.

Пятый ряд низался уже второй иглой, ставшей рабочей. То есть, в плетении сетки иглы чередовались через каждые два ряда. Правильность плетения контролировалась по количеству свободных бисеринок крайних

ячеек: их должно быть по две с каждой стороны. В готовом виде сплетенная серьга, хранящаяся в коллекции Омского историко-краеведческого музея, выглядела следующим образом: «небольшая (6 x 5.5 см), почти прямоугольной формы серьга *ызырга* сплетена из нитей бисера красного и белого цветов в виде сетки с ячейками в форме ромбов. В верхней части она

Рис. 78. Серьга *ызырга*.
Колл. Омского историко-
краеведческого музея²²²

окаймлена узкой полоской красного ситца с пятью нашитыми бисеринками белого цвета. Полоска подогнута и подшита вручную. В подогнутый край продевалась ушная проволочная петля, которая утрачена. Нижний край серьги украшен кисточками из шерстяных ниток желтого, зеленого и красного цветов, расположенными в вершинах углов каждого

ромба сплетенной сетки (рис. 78)²²³.

Техника плетения бисерной сетки применялась у шорцев и для изготовления другого типа головных украшений – накосников, которыми украшали концы кос девушки и женщины. Исследователи отмечают, что шорские девушки носили нечетное количество кос²²⁴, а женщины, судя по петлям накосника в – две косы (рис. 79 в). При изготовлении накосников *чинча* сетка из бисера плелась более узкой и длинной. Она укреплялась с изнаночной стороны полосками ткани, а свободно свисающие концы декорировались парой раковин каури, как уже отмечалось, служившими у тюркоязычных народов Сибири оберегами. Такое накосное украшение было обнаружено в 1926 г. в улусе Садра Горно-Шорского района (рис. 79 а).

Кроме накосников *чинча* в виде плетеной сетки у шорцев зафиксированы низки бус для украшения кос и их соединения их между собой. В 1927 г. в улусе Верхний Тузас А. К. Ивановым приобретен накосник из двух нитей бус с копеечными монетами 1901 и 1908 гг. на концах. Нити противоположными концами соединены в петлю помощью медной

²²² Шорцы // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 115.

²²³ Шорцы // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 115–116.

²²⁴ Потапов Л. П. Одежда алтайцев // Сб. МАЭ. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951 – Вып.13. – С. 45.

проволоки. К ней в качестве украшения прикреплена свинцовая пластинка, в которой проделаны сквозные отверстия и в них закреплены четыре петли с бусинами красного цвета, серебряными монетами и раковиной каури (рис. 79 а). Этот накосник зафиксирован в коллекционных описях музея под названием *топчы*²²⁵. Возможно, у шорцев существовали варианты подобных

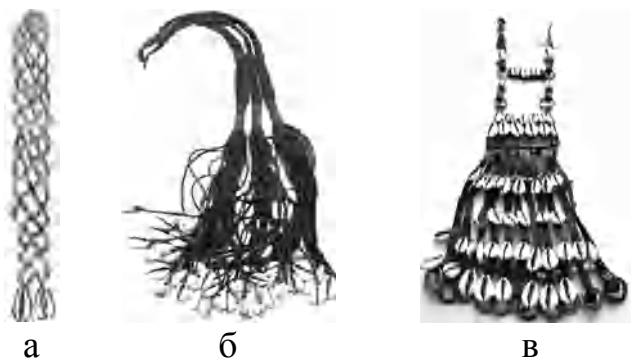

Рис. 79. Накосники, нач. XX в.: а) бисер, текстиль, раковины каури – колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета; б) конский волос, нитки, раковины каури – колл. Музея «Археология, этнография, экология Сибири» Кемеровского госуниверситета; в) кожа, медь, стеклянные бусины, раковины каури – колл. Томского краеведческого музея

украшений, изготавливаемых с использованием пуговиц, так как в под этим наименованием в музейных собраниях по народам Саяно-Алтая зафиксированы именно пуговицы²²⁶. Что касается соединения бисерной низки в петлю, то подобные приемы использованы и в сережках (приложение 2, табл. 17: 20).

Анализ музейных собраний позволяет говорить о применении комбинированных материалов при изготовлении одного украшения. Бусины и бисер шорскими женщинами почти всегда использовались наряду с другими материалами – раковинами каури, кистями из конского и женского волоса, колокольчиками, монетами, кендырными, шерстяными и хлопчатобумажными нитями и сплетенной из них тесьмой, (фото 48).

Так, девичьи накосники *чач пöйш* и *чинча*, имеющие форму кисти из трех пучков жгутов, наряду с изобилием раковин каури на концах нитей, из которых она формировалась, украшались еще и цветными бусинами. Наличие накосников в виде кисти зафиксировано в каждом музее, где имеется шорская коллекция, что говорит об их широком бытовании и значении в качестве украшения. В шорской коллекции Омского государственного историко-

²²⁵ Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 75.; Кимеева Т. И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Одежда и украшения: статья и тексты коллекционных описей [Текст] / Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 4. – С. 152.

²²⁶ Курпешко-Таннагашева Н. Н. Шорско-русский и русско-шорский словарь [Текст] / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. – Кемерово: Кемеровское кН. Изд-во, 1993. – С. 55.

краеведческого музея хранятся такие накосники *чинча* из сборов С. П. Швецова с территории Кузнецкого уезда 1900 г.

В этнографической коллекции музея археологии и этнографии Томского государственного университета имеются накосники *чинча*, приобретенные в 1925 г. в улусах Чульжан и Косой Порог, в виде одной кисти из более чем тридцати жгутов, на десяти из которых прикреплены раковины каури и бусины. Верхняя часть этого накосника заплетена в косу трехпучкового плетения, в месте перехода кисти в косу выполнена обмотка из шелковых ниток красного и желтого цветов.

В улусе Кечин в 1927 г. Н. П. Дыренковой и И. Д. Старынкевич обнаружен однопучковый накосник, зафиксированный уже под названием *шаш пööшү*, кисть которого из шести жгутов, каждый из которых в нижней части представляет собой низку из бусин, завершённую серебряными десятикопеечными монетами царского образца. Средняя часть низок обшита покупной красной тканью.

В 1932 г. А. В. Анохиным и А. И. Новиковым был привезен из улуса Корай накосник *шаш пööшү* представляющий собой кисть из трех пучков белых и черных конских волос. Каждая кисть вверху сплетена в косичку, дополненную коричневым шерстяным шнурком. Концы кистей ничем не украшены.

Похожий накосник из семи жгутов хлопчатобумажных нитей, перевязанных в месте перехода в косичку шелковыми нитями зеленого и розового цветов, с десятью раковинами каури и перламутровой раковиной на концах хранится в коллекции Новокузнецкого краеведческого музея²²⁷.

В этнографическом отделе музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета хранится накосник *чач пööшү*, представляющий собой пышную трехпучковую кисть из жгутиков темного конского волоса. Вверху жгутики сплетены в три косички. Место перехода кисти в косичку оконтурено полосками из нитей коричневого и синего цветов.

²²⁷ Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 5. – С. 153, 155.

На концы кисти из несплетенных жгутиков прикреплены пятьдесят три раковины каури (фото 48).

Таблица 15. Реконструкция девичьего накосника *чач пöш*²²⁸

№ п/п	Изображение	Технологические приемы
1		из конского волоса скручивают жгуты (до 50 шт. и более); длинную прядь туго закручивают с разных концов в противоположных направлениях и складывают пополам;
2		полученный жгут продевают одним концом в отверстие раковины каури, освобождают отверстие в поддеме конце и продевают в него второй конец, затягивая петлю;
3		изготовленные жгуты с раковинами на концах соединяют в общую кисть, обматывая ее у основания цветными нитками, оставляя свободными жгуты выше обмотки;
4-5		верхнюю часть жгутов выше обмотки заплетают в длинную тугую косичку; таких кистей с раковинами каури на концах каждого жгута и длинной косичкой, перемотанной в месте соединения с кистью, изготавливают в количестве трех;
6		три кисти сшивают вместе выше обмотки из цветных ниток, получая пышную кисть с тремя косичками вверху (рис. 79 б), с помощью которых она прикрепляется к трем концам кос девушки

Аналогичные накосники зафиксированы в телеутской коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири». Их реконструкция проводилась при сотрудничестве автора данной работы с наследником продолжателем традиционной культуры телеутов²²⁹. Кроме того, имеется сходство накосных украшений в виде кисти у алтайцев, телеутов и шорцев.

²²⁸ Технология реконструкции накосника *чач пöш* по материалам коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири»

²²⁹ Кимеева Т.И. Традиции и ремесла бачатских телеутов: учебно-методическое пособие для национально-культурных центров и образовательных учреждений Кемеровской области [Текст] / Т.И. Кимеева, Л.И. Тыдыкова. – Кемерово: ООО Примула, 2011. – С. 90–93.

Обилием раковин каури в чередовании с цветными бусинами отличался еще один тип накосника шорцев – с кожаной основой (рис. 79 в; фото 49). Экземпляр такого украшения хранится в шорской коллекции Томского областного краеведческого музея. Похожие, но не идентичные накосные украшения зафиксированы у алтайцев.

Основа накосника состоит из нескольких частей: горизонтально расположенного в средней части прямоугольника, к которому снизу пришиты одиннадцать длинных узких кожаных полос, вверху прикреплены две кожаные лямки для подвязывания к концам двух кос. Средняя прямоугольная деталь накосника вдоль верхнего края декорирована двумя рядами нашитых раковин каури – семь в верхнем ряду и шесть в нижнем. Бахрома из кожаных полос, спускающаяся от нижнего края прямоугольника, украшена четырьмя рядами раковин каури. В верхнем ряду девять раковин чередуются с низками из трех- четырех низок белого бисера за счет чего нижняя часть накосника начинает приобретать форму трапеции. Ниже почти на одинаковом расстоянии – три параллельных ряда образуют раковины, пришитые на каждую полосу бахромы по одной штуке (в третьем снизу ряду их сохранилось только семь). Между первым и вторым рядом снизу между полосками кожи пришиты по низке из двух стеклянных бусин синего, белого, красного и зеленоватого цветов, расширяющих нижний край (фото 49 а). Снизу в петли подогнутых концов кожаных полос продеты одиннадцать массивных латунных колец (фото 49 в).

К углам верхнего края средней прямоугольной части нагрудника пришиты две короткие кожаные полоски, подогнутые для образования петель. Над ними посредством таких же медных колец, что и по нижнему краю накосника, «Н»-образно укреплены пять узких ремешков. На вертикально расположенных ремешках пришито по одной раковине, на горизонтальной полоске – три. Верхний край завершается двумя петлями для подвязывания к концам двух кос (фото 49 б). Это может означать, что накосник принадлежал замужней женщины, так как они носили прическу из двух кос. С некоторой

долей условности можно предположить, что форма накосника приближена к образу антропоморфной фигуры. Возможно, к древнему образу богини *Умай*, что весьма логично, поскольку именно она считалась хранительницей младенцев и рожениц, какими потенциально являлись замужние женщины.

Способ ношения кожаных накосников исследователями, к сожалению, не описан, только в работе Л. П. Потапова имеется зарисовка многоярусного

Г Д

Рис. 79 Способ ношения накосников: г) девичьего *чач пёбш*; д) женского *чинча*. Реконструкция Т. И. Кимеевой

составного накосника алтайцев, которая позволяет представить приемы крепления обоих типов украшений к волосам. Верхние концы накосников подвязывались к косам, на уровне талии украшение пропускалось под пояс. Край, утяжеленный раковинами каури и медными кольцами, свободно свисал ниже пояса, а раковины при ходьбе издавали сухой треск, отпугивающий злых духов.

а б в

Рис. 80. Ожерелья *мунчук*. Фрагменты из фотоархивов Н. П. Дыренковой и И. Г. Иванова²³⁰

Нагрудный тип женских украшений у шорцев представлен ожерельями из бус *мунчук* о которых уже упоминалось при описании технологии вышивки тамбурным швом. Крепление бисерных низок на полоски ткани лежало в

основе их изготовления. Подкладка представляла собой две дугообразно вырезанные полоски текстиля, соединенные на концах и застегиваемые на пуговицу (рис. 81). Полоски размещались через определенный промежуток друг от друга. Длинные низки бусин и бисера, согнутые пополам петлей, нашивались на эти полоски таким образом, что верхняя часть ожерелья оказывалась плотно ушитой вертикальными низками бусин, а вдоль нижнего края свободно свисали петли этих низок (фото 80 б). Ожерелья, отраженные в материалах фотоархива Н. П. Дыренковой, в первой четверти XX в.

²³⁰ Дыренкова Н. П. Фотоколлекция № 3662; Иванов И. Г. «Горная Шория. 1913 г.» // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок»: (электронные фотокопии).

надевались поверх рубахи или платья городского типа и полностью закрывали шею по типу воротника-стойки (рис. 80 а). В этом случае не было необходимости декорирования воротника орнаментом с оберегательной символикой, эту функцию выполняло ожерелье *мунчук*. Другим вариантом ношения ожерелья была его более свободная посадка, когда взору открывался небольшой стоячий воротничок рубахи (фото 80 б, в). При низании бусин подборка их по цвету осуществлялась таким образом, чтобы на готовом ожерелье декор составляли горизонтальные разноцветные полосы (рис. 80, 81).

Рис. 81. Ожерелье *мунчук*.
Реконструкция
Т. И. Кимеевой

Таким образом, в рамках домашних ремесел женщинами создавался уникальный образ жителей лесотаежной зоны Южной Сибири. Светло-бежевый цвет халатов выгодно подчеркивался нашивными декоративными деталями, обязательными из которых считались воротники (фото 36, 37), а также обшлага рукавов (рис. 83 а; фото 9; 13; 3 37) и полки (фото 36 в; 37). По

а б
Рис. 82. Реконструкция Т. И. Кимеевой
женского и мужского костюма по
материалам музейных собраний

их бархатистому темному фону цветными яркими нитками были вышиты орнаменты, составленные из мотивов, направленных на защиту от злых духов и обеспечение благополучия – прямоугольники, зигзаги, особым значением среди которых обладал зигзаг с петлей в изломе и др. Тонкую женскую талию подчеркивал пояс, сшитый из широкой полосы ткани и вышитый по темному фону орнаментом из расположенных между линиями зигзагов крестообразных фигур, являющихся символом небесных светил или других орнаментальных мотивов (рис. 68). Костюм мужчины – охотника дополнялся кожаным поясом (рис. 81 а). Дополняет женский и мужской костюмы сшитый из текстиля кисет прямоугольной формы - сумочка со скругленными нижними углами, в вышивке которой отражены древние мифические представления

народа о населяющий мир духах. Дополнением к женскому костюму может быть легкая берестяная сумка (рис. 82 а).

Рис. 83.
Реконструкция обуви
шорских коллекциях имеются художественно оформленные подвязки для

Халат и надетую под него рубашу носили со штанами и сапогами на мягкой подошве без каблука из сыромятной кожи собственной выделки. В реконструированном костюме целесообразно выделить декоративные детали этой обуви. Как уже отмечалось в предыдущих разделах, в шорских коллекциях имеются художественно оформленные подвязки для

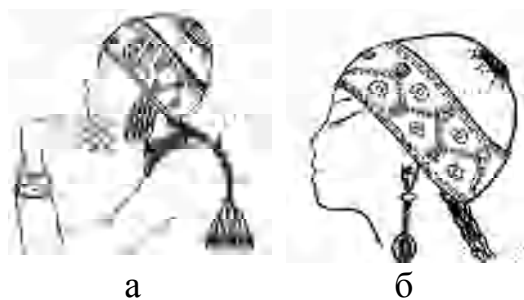

Рис. 84. Реконструкция женских
головных украшений²³¹

фиксирования верхнего края голенищ сапог (рис. 73), которые будут уместны в воссозданном варианте традиционного костюма. Завершением образа жительницы таежной зоны Сибири будут служить реконструированные головные украшения:

вышитый околыш шапочки *пүрүк* (табл. 10; рис. 83 а, б), серьги и ушные подвески *зерга* (табл. 12, 13, 17; рис. 75–77, 83), шейно-нагрудные украшения *мунчук* (рис. 80–81), а также описанные выше варианты женских и девичьих

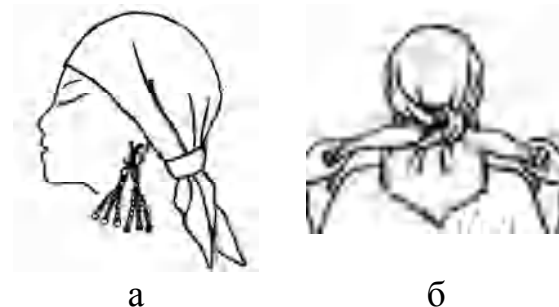

Рис. 85. Реконструкция ношения головного платка

накосных украшений (рис. 79; табл. 15; фото 48–49). Кроме того, в первой четверти XX в. практически все шорские женщины повязывали голову покупным платком, поэтому в реконструкции костюма возможно и использование платка. При надевании платок складывали по диагонали и завязывали два его конца на затылке поверх опущенного вниз третьего конца, так что все три конца платка свободно спускались по спине (рис. 83 б).

Таким образом, шорскими женщинами в рамках домашних ремесел изготавливался целый набор украшений, служивших декоративным дополнением к костюмному комплексу. Следует отметить, что авторы этих

²³¹ Прыткова Н. Ф. Головные уборы [Текст] / Н. Ф. Прыткова // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 329- 369.

украшений стремились к созданию гармоничного образа, соответствующего хозяйственному укладу жителей лесотаежной зоны Южной Сибири. Владение техникой низания бисера и бусин, плетения бисерной сетки позволяло создавать уникальные на сегодняшний день ушные, наконные и нагрудные украшения. Серьги и ушные подвески *ызырга* были длинными, спускающимися вдоль шеи, что обеспечивало недоступность для злых духов открытой области этой части тела. Пазушный разрез платья вдоль шеи прикрывало ожерелье *мунчук* в виде неширокого полукруга. Концы кос украшали зрительно удлиняющие их наконники *чач пöдш* и *чынча*, в основе которых была кисть из волоса или нарезанных кожаных ремешков. Как известно, кисть у тюркоязычных народов наделена свойствами оберега. Использование в качестве фурнитуры бисера и бусин, по своей форме приближенных к кругу, раковин каури, дисков и звездчатых розеток из различных материалов способствовало обеспечению охранной функции украшений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании обозначены проблемы актуализации художественного наследия шорцев, сосредоточенного в условиях современного развития общества преимущественно в музейных собраниях страны – коллекциях, архивах и фотофондах. Рассмотрены возможности реконструкции на основе материалов музейных коллекций декоративного народного искусства одного из коренных малочисленных народов Сибири – шорцев. Реконструкция, предусматривающая восстановление традиций, призвана сохранить специфику народной культуры и способствовать ее дальнейшей трансляции. В настоящее время необходимость реконструкции предметов декоративного искусства обусловлена тем, что они практически не воспроизводятся. Составив фонд культурного наследия в коллекционных собраниях музеев и, отодвинувшись в историю, этот пласт культуры, сохраняет свое значение. В современной ситуации декоративное прикладное искусство, будучи элементом культурных систем прошлого, востребовано в сознании народа-носителя и наследника этой формы культуры.

Традиционное искусство шорцев отражало их хозяйственную специфику и культуру, формируемую в рамках этой хозяйственной деятельности. Оно отличалось сдержанностью форм и насыщенностью мифологическим содержанием. Декоративно оформлялись предметы женских и мужских занятий, носивших у шорцев характер домашних промыслов. Создание определенных художественных образцов при этом могло выполняться только представителями конкретного пола: мужчины вырезали и декорировали предметы из кости и рога, дерева, металла, культовые предметы; женщины декорировали текстиль, мастерили дополняющие костюмный комплекс украшения.

На основе анализа материалов музейных коллекций выявлено многообразие используемых шорцами типов декора – антропоморфного, зооморфного, растительного, абстрактного, эпиграфического, астрального,

геометрического. При использовании их в различных комбинациях создавались неповторимые орнаментальные композиции, характерные только для шорского народа. Так как они являлись отражением их духовного мировоззрения и мифологических представлений об окружающем мире. Специфика мотивов декора, разработанных народом лесотаежной зоны на протяжении своей истории, делает предметы традиционной культуры уникальными, отражающими этническую специфику шорцев.

В рамках народного декоративного искусства шорцами создавались материальные образы почитаемых ими духов в художественных традициях, являющихся своеобразным маркером народной культуры. Приемы скульптурной резьбы применялись при воплощении облика почитаемых сакральных существ. Антропоморфные с мифическими чертами образы родовых духов вырезали из древесины почитаемых родом деревьев в технике скульптурной резьбы. Для создания облика духа-хозяина бубна в виде рукоятки *марс/барс* применяли не только скульптурную резьбу, но и тонкую легкую порезку контурной резьбы, используя значимые для народа мотивы – гор, воды и др. Образы отдельных духов воплощались в виде берестяных масок, одни из которых были призваны охранять жилище, с помощью других оказывалось возможным перевоплощение участников обрядов в мифическое существо, с помощью которого можно было благотворно воздействовать на силы природы в целях призывания удачи и благополучия для рода.

В равной мере предметы культа, охоты или быта из материалов музейных коллекций свидетельствуют о наличии навыков при работе с деревом. Применялись техники контурной, выемчатой, прорезной и скульптурной резьбы, а при декорировании бересты – накладного декора и тиснения. Основными мотивами декора в работе с деревом и берестой были геометрические.

Художественное декорирование рога и кости, кроме геометрических мотивов (зигзага как символа почитаемых гор) включает зооморфные и растительные (изображение культовых животных и деревьев),

космологические (кружковый орнамент) и т. д. Выполнялись эти мотивы в технике точечной и контурной гравировки, а также гравировки раскаленным металлом. Декорированные роговые и костяные предметы характеризовали большое значение охотничьего промысла для жителей лесотаежной зоны. Это были мерки для пороха, наверхия подставок для сошек, курки самострелов, рукояти ножей, табакерки и головки курительных трубок.

Кроме перечисленных предметов, особо следует отметить гравированные геометрическим орнаментом напряслица для веретен из рога марала. Орнаментированные расположенными по кругу зигзагами, полукружьями и отходящими от центрального отверстия лучами, отражающими семантику почитаемых объектов окружающего мира, они являются свидетельством важности ткачества как одного из ведущих женских занятий в культуре шорцев.

Художественная обработка металлов – олова и меди, согласно материалов музейных собраний, имела место в шорской культуре. Коллекция литых предметов – перстней с декорированным щитком и сережек с основой в виде отливки приобретена у шорцев окрестностей Мысков и современного Междуреченска. Отлитые из медных сплавов и шлифованные перстни, декорировались в технике гравировки, изредка инкрустировались камнями. Серьги, отлитые в орнаментированной форме, украшались подвесками в виде снизок бусин, кованых ромбовидных пластинок на концах. Декор на этих предметах отражает связь с традиционным мировоззрением шорцев.

В данной работе подробно, с обозначением семантики духов-*төсей*, рассмотрена изобразительная традиция шорцев на шаманских бубнах. Материал, отраженный ранее в работах А. В. Анохина, Л. П. Потапова, С. В. Иванова относительно семантики изображений на шаманских бубнах шорцев дополнился новыми источниками. Среди которых неопубликованные ранее архивные материалы Н. П. Дыренковой и Л. Э. Каруновской, ставшие доступными благодаря электронной библиотеке Музея антропологии и

этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры)²³², а также неопубликованные материалы А. В. Анохина и Н. П. Дыренковой, скопированные в 1980-е гг. В. М. Кимеевым в процессе работы над диссертационным исследованием и переданные им в настоящее время в научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета²³³.

Декорирование текстиля являлось прерогативой женщин у шорцев и включало вышивку, аппликацию, плетение декоративных шнурков. Шорцам была известна вышивка тамбурным, стежковым и крестовым швами, они знали вышивку в технике плоской глади, создание узоров из нашитых пуговиц и раковин каури, аппликацию в виде нашитых полос и зигзагообразных линий. Многообразие техник позволяло воплощать в декоре и орнаменты гармоничные для лесотаежного населения образы почитаемых гор в виде зигзага, зигзага с петлей в изломе, расположенного в самых разных комбинациях треугольника и ромба; небесных светил в виде крестообразных фигур и кругов различной конфигурации, полукружий и пр.

Изготовление кукол из текстиля и кудели также может считаться типом народного декоративного искусства. Данный вид творчества в настоящее время является востребованным творческими коллективами, воспроизводящими образцы народной культуры, а также музеями в рамках развития интерактивных форм работы.

Также в рамках создания костюмного комплекса женщинами в технике низания бисера, плетения бисерной сетки, плетения шнурков создавались образцы ушных, накосных и нагрудных украшений. При этом всегда соблюдалась традиция с помощью имеющейся у мастерицы фурнитуры в форме диска, многолучевой розетки, раковины каури наделять изготовленные предметы семантикой оберега.

²³² Отдел этнографии Сибири [Электронный ресурс]: электронная библиотека. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/ELibrary.html>. – Загл. с экрана.

²³³ Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № 101 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.

Выявленные на основе исследования материалов музейных собраний и научных источников данные могут быть успешно применимы как при реконструкции отдельных видов женских ремесел в развитии интерактивной деятельности музеев, кружков при национально-культурных центрах и общеобразовательных школах, а также воссоздании народного шорского костюма, отвечающего требованиям традиционности. Что является весьма актуальным в условиях повышенного интереса к шорской культуре, отражением которого является создание и регистрация в Кемеровской области двадцати двух общественных организаций шорского народа²³⁴. При этом общественными деятелями высказываются мысли о воссоздании утраченного историко-культурного наследия народа на основе подлинных фотоматериалов и сборов этнографов начала XX в.²³⁵ В связи с вышесказанным автор надеется, что проводимые им на протяжении почти двадцати лет исследования материалов музейных собраний по культуре коренного населения Кузбасса, будут плодотворно использованы в актуальных в условиях современности процессах реконструкции и трансляции историко-культурного наследия шорцев.

²³⁴ Шорцы // Народы Кузбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://народыкузбасса.рф/index.php/shor-oo/tashtagolskaya-oo-shorskogo-naroda-taglyg-shor>. – Загл. с экрана.

²³⁵ Печенина Н. Кунсткамера поделилась своим архивом с общественной организацией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.shor-people.ru/news/kunstkamera-podelilas-svoim-arxivom-s-obshestvennoj-organizaciej.html>. – Загл. с экрана.

СЛОВАРЬ

Аборигены	коренные обитатели той или иной территории или страны, живущие здесь «изначально»; то же, что «автохтоны».
Автохтонное население	первоначальное, исконное население какой-либо местности, территории, страны ²³⁶ .
Айна	злой дух, являющийся причиной заболеваний и смерти человека
Актуализация наследия	деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации ²³⁷ .
Анимизм	вера в духовные существа, души и духов, одна из первичных форм религии ²³⁸ .
Аппликация	способ создания орнаментов и изображений посредством нашивания на основу декоративных деталей из ткани иного цвета и иной фактуры.
Береста	верхний слой березовой коры
Воспроизведение	предмет, создаваемый с целью максимально точной передачи внешнего облика и основных характеристик музейного предмета. Это могут быть научные реконструкции.
Голенище	верхняя часть сапога, пришитая к его головке (нижней части)
Гравировка	Нанесение на поверхность изделия мелкой орнаментальной порезки, точечного или линейного узора ²³⁹ .
Даба	китайская хлопчатобумажная ткань полотняного

²³⁶ Краткий этнологический словарь [Электронный ресурс]: электронные данные. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/etno/etndicab.htm>. – Загл. с экрана.

²³⁷ Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.

²³⁸ Краткий этнологический словарь [Электронный ресурс]: электронные данные. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/etno/etndicab.htm>. – Загл. с экрана.

²³⁹ Кондратьева О. А. Кость и рог [Текст] / О. А. Кондратьева // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология: справочник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Арт-Люкс», 2003. – С. 248.

переплетения, напоминающая льняной холст.

- Декор** система украшений памятника, выполненных руками человека.
- Деревообработка** хозяйственное занятие, в основе которого – обработка древесины различных пород в целях изготовления утвари, деталей орудий труда, оружия и т.д.
- Долбление** Вид резания древесины для получения углублений или сквозных отверстий при помощи тесла *аддылга*.
- Домашние ремесла** производство в натуральном хозяйстве готовых продуктов, предназначенных для личного потребления, изготавливаемых из сырья, которое добывается в этом же хозяйстве.
- Заболонь** наружный, молодой и менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой²⁴⁰.
- Камлание** (от *хам, кам* – название шаманов в ряде тюркских языков Южной Сибири), обозначает особые ритуальные действия шамана, во время которых он «общается» с духами. Ударами в бубен, исступлёнными плясками он приводил себя в состояние экстаза (с явлениями галлюцинации), «вступая» в общение с духами и воздействуя на них. Обряд камлания исполнялся на родовых праздниках, для «лечения» больных и др.
- Канатулар** культовый предмет, изображающий охотничьего духа у шорцев среднего течения Мрассу и у бачатских телеутов.
- Кап** шарообразный нарост на стволе и корнях обычной березы.
- Кендырь** волокна конопли или крапивы, используемые для изготовления нитей и полотна
- Кириш** Поперечная перекладина из железного прута внутри бубна; тетива бубна.
- Китайка** плотная хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения синего, реже – красного цветов.

²⁴⁰ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/117298>. – Загл. с экрана.

Крой	разрезание ткани, кожи и других материалов на детали определенной формы и размера для изготовления из них предметов одежды или обуви.
Кропление	бескровное жертвоприношение духам в виде алкогольного напитка или жидкой кашицы путем их разбрызгивания с ложки.
Көрмөс	душа всякого человека в загробном мире; к категории <i>көрмөсөв</i> , имеющих право существовать на земле после смерти, относятся шаманы ²⁴¹ .
Костра	жесткая кожица и деревянистые волокна льна и конопли, остающиеся, как отброс, после их трепания и чесания ²⁴² .
Кость	термин «кость» – собирательное понятие, объединяющее такие типы костной ткани как кость животная и рог.
Культ	(латинское <i>cultus</i> – почитание, поклонение) – исторически сложившийся тип религиозных отношений.
Культовый	Посвященный ритуально-праздничным церемониям, связанным с определенными религиозными верованиями
Культ огня	почитание духа огня, известного, тюркоязычных народов Южной Сибири как <i>От-эне</i> (мать-Огонь). У телеутов сохранилось почитание огня в форме бескровного жертвоприношения глиняным очажкам в свадебном обряде.
Культурное наследие	совокупность объектов культуры, отражающих этапы развития общества и осознаваемых социумом как ценности, подлежащие сохранению и актуализации ²⁴³ .
Ластовица	Вставка подмышками, обычно отличного от самой рубахи цвета или другого материала.
Литье	Способ изготовления и декорирования изделий из расплавленного металла при помощи литейных форм, которые снимались из предварительно изготовленных

²⁴¹ Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев... – С. 21-22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Anohin-Shamanstvo.pdf>. – Загл. с экрана.

²⁴² Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-25118.htm>. – Загл. с экрана

²⁴³ Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.

моделей²⁴⁴.

Нанка	китайская хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, напоминающая льняной холст, почему и называемая в Сибири китайкой.
Нематериальное культурное Наследие	совокупность основанных на традиции форм культурной деятельности и представлений человеческого сообщества, формирующая у его членов чувство самобытности и преемственности. Это – обычаи, знания и навыки, язык, устный эпос, музыка, танец, игры, мифология, ритуалы, ремесла, традиционные формы коммуникации и экологические представления, знаки и символы и т.п. ²⁴⁵
Обшлаг	нижний край рукава
Орнамент	система повторяющихся, ритмически упорядоченных элементов декора.
Пазушный разрез	грудной разрез нераспашной одежды
Пайана	категория духов, благожелательных по отношению к человеку, включающая как небожителей, так и земных духов (гор, тайги и пр.) ²⁴⁶
Плетение	способ изготовления текстильных изделий, структура которых формируется в результате переплетения нитей. В отличие от ткачества в плетении отсутствуют основа, уток и механическое чередование зева ²⁴⁷ .
Подол	нижний край одежды.
Пройма	углубленный вырез в деталях спинки и переда для вшивания рукава.
Пряжа	Нити, полученные прядением.

²⁴⁴ Баранова И. И. Металл [Текст] / И. И. Баранова // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология: справочник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Арт-Люкс», 2003. – С. 177–178.

²⁴⁵ Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.

²⁴⁵ Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.

²⁴⁶ Потапов Л. П. Алтайский шаманизм [Текст] / Л. П. Потапов. – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1991. – С. 68.

²⁴⁷ Котова Е. Н. Изготовление, отделка и декорирование текстильных изделий [Текст] Е. Н. Котова, Е. Ф. Кононова // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология: справочник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Арт-Люкс», 2003. – С. 337.

Резьба декоративная	декоративная обработка древесины резцовыми инструментами с удалением части материала. ²⁴⁸
Резьба контурная	резьба по намеченному контуру узкой углубленной линией, создающей четкое изображение.
Резьба прорезная (сквозная)	декоративная резьба при которой режущим инструментом удаляются участки фона.
Резьба скульптурная	рельефная резьба, дающая в результате всестороннее изображение ²⁴⁹ .
Реконструкция	научно обоснованное восстановление утраченного культурного объекта либо его частей. В музейной практике получили распространение: реконструкции виртуальные и исторические, являющиеся результатом исторического моделирования нематериальных и материальных объектов с целью их актуализации в современном обществе ²⁵⁰ .
Сакральный	священный, заветный, имеющий магическое значение.
Сарга	тонкая древесная дранка, используемая в качестве шивного материала для изделий из бересты
Синкретизм	смешение, неорганическое слияние разнородных элементов
Сколотень	береста, снимаемая со срубленного дерева «чулком» в виде берестяного цилиндра.
Солод	пророщенное, подсушенное и размолотое зерно, путем брожения применяемое для приготовления слабоалкогольных напитков
Сöök	родовая группа у алтайцев ²⁵¹ .
Тайгам	антропоморфное изображение родового духа у шорцев бассейна Мрассу и верховий Томи

²⁴⁸ Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология: справочник [Текст]. – Санкт-Петербург: Изд-во «Арт-Люкс», 2003. – С. 233.

²⁴⁹ Баранова И. И. Дерево [Текст] / И. И. Баранова // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология: справочник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Арт-Люкс», 2003. – С. 235.

²⁵⁰ Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.

²⁵⁰ Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана

²⁵¹ Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сб. музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во РАН, 1924. – Т. IV. – 248 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Anohin-Shamanstvo.pdf>. – Загл. с экрана.

Талкан	мука из предварительно обжаренных зерен ячменя, употреблялась в пищу разведенная молоком, медом или водой
Тӧс	Дух первоначальный, исконно существовавший ²⁵²
Туникообразный крой	крой по типу туники, в основе которой лежит согнутое по линии плеч полотнище ткани
Улус	(у тюркских народов) территория, занятая каким-либо племенем и ему подвластная, позднее – поселение.
Ульгенъ	верховное божество верхнего мира; светлое начало; благодетельное божество, живущее за месяцем, солнцем, выше звезд небесных ²⁵³ .
Фурнитура	вспомогательные части и детали, необходимые для изготовления некоего цельного предмета.
Чула	вид души как самостоятельного существа; двойник человека или животного; чула отделяется от реального живого существа и может иметь самостоятельно вид своего обладателя ²⁵⁴ .
Шалыг	антропоморфное изображение родового духа у шорцев среднего течения Кондомы
Шлифование	Отделочная и декоративная обработка изделия, заключающаяся в выравнивании поверхности.
Эрлик	в тюркской мифологии – властелин подземного мира; темное начало; Противостоит Ульгеню – верховному божеству верхнего мира ²⁵⁵

²⁵² Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сб. музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во РАН, 1924. – Т. IV. – 248 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Anohin-Shamanstvo.pdf>. – Загл. с экрана.

²⁵³ Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев... – С. 9–13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Anohin-Shamanstvo.pdf>. – Загл. с экрана.

²⁵⁴ Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Anohin-Shamanstvo.pdf>. – Загл. с экрана.

²⁵⁵ Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев... – С. 1–9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Anohin-Shamanstvo.pdf>. – Загл. с экрана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалар пайрам // Кузбасс регион согласия. – Вып. 1. – ноябрь, 2008. – С. 16–17.
2. Аборигены Кузбасса. Современные этнополитические процессы [Текст] / ред.-сост. В. М. Кимеев, В. В. Ерошов. – Кемерово: Кузбассвуиздат. – 304 с.
3. Алексеев. Н. П. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1980. – 315 с.
4. Алексеев Н. П. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири [Текст] / Н. П. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984. – 233 с.
5. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сб. музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во РАН, 1924. – Т. IV. – 248 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Anohin-Shamanstvo.pdf>. – Загл. с экрана.
6. Баранова И. И. Декор [Текст] / И. И. Баранова // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология: справочник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Арт-Люкс», 2003. – С. 389–390.
7. Баранова И. И. Дерево [Текст] / И. И. Баранова // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология: справочник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Арт-Люкс», 2003. – С. 210–240.
8. Баранова И. И. Металл [Текст] / И. И. Баранова // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология: справочник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Арт-Люкс», 2003. – С. 139–188.
9. Гладилина И. П., Королева Г. М. Роль традиционной народной культуры в консолидации современного общества // Армия и общество. – 2012. – Вып. 4 (32) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://cyberleninka.ru/article/n/rol-traditsionnoy-narodnoy-kultury-v-konsolidatsii-sovremennogo-obschestva>. – Загл. с экрана.

10. Глушкова П. В. Проблема фиксации объектов нематериального культурного наследия русских в рамках их актуализации в деятельности музея: на примере Кемеровской области [Текст] / П. В. Глушкова // Университеты в системах развития и интеграции России: сб. материалов всероссийской научной конференции. – Омск, 2014.

11. Дьяконова В. П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая [Текст] / В. П. Дьяконова // Этнокультурные контакты народов Сибири [Текст]. – Л.: Наука ЛО, 1984. – С. 30–31.

12. Дьяконова В. П. Этнографические коллекции 30-х годов по алтайцам и хакасам в собрании МАЭ [Текст] / В. П. Дьяконова, Н. И. Ключева // Собрания Музея Антропологии и этнографии АН СССР. – Л.: Наука, 1980. – С. 73–85.

13. Дьяконова В. П. О значении реки и воды в культуре народов Саяно-Алтая [Текст] В. П. Дьяконова // Реки и народы Сибири. – СПб: Наука, 2007. – С. 139–148.

14. Дыренок Н. П. Из шаманских верований у шорцев Кузнецкой тайги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_13.pdf/ – Загл. с экрана.

15. Дыренок Н. П. Несколько способов охранения ребенка у шорцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_09.pdf. – Загл. с экрана.

16. Дыренок Н. П. О сватовстве и свадьбе (шорцев) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_10.pdf. – Загл. с экрана.

17. Дыренкова Н. П. Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkPoluchenie.pdf>. – Загл. с экрана.

18. Дыренкова Н. П. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkovaPtica.pdf>. – Загл. с экрана.

19. Дыренкова Н. П. Родство и психические запреты у шорцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Dyrenkova-Rodstvo.pdf>. – Загл. с экрана.

20. Дыренкова Н. П. Шорский фольклор [Текст] / Н.П. Дыренкова. М.-Л.: Изд-во Ан СССР, 1940. – 448 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Dyrenkova-ShorFolk.pdf>. – Загл. с экрана.

21. Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. Шорцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_04.pdf. – Загл. с экрана.

22. Дыренкова Н. П. Фотоколлекция № 3662 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок»: (электронные фотокопии).

23. Зелинская Е. А. Мифы тюркских народов Сибири о небесных светилах [Текст] / Е.А. Зелинская // Молодой ученый. – 2011. – № 4. – Т. 2. – С. 187–159.

24. Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // Труды института этнографии [Текст] / С. В. Иванов. – М.-Л. 1954. – Т. XXII. – 838 с.

25. Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея

Антропологии и этнографии [Текст] / С.В. Иванов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XVI. – С. 165–265.

26. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) // Труды института этнографии [Текст] / С.В. Иванов. – М.-Л. 1963. – Т. 81. – 500 с.

27. Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар XVIII – первая четверть XX вв. [Текст] / С.В. Иванов. – Л.: Наука ЛО, 1979. – 194 с.

28. Каргин А. С. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке [Текст] / А. С. Каргин, А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – С. 59–71.

29. Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманизму) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Karunovskaya-Vselennaya.pdf>. – Загл. с экрана.

30. Каталог фотографий Г. И. Иванова «Горная Шория. 1913 г.» [Электронный ресурс]: сайт Алтайского государственного краеведческого музея. – Режим доступа: http://www.agkm.ru/katalog_foto.html – Загл. с экрана.

31. Кацюба Д. В. Материалы о шорцах: зарисовки этнографических коллекций музеев Кемеровской области // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.

32. Кемеровский областной краеведческий музей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kuzbasskrai.ru/>. – Загл. с экрана.

33. Кидиекова И. К. Орнамент хакасов [Текст] / И. К. Кидиекова. – Абакан, 1996. – 157 с.

34. Кимеев В. М. Шорцы. Кто они [Текст] / В.М. Кимеев. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. – 189 с.

35. Кимеев В. М. Религиозные верования шорцев [Текст] / В. М. Кимеев // Кузнецкая старина / отв. ред. Ю. В. Ширин. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2005. – Вып. 7. – С. 108–126.

36. Кимеев В. М. Жилище и хозяйственные постройки шорцев Текст. / В. М. Кимеев // Жилища народов Западной Сибири: Сборник / под ред. М. С. Усмановой. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1991. – С. 16-30.

37. Кимеев В. М. Роль коневодства в жизнедеятельности горно-таежных шорцев торгового пути «Улуг-Чол» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://historylib.org/historybooks/pod-red-A-A-Tishkina_Drevnie-i-srednevekovye-kochevniki-Tsentralnoy-Azii/40. – Загл. с экрана.

38. Кимеев В. М. Сохранение историко-культурного наследия [Текст] / В. М. Кимеев // Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы / Ин-т угля и углехимии СО РАН. Кемерово, 2003. – С. 231-243.

39. Кимеев В. М. Шорцы [Текст] / В. М. Кимеев // Тюркские народы Сибири; отв. Ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. – М., 2006. – С. 236-323.

40. Кимеев В. М. Шорцы [Текст] / В. М. Кимеев // Тюркские народы Сибири; отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. – М., 2006. – С. 236-323.

41. Кимеев В. М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции [Текст] / В. М. Кимеев. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008. – С. 65–71.

42. Кимеев В. М. Традиционные ремесла шорцев [Текст] / В. М. Кимеев // Вестник КемГУ. – 2013. – № 4 (56). – Т. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik.kemsu.ru/Content/journals/201341/27-32_Kimeev.pdf. – Загл. с экрана.

43. Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива А. В. Анохина, ф. 11, оп. 1, № 101 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–28, лл. 1–12.

44. Кимеев В. М. Материалы о шорцах: копии архива Н. П. Дыренковой, ф. 3, оп. 1, № 122 // Архив отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Д. 856–35, лл. 1–35; д. 856-36, лл. 1–7.

45. Кимеева Т. И. Одежда, обувь и украшения шорцев [Текст] / Т. И. Кимеева, В. М. Кимеев // Шорский сборник. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. Вып. 1. – С. 200–216.

46. Кимеева Т. И. Проблемы реконструкции сценического костюма фольклорных ансамблей тюркоязычных народов Кузбасса [Текст] / Т. И. Кимеева, В. М. Кимеев // Материалы Всероссийской научной конференции. – Омск: ОТИБО, 1995. – Ч. 1. – С. 96–100.

47. Кимеева Т. И. Орудия охотничьего промысла шорцев (по материалам коллекций музеев России) [Текст] / Т. И. Кимеева, В. М. Кимеев // Шорский сборник: этноэкология и туризм Горной Шории. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 180–199.

48. Кимеева Т. И. Семантика рисунков на шорских бубнах (по материалам коллекций музеев России) [Текст] / Т. И. Кимеева // Международная конференция по первобытному искусству: сб. статей. – Кемерово: НИКАЛС, 1998. – С. 134–136.

49. Кимеева Т. И. Традиции рыболовства в Притомье (конец XIX – начало XX вв.) [Текст] / Т. И. Кимеева // Аборигены и русские старожилы Притомья: сб. статей. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – С. 124–133.

50. Кимеева Т. И. Курение у шорцев. Грани традиции (по материалам музейных коллекций) [Текст] / Т. И. Кимеева // V конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. – М., 2003б. – С. 172.

51. Кимеева Т. И. Культурные аспекты этнического взаимодействия аборигенов и русских Притомья [Текст]: дис. ... канд. культурологии: 23.00.03 / Т. И. Кимеева. – Кемерово, 2003. – 342 с.

52. Кимеева Т. И. История формирования этнографических коллекций. Шорцы. Телеуты. Русские. Эвенки [Текст] / Т. И. Кимеева // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.– Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2004. – Вып. 1. – С. 77–92.

53. Кимеева Т. И. Из истории формирования этнографических коллекций. Телеуты, шорцы (колл. Д. В. Кацюбы). Русские. Мордва (колл. А. В. Циркина) [Текст] / Т. И. Кимеева // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.– Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2006. – Вып. 2. – С. 83–96.

54. Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX вв.) [Текст]: монография / Т. И. Кимеева – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – 295 с.

55. Кимеева Т. И. Традиции и ремесла бачатских телеутов: учебно-методическое пособие для национально-культурных центров и образовательных учреждений Кемеровской области [Текст] / Т. И. Кимеева, Л. И. Тыдыкова. – Кемерово: ООО Примула, 2011. – 144 с.

56. Кимеева Т. И. Памятники художественного наследия в этнографической коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ // Музей и наука: сб. статей. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 50–54.

57. Кимеева Т. И. История народного искусства Сибири [Текст] / Т. И. Кимеева: учеб. пособие. – Кемерово: Кемеров. Гос. Ун-т культуры и искусств, 2012. – 242 с.

58. Кимеева Т. И. Реконструкция элементов традиционной культуры автохтонных народов Сибири на материалах музейных коллекций [Текст] / Т. И. Кимеева // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане: сб. научных статей и материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Изд-во «Амфора», 2013. – С. 126–132.

59. Кимеева Т. И. Культурологический подход к анализу памятников историко-культурного наследия: по материалам этнографических музейных

коллекций (на примере шорских украшений из бисера и бусин) [Текст] / Т. И. Кимеева // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – №5 (25). – С. 173–176.

60.Кимеева Т. И. Историко-культурологические исследования художественного наследия тюркоязычных народов Западной Сибири [Текст] / Т. И. Кимеева // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2011. – Вып. 4 (48). – С. 28–33.

61.Кимеева Т. И. Культурологический аспект исследования русского влияния на женские украшения коренных жителей поселков Горной Шории [Текст] / Т. И. Кимеева // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. материалов X Международной научно-практической конференции. – Омск: изд-во Омского государственного университета им. П.А. Столыпина, 2014. – С. 86–92.

62.Кимеева Т. И. Актуализация традиционной обрядовой кухни в деятельности музеев Кемеровской области [Текст] / Т. И. Кимеева, П. В. Глушкова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2014. – № С. 49–55.

63.Кимеева Т. И. Актуализация календарной обрядности в музеях Кемеровской области [Текст] / Т. И. Кимеева, П. В. Глушкова // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2014. – С. 49–55.

64.Кимеева Т. И. Художественная обработка металла у шорцев в нач. XX в.: по материалам музейных коллекций [Текст]: сб. статей / Т.И. Кимеева // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики. – Кемерово: Практика, 2014. – С. 487–491.

65.Клюева Н. И. Каталог съемных украшений народов Сибири (по коллекциям МАЭ) [Текст] Н. И. Клюева, Е. А. Михайлова // Материальная и духовная культура народов Сибири – 1988. – Сб. МАЭ. – Т. 42. – С. 195–201.

66. Коллекционные описи материалов Н. П. Дыренковой в МАЭ им. Петра Великого // Архив В. М. Кимеева. Отдел этнографии музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» КемГУ. – Д. 856–35.

67. Кондратьева О. А. Кость и рог [Текст] / О. А. Кондратьева // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология: справочник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Арт-Люкс», 2003. – С. 241–254.

68. Котова Е. Н. Изготовление, отделка и декорирование текстильных изделий [Текст] / Е. Н. Котова, Е. Ф. Кононова // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология: справочник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Арт-Люкс», 2003. – С. 313–341.

69. Краткий этнологический словарь [Электронный ресурс]: электронные данные. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/etno/etndicab.htm>. – Загл. с экрана.

70. Кубарев В. Д. Змеи-рыбы-драконы в петроглифах Алтая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2002/09/08.html>. – Загл. с экрана.

71. Курпешко-Таннагашева Н. Н. Шорско-русский и русско-шорский словарь [Текст] / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. – 149 с.

72. Курьянова Т. С. Музей и нематериальное культурное наследие [Текст] / Т. С. Курьянова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 361. – С. 55–57.

73. Мастеница Е. Н. Актуализация культурного наследия в музее: образовательный аспект [Текст] / Е. Н. Мастеница // Образование в пространстве культуры: сб. науч. статей. – М.: РИК, 2005. – Вып. 2. – С. 199 – 206.

74. Мастеница Е. Н. Интерпретация культурного наследия в музее: гуманитарный дискурс [Текст] / Е. Н. Мастеница // Вестник Санкт-

Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011.
– № 3. – С. 6–9.

75. Михайлова Е. А. Съемные украшения народов Сибири [Текст] / Е. А. Михайлова Е. А // Украшения народов Сибири. – СПб: МАЭ РАН, 2005. [Электронный ресурс]: электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/. – Загл. с экрана.

76. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) // Музеи России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/M145>. – Загл. с экрана.

77. Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН г. Новосибирска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sbras.mmc.nsu.ru/?int=VIEW&el=366&templ=VIEW>. – Загл. с экрана.

78. Музей этнографии и природы Горной Шории // Музеи России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/M1784>. – Загл. с экрана.

79. Новосибирский государственный краеведческий музей [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://sib.net/novosibirsk/statemuseum/>. – Загл. с экрана.

80. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://museum.kemsu.ru>. – Загл. с экрана.

81. Музей-заповедник «Томская писаница» [Электронный ресурс]: сайт – Режим доступа: <http://www.gukmztp.ru/index2.html>. – Загл. с экрана.

82. Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН [Электронный ресурс]: сайт – Режим доступа: <http://www.archaeology.nsc.ru/Lists/museum02/AllItems.aspx>. – Загл. с экрана.

83. Народы Кузбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://народыкузбасса.рф/index.php/narody>. – Загл. с экрана.

84. Народы мира: энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etnolog.ru/>. – Загл. с экрана.

85. Новокузнецкий краеведческий музей [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nkmuseum.ru/>. – Загл. с экрана.

86. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/117298>. – Загл. с экрана.

87. Ойноткинова Н.Р. Животные и птицы в мифах алтайцев в сравнительном освещении [Текст] / Н.Р. Ойноткинова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 89–93.

88. Омский государственный историко-краеведческий музей [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.museum.ru/M1074>. – Загл. с экрана.

89. Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды [Текст] / Л. В. Орленко. – М.: Легпромбытиздат, 1996. – 344 с.

90. Отдел этнографии Сибири [Электронный ресурс]: электронная библиотека. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Elibrary.html>. – Загл. с экрана.

91. Отчет об экспедиции в Горную Шорию. 1991 г. // Научный архив музея-заповедника «Томская Писаница». Этнографический фонд.

92. Павлинская Р. Л. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов [Текст] / Р. Л. Павлинская // Материальная и духовная культура народов Сибири: сб. МАЭ. – Л.: Наука ЛО, 1988. – С. 71–85.

93. Патрушева Г. М. Шорцы [Текст] / Г. М. Патрушева, З. П. Соколова // Народы России: энциклопедия. – М.: Научное изд-во Большая российская энциклопедия. – С. 413-415.

94. Патрушева Г. М. Шорцы сегодня: современные этнические процессы [Текст] / Г. М. Патрушева. – Новосибирск: «Наука» Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 224 с.

95. Патрушева Г. М. Этнографическая экспозиция музея археологии и этнографии омского государственного университета [Текст] / Г. М. Патрушева // Музей и общество на пороге XXI века: Материалы научной конференции, посвященной 120-летию Омского государственного историко-краеведческого музея / Отв. Ред. П. П. Вибе. – Омск: Омский историко-краеведческий музей, Сибирский филиал Российского института культурологии, 1997. – С. 187–189.

96. Патрушева Г. М. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (25 лет со дня образования) [Текст] / Г. М. Патрушева, Н. А. Томилов // Исторический ежегодник. 1997. – Омск, 2000. – С. 117–120.

97. Потапов, Л. П. Шорцы [Текст] / Л. П. Потапов // Народы Сибири. — М.-Л.: Изд-во Наука ЛО, 1956. – С. 492-538.

98. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм [Текст] / Л. П. Потапов. – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1991. – 321 с.

99. Потапов Л. П. Изготовление шаманского бубна у шорцев // Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovOzhivlenie.pdf>. – Загл. с экрана.

100. Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. – 1946. – № 2. – С. 146–160 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovGori.pdf>. – Загл. с экрана.

101. Потапов Л. П. Мотыжное земледелие и собирание корней // Очерки по истории Шории. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovShoriya/01-zemledelie.pdf>. – Загл. с экрана.

102. Потапов Л. П. Одежда алтайцев // Сб. МАЭ. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951 – Вып. 13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Potapov-Odezhda.pdf>. – Загл. с экрана.
103. Потапов Л. П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских тюрков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/Texts/Potapov-Ohotnichi_poverya.pdf. – Загл. с экрана.
104. Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 260 с.
105. Потапов Л.П. Охота // Очерки по истории Шории. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/PotapovShoriya.html>. – Загл. с экрана.
106. Потапов Л. П. Пища алтайцев (этнографический очерк) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Potapov-Picha.pdf>. – Загл. с экрана.
107. Потапов Л. П. Рыболовство // Очерки по истории Шории – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovShoriya/01-ribolovstvo.pdf>. – Загл. с экрана.
108. Потапов Л. П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1973. – С. 265–286 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovUmay.pdf>. – Загл. с экрана.
109. Потапов Л. П. Шаманский бубен уникальный памятник духовной культуры тюркских народов Алтая [Текст] / Л. П. Потапов // Этнографическое обозрение, 1997. - № 4. – С. 25-39.
110. Приль Л. Н. Зариф Гайсин: новые источники к биографии // Центр документации новейшей истории Томской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdnito.tomsk.ru/zarif-gajsin-novye-istochniki-k-biografii.htm>. – Загл. с экрана.

111. Прокофьева Е. Д. Шаманские бубны [Текст] / Е. Д. Прокофьева // Историко-этнографический атлас народов Сибири. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 435-92.
112. Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда шорцев [Текст] / Н. Ф. Прыткова // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 227–234.
113. Прыткова Н. Ф. Головные уборы [Текст] / Н. Ф. Прыткова // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 329-369.
114. Рейно Л. А. Шорский орнамент [Текст] Л. А. Рейно // Приобье глазами археологов и этнографов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 163–172.
115. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.
116. Российский этнографический музей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/M147>. – Загл. с экрана.
117. Сагалаев А. М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния [Текст] / А. М. Сагалаев. – Новосибирск, 1984. – 119 с.
118. Сатлаев Ф.А. Коча-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев [Электронный ресурс]: Электронная библиотека Кунсткамеры. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Elibrary.html>. – Загл. с экрана.
119. Скобелев С.Г. Подвески с изображением древнетюркской богини Умай // Советская археология, 1990. – №2. – С. 226-233 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kronk.spb.ru/library/skobelev-sg-1990.htm>. – Загл. с экрана.
120. Скобелев С.Г. Иконография и принадлежности образа богини Умай у древних и современных тюрков // Центральноазиатский исторический сервер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kyrgyz.ru/?page=272>. – Загл. с экрана.

121. Томилов Н. А. Этнографические коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета [Текст] / Н. А. Томилов, Д. П. Славнин // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 8–13.
122. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – М., 2009. – №5. – С. 47–68.
123. Томилов Н. А., Музеи Сибири и музееведческие исследования омских ученых: издания каталогов и очерков истории музеев [Текст] / М. А. Корусенко, Г. М. Патрушева, В. Г. Рыженко, В. С. Томилова // Словцовские чтения–99. – Тюмень, 1999. – С. 72–74.
124. Томский областной краеведческий музей имени М.Б. Шатилова // Музеи России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/M606>. – Загл. с экрана.
125. Тучков А. Г. Томские этнографические экспедиции в Горную Шорию [Текст] / А. Г. Тучков // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – С. 165–191.
126. Тюрки Западной Сибири: этнографическая коллекция МИКНС Института археологии и этнографии СО РАН // Архив МИКНСиДВ А и Э СО РАН.
127. Украшения народов Сибири: сб. МАЭ. – СПб.: МАЭ РАН, 2005.
128. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-25118.htm>. – Загл. с экрана.
129. Федорова Е. Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири // Украшения народов Сибири [Текст] / Е. Г. Федорова – СПб: МАЭ РАН, 2005 [Электронный ресурс]: электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/. – Загл. с экрана.

130. Фотофонд музея «Археология, этнография и экология Сибири».
131. Фотофонд музея-заповедника «Тюльберский городок».
132. Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов [Текст] / Д. А. Функ. – М.: Наука, 2005. – 398 с.
133. Художественная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/917/. – Загл. с экрана.
134. Чубарова Л. И. Народные художественные ремесла корякского автономного округа // Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока [Текст] / Л. И. Чубарова, Т. Б. Митлянская. – С. 79 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000039/index.shtml>. – Загл. с экрана.
135. Шихалева Надежда Алексеевна. Человек – носитель культуры // Кузбасс регион согласия. – Вып. 6. – октябрь, 2014. – С. 7.
136. Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 38–122.
137. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Таежные промыслы и средства передвижения [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 1. – 190 с.
138. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Производящее хозяйство [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 2. – 216 с.
139. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 3. – 232 с.
140. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Одежда и украшения [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 4. – 168 с.

141. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – Ч. 5. – 135 с.
142. Шорцы // Народы Кузбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://народыкузбасса.рф/index.php/shor-oo/tashtagolskaya-oo-shorskogo-naroda-taglyg-shor>. – Загл. с экрана.
143. Шорцы // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 60–138.
144. Шорцы // сайт музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museum.kemsu.ru/etfondshor.html>. – Загл. с экрана.
145. Шулепова Э.А. Культурное наследие в контексте инновационных гуманитарных технологий [Текст] / Э. А. Шулепова, М. Е. Каулен, И. В. Чувилова и др. // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. статей. – Кемерово: Кемеров. Гос. Ун-т культуры и искусств, 2009. – Вып. III. – С. 5–91.
146. Экомوزهй-заповедник «Тюльберский городок» // Музеи России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/M3180>. – Загл. с экрана.
147. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/18311. – Загл. с экрана.
148. Этнографическая коллекция (шорцы) // Сайт музея-заповедника «Томская Писаница» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gukmztp.ru/fonds_etno2.html. – Загл. с экрана.
149. Этнографическая экспозиция Музея археологии и этнографии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=1225>. – Загл. с экрана.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГКМ	Алтайский государственный краеведческий музей
КО	Кемеровская область
КМАЭЭ	Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета
КОКМ	Кемеровский областной краеведческий музей
МАЭ	Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) Санкт-Петербурга
МАЭ ОмГУ	Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского
МАЭ ТГУ	Музей археологии и этнографии Томского государственного университета
МЗТП	Музей-заповедник «Томская Писаница»
МИКНСиДВ	Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока
МЭП	Музей этнографии и природы Горной Шории г. Таштагол
НКМ	Новокузнецкий краеведческий музей
ОГИКМ	Омский государственный историко-краеведческий музей
РЭМ	Российский этнографический музей
СО РАН	Сибирское отделение Российской Академии наук
ТОКМ	Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова
ЭМЗТГ	Экомузей-заповедник «Тюльберский городок»

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Сведения о традиционных обычаях и обрядах шорцев в трудах исследователей

1.1. Обряд *Шачыг* «Река-гора» у шорцев²⁵⁶

«У шорцев обряд «река-гора» обозначался словом *шачыг* (реже - *шачыл*). Сценарий проведения *шачыга* у каждой группы имел свои конкретные детали, которые не лишают этого культа общих закономерностей.

Решение о дне проведения моления принимали старики после прохождения ледохода. Местом проведения его был берег близлежащей реки. Ко дню его проведения каждая семья готовила бутылку вина и берестяной туес хмельного напитка *абыртка* из ячменя (у кондомских - из кандыка). На месте сбора участников обязательно разбрасывались кусочки дерева, бересты, которые имели название *кастак*. Участвовать на молении замужним женщинам, как и чужеродкам запрещалось. Они обычно наблюдали происходящее на некотором расстоянии от места церемонии. Каждый мужчина, принесший вино и туес с напитком, ставил его на берегу в ряд с другими и непременно кланялся в сторону реки.

Исполнитель жертвоприношения и ритуала, обычно старый уважаемый человек, приносил на *шачыг* большого размера чашу *чара* из дерева и ритуальную ложку *шабыла* из бересты. В чашу от каждой бутылки понемногу наливалось вино. Чашу, поднятую вверх, держали двое мужчин. Посуда использовалась только на молении, затем убиралась в особое место амбара отдельно от другой утвари. Из чаши исполняющий ритуал зачерпывал ложкой *абыртку* и совершал кропление во время обхождения дерева, площадки. Движение собравшихся шло по кругу на восток по ходу солнца с окончанием на западе. Исполнитель ритуала и собравшиеся в молитве вначале обращались к священной березе:

²⁵⁶ Дьяконова В. П. О значении реки и воды в культуре народов Саяно-Алтая [Текст] В. П. Дьяконова // Реки и народы Сибири. – СПб: Наука, 2007. – С. 119–141.

Тазы Хан, богатый Ульген

С пышной вершиной богатая береза, шок, шок, шок!

Вода-мать Памгара

Гора мать Чайым Кара

Рука если поднимется, кропление мое пусть будет.

Рыбу свою дай!

Зверя своего!

Шок, шок, шок!

Затем по ходу движения молитвенно обращались ко всем горам и рекам.

При перечислении рек, гор делалось кропление, исполняющий обряд нарочито громко выкрикивал «шок», и все вторили ему. Выкрикивание названия гор и рек делалось очень громким голосом, чтобы горные и водные духи услышали собравшихся, приняли жертву (особенно *абыртку*), вняли их просьбам, главные из которых - чтобы рыба обильно пошла вверх по реке, чтобы зверь и птица в тайге собрались (т.е. водились в избытке), чтобы всем и даже младшим невесткам и новорожденным хватило припасов в этом году.

Когда участники процессии завершали свое движение по кругу с востока на запад, исполняющий обряд делал кропления *абырткой* повернувшись в сторону «мира мертвых» и говорил:

Душам умерших три ложки.

Пусть (достигнет) всем поровну.

По окончании жертвоприношений, молитв рекам-горам и душам умерших исполняющий ритуал гадал для собравшихся. Он бросал вверх чашу, из которой только что кропил духам и душам умерших. По ее падению (дном вверх или наоборот) смотрели, каким будет год. Считалось, что если чаша упадет вверх дном, то год будет неудачным. В момент падения чаши собравшиеся бросались собирать раскиданные на земле палочки и кусочки бересты (*кастак* - прибыль, удача). Хорошей приметой служило падение чаши вниз дном, символом удачи на промысле являлись также подобранные

палочка или кусочек бересты, которые очень бережно припрятывались и хранились участниками обряда у себя дома.

Бросание чаши совершающий обряд сопровождал громкой просьбой, чтобы чаша упала опрокинувшейся: «...удача пусть будет со всеми!» Прежде в ритуале использовалась чаша из бересты, позже - вырезанная из дерева.

Значительно более сложным обряд *шачыг* был у шорцев, проживавших в верховьях р. Мрассу. В день проведения обряда один из молодых парней улуса (селения) в сопровождении своих сверстников обходил дома и собирал связки перьев глухарей соответственно числу мужчин в семьях и связки лоскутков по числу женщин. Собранные перья и лоскутки связывались в общую гирлянду (*чалаба, чалба* - лента на шаманской колотушке).

У шорцев с глухарем связано немало поверий, обрядов. Имелся семейный *тõс*, состоящий из кедровой развилки, к которой были прикреплены перья глухаря. Его регулярно «кормили», обмазывали медом, сметаной перья и развилочку. При этой процедуре ему кланялись, прося удачи на охоте, считали, что если такого почитания не делать, то на охоте произойдет несчастье.

Во время приготовления к ритуалам парень перевозил на противоположный берег реки гирлянду и развешивал ее на избранной березе (дерево должно стоять на открытом месте к востоку от жертвоприношения). Местом крепления гирлянды была верхняя часть кроны березы. Забираясь на нее, парень не должен был обломать ни одного сучка на дереве. Облом сухой ветки предвещал в предстоящем году смерть старого человека, живой - молодого.

Как только гирлянда прикреплялась к березе, на другом берегу старик, ведущий ритуал, начинал песнопения и кропления с востока напитком *абыртка* из специальной чаши культовой ложкой из бересты. Далее, как было сказано выше, ведущий обряд по ходу солнца производил *шаи* (жертвенное возлияние) со словами молитвы к почитаемым, важным объектам природы, мироздания, персонажам, как правило, персонифицированным или

одухотворенным. Начинал свое обращение ведущий с березы (образа мирового дерева), создателя вселенной *Ульгенья*, неба, Земли-Воды, гор. Наиболее четко содержательная направленность данных обрядов шорцев формулируется в тексте обращения к Земле:

Земля, мать наша,
По которой мы ходим,
Вершина года повернулась,
Голова змеи загнулась,
Текущая вода зашумела,
Могучая тайга нагнулась, Если рука поднимается,
Жертвоприношение было.

Весеннее жертвоприношение «река-гора» - свидетельство начала хозяйственно-календарного года - могли проводить шаманы и шаманки. У шорцев в верховьях р. Мрассу на *шачыг*, проводившееся шаманом, собирались все жители улуса, включая и женщин. Чаще шаман и шаманки обряд выполняли с бубном. Местом проведения обряда избиралась поляна с растущей березой, там где не ходили люди, скот. Жертва духам гор, рек - *абыртка* в берестяном туесе, лепешки ставились перед шаманом. Камланием шаман должен был узнать, каким будет наступающий год и испросить удачу у хозяев гор и рек на рыбу и зверя. Во время камлания шаман, прежде всего, отправлялся к главному горному духу (покровителю шаманов) на горе *Пустаг*. Достигнув горы, шаман передавал просьбы людей ее хозяину и, вернувшись, сообщал присутствующим его решение. Обычно хозяин горы через шамана назначал, кому и куда идти на промысел, и даже определял ту или иную гору. После камлания к *Пустагу* шаман обращался к каждой горе, реке, прося у них зверя, рыбы, погоды без града для урожая хлеба. На этом обряде жертвенный напиток *абыртка* разливался по берестяным сосудам, которые считались священными, культовыми, их особо хранили от одного жертвоприношения до другого в хозяйственном помещении у почетного

уважаемого мужчины. В этих сосудах заквашивалась *абыртка* только для духов. Так же хранилась и использовалась ложка *кай-ган* из бересты».

1.2. Обычай и обряды, связанные с горами²⁵⁷

«Почитание гор - весьма древнее и распространенное явление. ...Более сохранившимся этот обычай я нашел у северных алтайцев²⁵⁸. У ...племен Северного Алтая основным занятием до наших дней являлась охота на зверя. Религиозные воззрения северных алтайцев, их фольклор буквально насыщены отражением охотничьего образа жизни. Среди этих поверий и в фольклоре большое место занимают горные духи, «хозяева гор», либо самые горы, которые выступают в представлении северных алтайцев живыми, способными ходить на лыжах, петь песни, плясать, разговаривать, ссориться, воевать, играть в азартные игры, проигрывая друг другу ценных зверей, и т.д. Фантастический мир духов гор или горных хозяев у северных алтайцев-охотников создан по их собственному типу и образу жизни.

...Шаманы у северных алтайцев еще не везде монополизировали выполнение обрядов, связанных с почитанием родовых гор, хотя шаманы у них уже играли в этом отношении существенную роль. Здесь каждый *сёёк* имел свою родовую гору, которую он считал священной покровительницей рода. Члены данного *сёёка* приносили своей родовой горе жертвы, обращались с мольбами, испрашивая удачи в охотничьем промысле или исцеления от болезни. ...Для угощения почитаемой горы или гор делалась жертвенная брага из ячменя в особом берестяном сосуде. Шаман обращался к родовой горе со специальными словами, испрашивая для охотника удачи на промысле, и брызгал жертвенной брагой в сторону местонахождения родовой горы.

Родовые горы ...носили особые названия, кроме собственных имен. У шорцев ...например, *сёёк* «карга» почитал известную гору Каратаг, *сёёк*

²⁵⁷ Потапов Л. П. Культ гор на Алтае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovGori.pdf>. – Загл. с экрана.

²⁵⁸ Л.П. Потапов. Пережитки родового строя у северных алтайцев. — Л., 1987. — С. 11-12.

«кобый» – гору Коль-тайга, *сёок* «челей» – гору Айзу (верховья Антропа, притока Кондомы). Все северные алтайцы относились к родовой почитаемой горе с исключительным почтением, устраивая ей моления. Шорцы устраивали главное моление родовым горам весной, как только вскрывались реки. Это моление горам сопровождалось у них обязательным жертвоприношением ячменной брагой *абыртки*, брагой из корней кандыка, вином, рыбой и т. д. Моление это называлось *шачыл*, или *шашыг*, т.е. кропление²⁵⁹. Обряд моления и кропления совершал обычно старший в роде или в улусе. ...За отсутствием старика, знающего ритуал этого моления, приглашали шамана. Жертвенную брагу, вино и другие продукты доставляли все участники моления (от каждой семьи). По окончании моления устраивалась общая трапеза, где поедалось все, что приносилось в жертву горам и водам. Женщины, как чужеродки, стояли поодаль, но в угощении после окончания моления участие принимали. Содержание обращения к горам и водам сводилось к испрашиванию удачи в ловле зверя и рыбы, избавления от болезней. Вербицкий называл это моление «праздником березы», так как моление происходило около березы, украшенной обычно разноцветными тряпками или ленточками и конским волосом. Имеются отрывочные указания, что береза эта (*най-казынг*) также была родовой.

Охотники северных алтайцев по дороге на промысел, переваливая через высокие хребты, откуда обычно открывается панорама на многие горы, обязательно делали небольшой привал и производили наиболее выдающимся горам кропления *талканом* (толокном), замешанным на воде. По приходе на промысел, устроившись станом, охотники ежедневно приносили родовой горе жертву, бросая по направлению к ней кусочки вареного мяса, брызгая чаем, супом. ...Если убивали на охоте крупного копытного зверя (оленья, марала, косулю), то в жертву горам обязательно приносили осердие. Кроме того, в

²⁵⁹ Ср. В. Вербицкий. Записки миссионера кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии // «Душеполезное чтение». — М., 1859. — март 1860, декабрь; Вскрытие р. Кондомы // Томские губ. Ведомости. — 1859, — № 30; Мирозерцание и народное творчество сибирских инородческих племен // Литературный сборник). — Спб, 1885. — С. 39; С.Е. Малов. Несколько слов о шаманстве у турецких племен Кузнецкого уезда Томской губернии // Живая старина. — Вып. 2-3. — Спб., 1909. — С. 40.

жертву «горному хозяину», или почитаемой горе, проносилась частица мяса первого убитого крупного зверя. Все такие несложные обращения к горам и жертвы производились рядовыми охотниками самостоятельно, без помощи шаманов. Все это говорит за то, что культ гор у алтайцев древнее шаманства.

Однако, как следует из моих наблюдений и из рассказов стариков, моих осведомителей, в основном культовые действия, связанные с почитанием родовой горы, в последнее время (за исключением шорцев) сосредоточивались в руках шамана. Хотя рядовые охотники еще совершали сами простейшие обряды, описанные выше, но более развитые и сложные моления родовым горам производил шаман, который выступал в качестве представителя *сöдкa*. Шаманы включили родовые горы в число своих личных покровителей. На шаманском бубне появились изображения наиболее известных гор. В шаманских призываниях к духам имена родовых гор стояли на первом месте. Более того, шаманы северных алтайцев считали свою судьбу зависимой от родовой священной горы.

...Относительно шорцев миссионер-этнограф В. Вербицкий ...писал: «Шаманы в своих волшебных действиях призывают на помощь себе все знаменитые горы и, когда подходят к сердитому Карабуру, представляют страх, птясь назад, особенно во время *абыртки*, при обновлении бубна. Карабур всегда остается недоволен бубном, требуя большего размера»²⁶⁰.

По материалам, собранным ...у шорцев первый бубен делался не по личному желанию шамана, а по настойчивым требованиям духов шаманов-предков или же почитаемых гор. Шорские шаманы получали такие указания от горы Мустаг, считавшейся распорядительницей судеб шаманов. Как только шорец чувствовал, говорили мне мои осведомители шаманы и старики, что он должен стать шаманом, он начинал камлать наедине. Он обращался, прежде всего, к горе Мустаг за решением своей судьбы. Мустаг сообщала шаману, сколько ему предстоит иметь бубнов на своем веку и сколько лет он может

²⁶⁰ В. Вербицкий. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1864 г. // Православное обозрение. — Ч. I. — М., 1865. — С. 259

камлать каждым бубном. Жизнь шамана здесь также исчислялась числом бубнов, обычно от трех до девяти. Когда определенное Мустагом число бубнов иссякало, шаман умирал. Так, например, мой осведомитель шаман Сандра из сѳока «Челей» уверял меня, что он скоро умрет, ибо число бубнов, определенное ему Мустагом, кончилось и кончился срок камлания последним бубном. Сандра поэтому даже торопил меня с записями. Он, действительно, умер на другой день после моего отъезда из его улуса. Бывало, говорил мне шорцы, что гора Мустаг уменьшала шаману назначенное число бубнов. Это случалось обычно тогда, когда в среде ближайших родственников шамана приближалось появление нового шамана. Старый шаман тогда заболел и умирал. Однако случалось, что обреченный на смерть шаман спрашивал у горы Мустаг отсрочку своей кончины; тогда умирал тот родственник, у которого обнаружили признаки шаманского призвания.

Гора Мустаг сообщала также шаману о необходимости сменить бубен. В таком случае шаман устраивал специальное моление, выяснял у своих покровителей, каким должен быть новый бубен, и вскоре же устраивал церемонию изготовления нового шаманского бубна. По изготовлении нового бубна, проходившем при большом стечении народа, шаман начинал камлать, показывая новый бубен Мустагу. Моление сопровождалось брызганием жертвенной браги *абыртки* из ячменя или клубней кандыка ...из самого большого берестяного сосуда (*куснак*), емкостью до 10 ведер. Гора Мустаг давала предварительно осмотреть бубен своим четверем сыновьям – горам: Карахану, Уш-ташу, Карабуру, Козою. Сыновья Мустага, по представлению шорцев, тщательно осматривали новый бубен, и в заключение осмотра каждый из них ударял с силой (разумеется, через шамана) в бубен три раза. Затем бубен осматривала гора Мустаг и определяла, сколько лет этим бубном мог камлать шаман. Шаманы, пользующиеся покровительством Мустага, враждовали и дрались с шаманами, у которых покровителями являлись другие горы. Борьбу шаманы вели с помощью своих духов-помощников. «Рога» на бубне (шесть выпуклостей на обечайке) служили оружием для нападения на

духов враждебного шамана; такое же назначение имели и железные подвески с внутренней стороны бубна. Шорским шаманам, жившим по долине Кондомы, в таком единоборстве активно помогал сын Мустага – гора Карабур, о которой в свое время упоминал Вербицкий.

...Более того, родовой характер происхождения священных гор у северных алтайцев обнаруживается и в других отношениях. Я имею в виду серию запретов по отношению к родовой горе для женщин. ...замужние женщины не могли называть по имени родовую гору своего мужа, но называли настоящим именем родовую гору своего отца, ...не могли быть с непокрытой головой или босыми, находясь в виду у родовой горы мужа, из-за опасения, что почитаемая родовая гора может увидеть женщину без платка и вследствие этого навлечь на нее несчастье. ...Это относится не только к шорцам бассейна Мрассу и Кондомы, но и к шорцам, переселившимся в XVIII в. на территорию нынешней Хакаской автономной области.

Относительно последних Н. Катанов записал еще в 1892 г. в верховьях Аскыза следующее предание, где фигурируют шорцы *сёдка* «Карга»: «Против хребта Колим, на другой стороне Мрассу, есть еще одна гора, называемая Кара-таг (черная гора). Собственное имя Кара-таг носят две горы, у которых жили предки горных каргинцев. Часть ...народа осталась у этих гор. Их женщины называют эти горы (т. е. Кара-таг) своим тестем (правильнее, свекром), т. е. не называют по имени...

Говорят, что на этой горе Кара-таг есть каменная колыбель. Эту каменную колыбель видели прежде, а теперь не могут увидеть ее. Эта каменная колыбель была колыбелью прежних наших отцов». В том же предании говорится и про шорский *сёдок* «Кобый»: «Гора, у которой жили предки колена Кобый, называется Коль-тайга на берегу р. Таштып, близ верховьев Таштыпа. Они (т. е. люди колена Кобый) приносят всенародную жертву и шаманят (на этой горе) раз в 3 года. ...Изложенный материал по запретам в отношении родовых гор, налагавшимся обычаем на замужних женщин ярко подчеркивает родовой характер почитаемых гор. При строго

соблюдавшейся экзогамии в брачных отношениях у северных алтайцев каждая замужняя женщина являлась чужеродкой в роде ее мужа. Родовая гора ее мужа выступала по отношению к замужней женщине как родственник, притом как старший мужской родственник мужа. Здесь нужно подчеркнуть, что запреты для замужней женщины по отношению к родовой горе мужа являются теми же запретами, которые существовали у северных алтайцев для замужней женщины по отношению к мужской родне мужа, старше его по возрасту. Она не могла находится при этих родственниках мужа с непокрытой головой, необутой и т.д. ...Таким образом, почитаемая гора являлась именно родовой горой, как бы старшим членом рода, кровным родственником людей данного *сёдка*. ...родовая гора всегда находится на родовой, преимущественно охотничьей, территории. ...Отсюда следует, что почитание определенных гор у северных алтайцев как гор родовых явилось отражением общей родовой собственности на определенную (преимущественно охотничью) территорию. Почитаемая родовая гора как покровитель данного *сёдка*, как своеобразный родовой пенат явилась отражением той общности родовой территории, которая была так понятна и доступна каждому члену рода и каждым четко сознавалась. В таком освещении становится объяснимым и факт неперенной связи почитаемой родовой горы с родовой территорией. Почитание горы целым родом могло возникнуть только на том основании, что данная гора принадлежала всему роду в целом и находилась на его территории. То, что охотничья территория у северных алтайцев еще в недалеком прошлом была родовой, не подлежит сомнению.

...Память о родовой собственности на охотничью территорию у шорцев еще настолько жива, что мне без особенного труда удалось определить ее у ряда *сёдков*. У *сёдка* Кызыл-гая она находилась в верховьях Томи в местности Шор-Тайга, т.е. по рекам Шорсуг, Ой-бажи, в верховьях Тольбер (так называемая Сырыг-тайга), Пышкамчи, Палыктыг. Родовая гора у *сёдка* Кобый находилась в бассейне Томи, по речкам: Козугол, Тузаксут, Кыйсут, Казыл-Аштыг, по р. Сыйзас. Так как *сёдок* Кобый имел довольно много

родственников из *сёока* Кызыл-гая, то многие кобыйцы промышляли по речкам: Палыктыг и Шорсуг. Шорский *сёок* Кый считал своей родовой тайгой места в верхнем течении Абакана: реки Ытыл, Тардаш, Кызас. Охотничья тайга *сёока* Карга находилась по р. Терек-суг, по притоку Томи и т.д. Вторжение в чужую родовую территорию рассматривалось как нарушение права родовой собственности. По сведениям И. Д. Старынкевич, захватчиков чужой родовой территории судил у шорцев родовой суд; старший в роде был судьей. Поймав на своей территории чужеродца, шорцы не отнимали у него добычи и не били, боясь рассердить «хозяина тайги», а устраивали над ним официальный суд. Из всего изложенного следует, что родовая общинная собственность на промысловую территорию у северных алтайцев была господствующей формой собственности...

1.3. Охотничьи поверья и обряды²⁶¹

«...Поехать на промысел необходимо чистым. ...перед отправлением на промысел нельзя иметь сношения с женщиной. ...У рода Челей (Шория), после родов, в течение недели, женщине не дают мясо зверей в пищу, ибо она в это время нечистая и муж может лишиться удачи на охоте. Женщина не должна дотрагиваться до ружья и до сети для ловли соболя. Когда летом сеть эту развешивают сушиться, и она случайно упадет от ветра, ни женщина, ни девочка не имеют права ее поднять. ...Ни ружье, ни сеть, ни ловушку никогда не бросают, а вешают или кладут тихо и хранят вместе с охотничьей одеждой в амбаре, не заноса в дом.

...Звери, особенно ценные, могут слышать и понимать человеческий разговор, поэтому для промысла (установлен) условный язык, где звери, а также и некоторые предметы охоты называются условными именами: чаще всего описательными. Шорцы на промысле соболя называют *албага* (доход), ...каларцы – *кара йгуртыб* (черный бегущий), ...оленья – *алаиш* (дятел), ...белку – *агаиш курту* (лесной червяк), сохатого – *узун азак ак тизек* (длинноногий с

²⁶¹ Потапов Л. П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских тюрков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/Texts/Potapov-Ohotnichi_poverya.pdf. – Загл. с экрана.

белыми коленями)... Таким образом (охотники)... вводят зверей в заблуждение, и те не чувствуют близкой опасности.

Охотник до реальности чувствует присутствие хозяина горы или тайги в лесу около себя. Ночью этот хозяин ходит около охотничьего балагана, иногда стучит, иногда говорит, но охотнику нельзя выйти на его стук из балагана. Ночью в тайге вдруг слышатся песни, словно играет кто-то – это хозяева тайги развеселились. Или пугает около балагана; ревет кто-то, кричит по имени – три раза. Надо промолчать – иначе душу возьмет *«кудду алпарча»* и по возвращении домой придется камлать и просить душу назад. Если ходит хозяин тайги около балагана и скажет: «мне приятно угощение Ваше утреннее и вечернее, я буду вами доволен и вы мной»; значит, охота будет удачна. Если же хозяин рассержен чемнибудь, то скажет только: «ходите в тайге» *«тайгада чörкыла»*. «Тогда из этой тайги ничего не промыслишь, сколько бы не маялся» – говорят шорцы. Если охотник увидит во сне на промысле, что бьет его кто-то, или толкнет – это значит, что хозяин тайги сердится и охотник заболит. Если охотник увидит, что у него унес кто-то топор или ружье – без камлания тому охотнику не обойтись. Значит хозяин тайги забрал его душу. Если ветер и зверь разрушит балаган, то лучше уехать на некоторое время домой, все равно удачи не будет.

Охотники относятся к хозяину тайге, его желаниям требованиям весьма предусмотрительно. По рассказам охотников горный хозяин любит покой и не выносит в тайге: шума, крика, ругани, песен, а также запаха паленого мяса, сохнувших портянок и т. д. В таких случаях он сердится ...и лишает их удачи. Нетрудно видеть, что в основе этого представления лежат функции органов чувств зверей. Если заругаться или засмеяться громко, хозяин тайги или горы поднимет буран.

Помимо этого, неудаче способствуют ссоры между товарищами и хвастовство. Наряду с такими запретами, имеющими для охотников оборонительное значение от гнева и, следовательно, от неудачи, существует любопытный обычай наступательного порядка. Этот обычай – рассказывание

сказок на промысле, имеющий целью повлиять благотворно на ээзи и в результате способствовать добыче. Ээзи очень любит слушать сказки.

В шорском рассказе ...охотятся три брата: сказочник, ясновидец и «*шоорчы*» (играющий на дудке из стебля дягиля). Вечером братья собрались на общий ночлег. Шоорчы взял дудку и начал извлекать из нее звуки, напоминающие флейту, сказочник говорил сказку, аккомпанируя себе на балалайке с волосяными струнами, ясновидец слушал. Вскоре он увидел, как к *Шоорчы* подошли два горных хозяина. Один из них уселся на переносицу и спустил ноги под нос, второй сел на плечи. В таком положении они слушали его игру. Ясновидцу это показалось смешным, он рассмеялся вслух отчего, горные хозяева, рассердившись, ушли. *Шоорчы* перестал играть, думая, что ясновидец смеется над ним. При уходе один из горных хозяев сказал: «У нас есть лошадь со стертой спиной надо отдать ее этому человеку и показал на *Шоорчы*. Утром в его петле оказался сохатый. Шорцы ...рассказывают по вечерам сказки во время промысла. И для этого берут с собой даже специального сказочника – старика. Первоначальное же значение сказки на промысле, вероятно, заклинание.

Каждого зверя, даже самого маленького, охотник может поймать лишь с разрешения хозяина тайги. Это в большей степени относится: к крупному или дорогому зверю. ...Охота на соболя ...сопряжена с рядом запретов и ограничений. Отправляясь за соболем, шорцы не берут с собой сухарей – дорога зверя сухая будет, т. е. снег будет сухим – след соболя на нем не будет заметен.

...Придя к заранее устроенному шалашу охотники сходят с лыж, оставляя лыжи лежать жать на снегу в направлении, по которому только что пришли, лопату или палку втыкают рядом. Если в шалаше уже кто-нибудь поселился вновь пришедшие охотники спрашивают, на какой стороне шалаша можно расположиться. Устроившись на указанном месте, сразу же приступают к приготовлению пищи. Готовит один человек, остальные к этому не прикасаются. У каждой компании обязательно должен бы свой таган и

(*аскыш*) – деревянная палка, на которой вешают котел для варки пищи. Задеть своим таганом об чужой нельзя, удачи не будет. Если нужно заготовить дров, идут двое. Работают осторожно, стараясь меньше производить шума. Дерево сваливают обязательно на западную сторону.

...Чувство расположения горных хозяев по отношению к охотнику усматривается последними в целом ряде различных примет, а также и в сновидениях, в верности которых они совершенно не сомневаются. В качестве иллюстрации к этому довольно будет указать на несколько примеров... Известный престарелый охотник Пастагаш, живущий в вершине реки Куюма, с чувством глубокой уверенности говорил: «Увидеть во сне на охоте, человека, дарящего корову и лошадь, значит непременно убить козла или марала. В том случае, если этот человек подарит шубу, можно быть спокойным в охоте на медведя». Причем выразил убеждение, что в образе человека, во сне является горный хозяин. В качестве дурной приметы он указал на потерю, какой-либо вещи от огня, особенно рукавицы, после чего Пастагаш считает необходимым немедленно уехать домой с тем, чтобы вскоре возвратиться обратно.

...Если вещь, находившаяся в соприкосновении с охотником, потерпела неудачу, то это же ожидает охотника. Некоторые охотники в подобных случаях делают *потко* – мешанину из толокна и кропят ею с целью умилоствления духа такой жертвой. Но, если и после этого сталкиваются с какой-либо неудачей, уезжают домой...

Теперь будет уместно перейти к сущности охотничьего ритуала. Он представляет собой, как бы канонизированную часть промысла. Его обязательно придерживаются как каждый отдельный охотник, так и каждая артель. Здесь религиозные воззрения ...приняли определенные, своеобразные и последовательные формы ритуала. Точное и неуклонное совершение целого ряда действий религиозного порядка с чтением соответствующих импровизированных молитв, обеспечивают большую долю уверенности в успехе на охоте.

...Еще находясь дома, накануне выезда на охоту, ...производятся некоторые религиозные обряды. Сущность их заключается в жертвоприношении мяса, вина, толкна и чтении соответствующих молитв просительного ...характера.

По дороге на промысел охотник проделывает целый ряд определенных действий религиозного содержания. Прежде всего совершается брызгание вином... горам, тайге, скалам. При этом нельзя совершать брызгание различным горам из одной и той же посуды.

Шорцы останавливаются около высоких, чем-либо выдающихся гор и брызгают абырткой, говоря:

<i>Пурунгу абабис чурген</i>	– В старину отцы наши ходили
<i>ем нис чаш урген калдыбис</i>	– теперь мы молодое поколение остались
<i>айландыбис нис чаш олганар</i>	– кружились мы молодые парни
<i>айланганда арынман одур</i>	– когда ты кружишься не уставай
<i>айландыр терлеп чурген</i>	– кружа вспотевшему
<i>кижиге пир</i>	– человеку из твоей дичи хотя бы
<i>ирине көргузен</i>	– одну ты покажешь
<i>алгыш перебис</i>	– благодарение воздадим

С моментом выезда на охоту... связывают некоторые приметы. Шорцы, выйдя из дому, не ворочаются назад. Не отвечают на вопрос: «Куда идут?». Встречая кого-нибудь, стараются лучше повернуться во время разговора спиной к встречному. Никому не разрешается проходить поперек дороги охотникам, идущим на охоту. «Если из дома выйдешь и пошутить, то доброго не ожидай» – говорят охотники. Идут тихо, стараясь сохранять серьезность и благопристойность. Шорцы... считают необходимым вернуться, если дорогу пересекла женщина.

...Приехав в намеченный район охоты, промышленник раскидывает стан обыкновенно под густым непромокаемым деревом, называемом *бай барак* (богатое, ветвистое), которое чествуют кроплением *талкана*. ...Придя на место охоты, огребают снег, ставят из пихтача шалаш, где-нибудь около

пихты или лучше кедра и тут же обращаются к этому дереву, брызгая ему абырткой:

Пай торум салбодур – богатый шишками расти

пакар паиштым пай кузук – с мохнатой вершиной богатый кедр

Старик из артели замешивает снова абыртки и угощает хозяина горы Таг-ээзи, брызгая ему:

Амыр йурерге неме табарга – с миром ходить, что-нибудь заработать

Каларцы обращаются к дереву и чествуют его толканом, восклицая:

Шок, бай барак – Шок, богатое, ветвистое расти

После обращения к дереву и хозяину тайги или горы разводят в шалаше огонь и жертвуют хозяину огня От ээзи.

...По приезде в тайгу охота начинается с наступления следующего утра.

...Шорцы обращаются с жертвой к огню.

...С этого момента охотник как бы заканчивает обязательный церемониал, продолжая его, лишь по возвращению с промысла дом, а дальнейшее проявление религиозных действий вызывается с его стороны лишь соответствующими настроениями. Например, чувством благодарности за убитого ценного зверя или ощущением страха перед дурной приметой, вызывающей соответствующую жертву.

Если попадетя в первый день охоты соболь – охота будет удачна.

Следует сказать особо относительно почитания огня на охоте. Огонь, с его длинными языками служит посредником между человеком и божествами. Огонь передает жертву различным духам. Каларцы говорят: «То, что даешь огню, он все передаст горному хозяину». Они считают, что жертву огню давать лучше вечером, в знак благодарности, когда уже есть какая нибудь добыча. ...Какое бы блюдо, не готовилось, часть его, в первую очередь, дается огню. Тем не менее, шорцы избегают давать огню коровье, овечье и свиное сало. Некоторые охотники даже лошадиное сало считают неприемлемым для этой цели. В то время как сало зверей является, по их мнению, самым подходящим. К огню относятся с большим уважением. Нельзя перешагивать

через огонь, нельзя ничего передавать через огонь. В числе эпитетов для огня наиболее употребительны следующие: «*Отус башту от ене*» – тридцатиголовая огонь мать, «*Алтын тонду от ене*» – в золотой шубе огонь мать... Если находясь дома ...соединяют свое представление об огне с очагом и к последнему относятся весьма осторожно, связывая с ним домашнее благополучие, то будучи на промысле они соединяют это представление об огне с таганом-палкой, которая втыкается у огня. У каждого охотника должен быть свой таган (*аскыш*). ...Весьма распространено поверье – если оставлять таган воткнутым у огня, когда на нем уже не варится пища, то, через это можно получить половое бессилие. ...Каларцы к этому добавляют «жена с другим мужиком ходить будет». Это воззрение, вероятно, принадлежит к разряду гомеопатической магии, имеющей в основе ложное применение ассоциации идей по сходству. Таган, составляющий личную принадлежность охотника, ложно ассоциируется, по приблизительному сходству, с детородным членом его. А раз подобное происходит от подобного, то и понятие о порче тагана от огня при лишнем, ненужном употреблении его (когда на нем ничего не висит) переносится на ассоциированный с ним детородный член охотника. Если это предположение справедливо, то нет ничего удивительного, что охотнику изменяет жена, т. к, половое бессилие мужа служит ...надежным оправданием для измены жены. Здесь следует еще помнить, что согласно принципов симпатической магии, половая сила охотника служит прочным залогом для «плодородия» охоты. Получив половое бессилие, охотник не в состоянии симпатическим путем воздействовать на природу и на коренящийся в ее условиях зверовой промысел... половая сила охотника необходима ему, чтобы иметь сношения с хозяином тайги в образе женщины, что очень способствует удаче на промысле.

По окончании охоты шорцы охотники благодарят хозяина тайги и огонь. Совершается обычное брызгание хозяину тайги со словами:

Абабис ошкаш ак таскыл пуринанг – если отцы наши белые вершины

<p><i>бере чурген, абабис ебире</i></p> <p><i>ургунуп наньп отурган</i></p> <p><i>нис кейдиби едök үргүндүрдүн</i></p> <p><i>Кудай сага алгиш перзин!</i></p>	<p>(снеговые) прежде переходили</p> <p>– если отцы наши окружась</p> <p>– и радуясь домой возвращались</p> <p>– мы пришли, также ты порадовал нас</p> <p>– Бог тебе благословение да даст!</p>
---	--

Домашний огонь (хозяин его) – От-ичези ярким вспыхиванием и треском извещает домашних о скором возвращении охотников. Войдя в юрту, охотник жертвует огню.

В то время как мужчины охотятся, даже дома женщины и все оставшиеся должны соблюдать известные правила: нельзя ни веселиться, ни играть, ни ругаться, ни громко смеяться, иначе белка не придет к охотнику. Эти правила опять таки вытекают из принципов магии. Симпатическое влияние действует и на значительном расстоянии.

Самый момент прихода с промысла у шорцев имеет некоторые особенности. Например, промышленник сразу не заносит добычу в дом и сам туда не заходит пока «пот не высохнет». В это время нельзя разговаривать с женщиной. Жене нельзя встречать своего мужа. Может быть, это своеобразное очищение охотников после убийства зверей.

1.4. Получение шаманского дара у шорцев²⁶²

«Материалом для моей работы послужили, с одной стороны, литературные данные, большей частью отрывочные и неполные, с другой – личные записи, сделанные во время полевой работы среди алтайцев, телеутов и шорцев.

Призыв шамана к служению ...шорцы передают термином: «дух наступил», «давит» – *тöс назып-чат...* У шорцев к заболевшему человеку приглашается шаман, который после совершенного над больным камлания, объявляет ему и родственникам причину его болезни. Спорить и противиться духам, «наступающим» на больного, бывает опасно, как для заболевшего, так

²⁶² Дыренкова Н. П. Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkPoluchenie.pdf>. – Загл. с экрана.

и для врача-шамана. Особенно опасно сопротивление для последнего в том случае, если духи, которых он должен отогнать от больного, принадлежат к его собственному роду. Рассерженные духи могут задавить и заболевшего, и шамана.

Шаманская болезнь продолжается долго, иногда несколько лет, так как обычно заболевший упорно противится принятию служения. Но слыша все время во сне и во время припадков приказание камлать, угрозу задушить и обещание, при условии согласия, выздоровления, больной измученный, напуганный, соглашается в конце концов камлать, – и выздоравливает. Анамнез шаманов у шорцев, приводимый врачом Аравийским, содержит также указания на тяжелое страдание в детстве. Шаманка Куюга рассказывала, что с шести лет ее стал грызть *айна* (злой дух). *Айна* приходил внезапно. Часто во время игры с другими детьми, она падала, была как мертвая, пробуждение наступало через ночь или несколько раньше. Она чрезвычайно тяжело переносила эти припадки. С целью избавиться от *айна* она сама приступила к камланию, после чего ни разу больше припадков не наблюдалось.

У шорцев шаманские видения передаются шаманами весьма ярко и поражают своим однообразием. Так, кам Феофан из Усть-Мрассу болел год. Лежал без памяти. Болело все тело. Днями он бывал без языка и не мог шевелить руками. Во сне видел всё одного и того же человека, который, однако, не называл ему своего имени и не показывал своего лица. Этот человек (*төс*) водил его с собой по тайгам и затаскивал в воду, и каму казалось, будто он захлебывается в воде, что-то давило его и становилось нестерпимо душно. Дух уговаривал его согласиться камлать, рассказывал ему о мире над землей и о мире под землей, обещал свою помощь. Иногда же приказывал камлать и пугал смертью. Долго он не соглашался камлать, долго мучился. Стал камлать и стало легче.

Другой кам из рода Кобый, улуса Сиры, болел 3 года. Во сне видел, как духи в виде мужчин и женщин разрезали ему живот, вынимали тонкие кишки

и снова вкладывали. И все время ему говорили: *камна, паза чатна* «камлай, не лежи больше». Когда лежа начинал камлать, сразу становилось легче, духи оставляли его в покое и не мучили. Когда же отказывался камлать, то стегали прутьями и плетью. И после этого он заболел еще сильнее.

У кама Алексея из рода Кобый (улуса Сарыг сүт) во время болезни ныло все тело, ломило руки, ноги, случались припадки, «словно не свой был». Во сне видел табуны лошадей, с которыми он ездил по тайгам. Главная лошадь белая была его главный *төс*. Кама Митрия из рода Кобый (устье Тайыс) *төс'ы* носили по воздуху, топили в воде, уговаривали и пугали, что загрызут его. Он «устал очень» и согласился камлать.

Во время истязания (духами) ...у шорских шаманов духи разрезают тело шамана по суставам и смотрят, все ли его кости годны для служения. ...Шорские шаманы, переставшие камлать, время от времени болеют. Духи давят их, ударяют. Старейший шорский шаман, когда начинает терять силы, может отвести своих духов обратно на горы, реки, т. е. распустить их. Там эти духи будут продолжать жить до его смерти, после чего соединятся с другими его духами. Но от всех духов он отказаться не может.

Одержимость, вселение духа выражаются в сумасшествии избранного, сопровождаемом обычно яркими сновидениями и галлюцинациями. В этот период происходит подготовка избранного к служению, его полное перерождение, физическое и духовное очищение его для принятия духа. Вот почему духи так тщательно и жестоко готовят своего избранника. Момент вскрывания и переваривания тела шамана, пересмотр мускулов и костей, отмеченный у турецких племен, имеет параллели не только в сибирском шаманстве, ...но он известен у самых различных народов, далеко за пределами Сибири. ...Параллельно физическому перерождению шамана мыслится и его психическое перерождение, известное в сибирском шаманстве, как воспитание души шамана у духов, чаще всего на специально предназначенном для каждого шамана дереве. ...Таким образом, подготовительный период шамана, момент получения шаманского дара

...рассматривается как переходный момент в жизни шамана. Человек, до этого момента совершенно обычный, становится отличным от всех окружающих, получает особые силы. Эта полная перемена ...может произойти лишь в том случае, если совершенно изменятся физическая сущность человека и его психическая природа. Отсюда возникает представление об истязании шамана духами, его физическом обновлении и воспитании его души – психическом перерождении, широко распространенное у многих народов на всем земном шаре.

1. 5. Изготовление шаманского бубна у шорцев²⁶³

«Изготовление шаманского бубна у шорцев представляло комплекс обрядов и церемоний, протекавших непременно в общественной обстановке и при значительном количестве участников. Информировавшие меня в 1927 г. шаманы из *сёдка* Челей – Сандра и Поликарп сообщили, что в процессе изготовления принимали участие не только члены того *сёдка*, к которому принадлежал новоявленный шаман или шаман сменяющий старый бубен на новый, но все мужчины того селения где жил шаман, а также мужчины соседних селений. Женщины участия в этом процессе не принимали, но на празднике присутствовали. Родственники же шамана, особенно близкие, непременно участвовали в обряде. По уверению моих осведомителей, бубен делался не по личному желанию шамана, а по требованию духов-предков или же почитаемых гор. Все шорские шаманы получали такое указание от горы Мустаг – распорядительницы судьбой шорских шаманов.

Все шаманы получали свой дар наследственным путем – именно путем их избрания шаманами-предками. Однако решение судьбы каждого шамана находилось во власти Мустага. В одном поколении не могло быть двух живых шаманов; если это случалось – один из шаманов умирал. Как только у того или другого шорца появлялись признаки шаманского избрания он делал себе

²⁶³ Потапов Л. П. Изготовление шаманского бубна у шорцев // Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovOzhivlenie.pdf>. – Загл. с экрана.

бубен по указанию предка-шамана. Прежде всего, он обращался к Мустагу, который сообщал шаману сколько бубнов ему предстояло иметь в течение жизни и определял срок камлания каждым бубном. Когда кончался срок камлания старым бубном, шаман делал себе новый. Старый бубен он уносил в лес и вешал его на дерево (фото 53), предварительно сняв все железные части, ибо они не подлежали перемене и употреблялись при изготовлении нового бубна. Новый бубен был точной копией старого. Когда определенное Мустагом количество бубнов иссякало, шаман умирал...

Сначала новоявленный шаман делал только колотушку для бубна (*орбок*), с которой он камлал в течение года, совершая только мелкие моления, пока не получал указания от горы Мустага сделать бубен. Материалом для колотушки служило дерево таволожника, по-шорски *табылгы*. Колотушка имела вид большой удлиненной ложки. Деревянная основа ее была обмотана куделью и обтягивалась шкуркой белого зайца-самца. Считалось необходимым, чтобы заяц был пойман без участия собаки. Шкурка его сшивалась на колотушке суровой ниткой. Колотушка «*орбок*» аллегорически называлась «*алтын камчы*», т. е. золотая плеть. С ней одной нельзя было камлать высшему божееству Ульгеню.

Получив извещение от Мустага о необходимости сделать первый бубен или сменить старый бубен на новый, шаман устраивал моление, во время которого «*әнчәзи*» (хозяин бубна, переходящий по наследству) давал шаману указания об изготовлении нового бубна. Он сообщал шаману различные подробности, советы и указания о материале, характере и форме отдельных частей бубна, например, где растет то дерево, из которого надо сделать обод, какие приметы имеет это дерево и т.д. Шаман передавал наставления присутствующим, после чего группа мужчин и молодых парней вместе с шаманом отправлялась в лес разыскивать дерево для изготовления обода.

Однако не везде у шорцев шаман шел с этой целью сам. У шорцев рода Челей шаман оставался дома, а компания из мужчин и юношей отправлялась на розыски дерева одна, руководствуясь признаками, сообщенными им

шаманом. Разыскав подходящее дерево тальника, мужчины рубили его с таким расчетом, чтобы при падении оно свалилось вершиной на восток. Кто-либо из рубящих говорил в это время слова благопожелания, обращенные к будущему бубну. Срубленное дерево тотчас же подвергалось обработке. Из него вырубали кусок дерева необходимого размера, распаривали его над огнем, сгибали в круг. Этим делом была занята часть группы. Вторая часть неподалеку рубила березу для рукояти бубна (*марс*), которую здесь лишь слегка обделывали, заканчивая отделку в улусе, где производилась и орнаментировка рукояти. Третья часть группы искала березовую губку – нарост для рогов бубна (*örгөш*). Найдя подходящую губку, сбивали ее с дерева и ловили в подол рубахи, чтобы при падении она не коснулась земли. Некоторые из мужчин и парней в это время резали прутья черемухи и гнули прутья для скрепления обода. Словом, все были заняты. Работа протекала оживленно, с шутками. Работающие старались специально производить какие-нибудь особые действия, например, боролись, толкали друг друга, произносили непристойные слова, ибо знали, что шаман во время первого камлания с новым бубном должен был во всех подробностях восстановить обстановку, при которой происходила работа по заготовке и частичному изготовлению деревянной основы бубна. Так заканчивался первый день церемонии изготовления бубна.

На второй день в коже бубна проделывали отверстия для пришивания кожи, натягиваемой на бубен. Одновременно делали из бересты высокий сосуд (*куснак*) цилиндрической формы для жертвенной браги. В этот же день изготовляли кожу дикого оленя или марала (в старину употребляли для этого и кожу лося); ее били палкой для размягчения и повторяли те же хорошие пожелания, что и при рубке тальника для обода или обечайки. Таким образом, на второй день заканчивали все приготовления для окончательного изготовления бубна.

На третий день бубен обтягивался кожей, и вечером шаман совершал с ним моление «*әнчәзи*» или «*әнчи түүр әзи*», т. е. наследованному хозяину

бубна. Шаман теперь словами и действиями производил полную картину, при которой совершалось заготовление деревянных частей бубна в лесу. Он повторял отдельные фразы лиц, принимавших участие в заготовлении материала, повторял их отдельные движения. Все это, полагали шорцы, шаман делал с помощью «хозяина бубна». Бубен пока не имел подвесок, ленточек и рисунков.

Жертвенная брага (*абырткы*) уже была готова и стояла обычно в углу жилища в двух больших берестяных сосудах. Рядом в берестяной коробке лежали девять пресных лепешек, сваренных в котле и предназначенных хозяину бубна.

Наступал центральный момент церемонии. Шаман приступал к оживлению бубна. Он брызгал жертвенной брагой на обод бубна. Обод оживал и рассказывал присутствующим о том, как он жил в лесу, будучи деревом, страдал от мороза и т.д. Рассказ обода заканчивался тем, что он обещал хорошо служить шаману. Затем шаман брызгал жертвенной брагой на кожу, обтягивающей бубен. Тогда оживал марал или олень, смотря по тому, чьей кожей был обтянут бубен, и устами шамана также рассказывал о себе. Олень или марал рассказывал о своем рождении, родителях, детских годах, зрелом возрасте, о том, как питался, по каким местам ходил и т. д. Оживленный олень или марал доводил свой рассказ до того момента, когда он погиб от руки охотника, и тоже заканчивал свое повествование хорошо служить шаману. После этого шаман передавал свой бубен присутствующим. Теперь всю ночь до рассвета находящиеся здесь мужчины, юноши, подростки поочередно шаманили с бубном, не давая ему «отдыхать». Били в бубен обязательно все присутствующие за исключением женщин. При этом импровизировали обращение к бубну или повторяли известные отрывки из шаманских обращений, например:

<i>Пазай чок кара түүр</i>	– Неразрисованный черный бубен
<i>Абра тарткан айил каш</i>	– Кругом обтянутый обод
<i>Алтыг көстү ала марс</i>	– С шестью глазами пестрый марс

- Алтыг ӧргӧштиг ак чагал* – С шестью рогами чистый бубен
Ташка пасын тайкална – Если наступишь на камень, не споткнись
Сура кирзӑн чӱстӱкнӑ – Если на лед наступишь, не поскользнись
Муска пасын мустукна – Если зайдешь в воду, не упади и т. д.

На рассвете на бубен наносили рисунки. Шаман совершал камлание над лепешками, обращаясь к «хозяину» бубна, который и указывал, какие рисунки следовало изобразить. Затем к бубну подвешивали металлические подвески и укладывали его сушить на печь или к глинобитному очагу. Теперь никто не мог шаманить с этим бубном. Вечером все, кто делал бубен, подвешивали к нему ленты (*чалаба*) из различной материи с внутренней стороны. Затем снова начиналось камлание. Шаман отправлялся показывать бубен Мустагу. Моление сопровождалось кроплением жертвенной браги из самого большого сосуда, емкостью около десяти ведер. Считалось, что Мустаг давал осматривать бубен своим сыновьям (горы Караган, Ыш-таш, Карабур, Кӧзай), которые с силой ударяли в него по три раза. Далее шаман показывал бубен Мустагу и получал от него определение о количестве бубнов и сроке камлания каждым. Наконец шаман показывал бубен Тазыгану, изображенному на бубне в виде рисунка «*пура*», т. е. рисунка рогатого животного, вероятно, лося, марала или оленя, на этом камлание заканчивалось. Новый бубен вешали на стену, укрывали его чистым халатом из домотканого холста и принимались выкуривать и пить вино. Шаман лично угощал, прежде всего, тех кто принимал непосредственное участие в техническом изготовлении бубна. Принимающий от шамана чашку с вином произносил слова благопожелания шаману, например: *Тӑрлинин тӑрдибӑ* – потея (т. е. шаманя), не качайся, *чӑр салганын сабылба* – в прохладное место не клонись. Шаман благодарил за хорошие слова. Гулянка протекала весьма оживленно; в ней принимали участие женщины.

Спустя три дня шаман вечером устраивал моление Эрлику, с целью показать ему новый бубен, с жертвоприношением браги (*абырткы*). Эрлик осматривал бубен и также определял, сколько бубнов предстояло иметь

шаману и сколько лет шаманить с каждым из них, причем, как говорили мне шорцы, разногласий у Эрлика и Мустага в этом отношении никогда не было.

Обряд изготовления бубна совершался осенью, когда созревал ячмень, необходимый для жертвенной браги. При обновлении бубна шаман уносил в лес старый бубен и вешал его на дерево, взяв из него железные части. Старый бубен он уносил в лес тогда, когда новый бубен был готов, но на нем еще не было рисунков. При смене бубна новой колотушки не делали, а только обтягивали ее новой шкуркой зайца, если старая уже изнасилась».

1.6. Обряд оживления бубна у шорцев²⁶⁴

«Как только бубен был полностью готов, приступали к обряду его «оживления»... Молодой кам и его кам-наставник (*настан абазы* – букв, «отец, ведущий за повод») начинали камлание с целью оживления бубна и показа его после этого хозяину священной горы. В начале камлания шаманы, идя «обратным следом»..., восстанавливали индивидуальную историю тальника и березы, из которых были сделаны обечайка и рукоятка, от начала их роста и до момента заготовки для бубна. Затем то же самое делали в отношении животного, шкура которого пошла на обтяжку бубна. Когда, пятясь назад, они доходили до момента рождения этого животного, то ловили его *чула* и вбивали в рукоятку нового бубна. С данного момента бубен считался оживленным. Молодой шаман имитировал обучение его для верховой езды. Укротив свое ездовое животное, камы отправлялись на нем к хозяину священной горы и там, показывая бубен, который молодой шаман держал за повод, получали разрешение камлать с ним до изготовления следующего бубна.

После «оживления» бубна при каждом камлании шаман вызывал *чула* бубна. В своих призываниях во время камлания шаман непременно обращался к нему, прося не уставать в пути («Спина и шея твои пусть не ослабнут»), не спотыкаться, если наступит на камень, не упасть во время брода через речку,

²⁶⁴ Потапов Л. П. Алтайский шаманизм [Текст] / Л. П. Потапов. – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1991. – С. 72–73.

не поскользнуться на льду (на ледниках), не оборачиваться при ходьбе по обрыву и т. д. Иногда шаман в течение долгого камлания давал возможность *чула бубна* отдохнуть, погостить в траве, попить чистой воды и т. п.

После совершения обряда шаман некоторое время камлал один, чтобы отпустить и спрятать *чула бубна* от других шаманов и всяких враждебных сил. Если бубен был обтянут шкурой марала или косули, шаман прятал *чула* в глухой тайге, а если - шкурой коня, то прятал в дупле дерева или превращал его временно в ястреба, сокола (сапсана), кречета. Прятать *чула* приходилось потому, что в представлении шаманов их собственная жизнь прямым образом была связана с *чула бубна*, а если этот *чула* погибал, то с бубном уже нельзя было камлать, и тогда умирал сам шаман».

1.7. Обряд испрашивания плодородия²⁶⁵

В данной работе отмечается тот факт, что обряд зафиксирован у шорцев. Подтверждением этого является и фотография участника обряда Кочо-кан из фотоархива Н. П. Дыренковой (фото 54), и сведения о Коча/Кочо кане в архивных материалах по шорцам, и прорисовка этого духа на шаманских бубнах шорцев (табл. 6: 7).

«Об эротическом обряде алтайцев Коча-кан при *тайылга* – жертвоприношению Ульгеню лошади впервые упоминает миссионер В. В. Вербицкий. ...В этнографической литературе впервые о нем упоминает Л. П. Потапов. Он указывает, что «по окончании уборки урожая [ячменя и кедрового ореха] в улусах устраивалось празднество. Из свежемолоченного зерна выкуривали самогонку и распивали ее в течение двух-трех дней. Более состоятельные (у степных и северной части горных шорцев, а также у кумандинцев) устраивали жертвоприношение, сопровождаемое особым эротическим обрядом (у шорцев *пактыган*, у кумандинцев *кочаган*)». [По сведениям отдельных информаторов автора Пактыг-кан и Коча-кан – одно лицо].

²⁶⁵ Сатлаев Ф. А. [Коча-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев](http://web1.kunstkamera.ru/siberia/ELibrary.html) [Электронный ресурс]: Электронная библиотека Кунсткамеры. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/ELibrary.html>. – Загл. с экрана.

К проведению праздника, посвященного божеству Коча-кану, приступали глубокой осенью, когда мужчины возвращались с промысла кедрового ореха. Как правило, это происходило в октябре. Брагу готовили из ячменя нового урожая. Группа мужчин, состоящая из родственников. Выбирала пустынное место где-нибудь за деревней возле речки и привозила туда всю необходимую утварь. Одни жарили ячмень в большом плоском котле, другие толкли в ступе поджаренное зерно, третьи толкли его на зернотерке на *талкан*. В приготовлении могли участвовать и женщины, но только одного с мужчинами рода. Готовый *талкан* ссыпали в мешки и переносили на место празднества. Обычно для этой цели выбирали место либо в поле под березой, ...либо в лесу на пригорке, ...либо возле речки, также под березой.

Здесь шаман совершал над талканом *алас* – очищение... Шаман брал длинную палку, на противоположном конце которой находился кусок бересты, поджигал ее и с чтением молитвы ходил вокруг талкана, обмахивая его горячей берестой. Огонь использовался здесь в качестве очистительного момента.

...Кудай абыр чуртыбыс, – Благодаря богу спокойна жизнь (хозяйство),
Кудайым көдүртим – Подымаю своего бога²⁶⁶

Затем, продолжая размахивать берестой, окуривает приготовленный талкан, продолжая читать заклинание:

Алас была аш иттим – С аласом пищу готовил,
Кудайга абыр сурап иттим – У бога выпрашивая благополучие, готовил

Талкан размешивали в воде и получали кашицеобразное сусло, в которое для брожения добавляли ...солод. Сусло ставили в заранее сшитые из бересты *чанчаки* трех размеров: высота большого – около 1.5 м, среднего – 1.2, маленького – около метра. Все эти *чанчаки* вмещали около 15 ведер сусла. Самый большой был предназначен Чер Сагалыг Караш Бию (посреднику

²⁶⁶ Приводится сокращенный текст

между Ульгеном и Эрликом), средний – хозяину двери Эжик пайназы, самый маленький – Коча кану.

Наполненные чапчаки закрывали берестяными коробками с сухим талканом... Затем *чапчаки* и оставлялись на двое суток для брожения. Заготовив все необходимое для празднества, его участники возвращались в деревню.

...На приготовление *позо* уходило много зерна... поэтому участвовали все родственники. Каждый из них вносил свой пай – готовил одну чашу или ковш сусла и вливал его в общий *чапчак*; такая чаша называлась *адактыг айак* – почетной чашей. ...Кропление *позо* производилось родовому божеству и духу-покровителю семьи. Целью кропления божеству было выпрашивание благополучной жизни...

В том месте, где стояли *чапчаки* с *позо*, строили небольшой балаган (*одаг*), внутри которого сидел шаман. Пищу готовили в этом же балагане. Принадлежности Коча-кана – маска, фаллос, посох и шапка заготавливали заранее. Маску делали следующим образом. Из куска бересты вырезали овал длиной 34 см и шириной 28 см. На нем отмечали отверстия для глаз, носа и рта и затем все это вырезали ножом. Когда отверстия для глаз было готово, приступали к изготовлению ресниц.

Глазницы маски обкалывали вокруг шилом и в проколы вставляли пучки меха летней белки. Точно также прикрепляли усы и бороду. К верхнему краю отверстия для носа прикреплялась полоска бересты, напоминающая по форме усеченный конус.

Посох Кочо-кана был сделан из березовой палки, местами очищенной от коры. ...На верхнем конце посоха привязывались три-четыре ленточки красного, черного и белого цвета.

Фаллос изготовлялся также из ствола молодой березки. Окрашивался он соком калины. Согласно сообщению А. В. Анохина раньше его окрашивали кровью жертвенного животного. Из комля этого дерева делали тестикулы.

Кроме указанных вещей, Коча-кану шилась из бересты шапка конусообразной формы (*пөрүк*). Шили ее волокнами молодой черемух. На ней имелись две-три кисти из бересты. Закреплялась она на голове исполнителя роли Коча-кана с помощью петли из черемуховых волокон за подбородок²⁶⁷.

Накануне праздника производили домашним духам кропление брагой, разбрызгивая ее берестяной ложкой. Сначала кропили духу жилища..., к нему шаман обращался со словами:

Төрт толыктын мөкөлери – Четырех углов силачи,
Сары шакпын тайактыглар – Имеющие посох из желтой акации

После этих слов он производил кропление брагой в передний правый угол. Затем обращался к духам двери:

Кылганалтыг тар эжиктин – Силачи, охраняющие тесную дверь
мөкөлери! на петле!

Производил то же самое действие по отношению к двери. И, наконец, шаман обращался к хозяину огня, который представлялся в образе женщины:

Одыс паштыг от эне – Тридцатиголовая мать-огонь
Кызыл тилин кылбырап, – Красным своим языком разговаривая,
Чажыл тилин чалбырап – Зеленым своим языком колыхаясь
Шок, шок! – Шок, шок!

Затем все родственники уходят на место праздника. Наутро шаман начинает камлать. Он вызывает дух божества Коча, проживающего на первой небесной сфере, и как бы передает его одному из присутствующих (который отныне должен изображать его). Таким человеком может быть молодой мужчина, знающий слова песни Коча-кана и предки которого были когда-то шаманами. Последнее играло важную роль... Одежда Кочо состоит из повседневного белого холщевого халата и распространенной ...обуви²⁶⁸.

Избранник надевает маску, шапку, берет в левую руку фаллос, а в правую посох и отправляется вприпрыжку по деревне. За процессией бежит

²⁶⁷ Предметы, похожие на описанные атрибуты Коча-кана, хранятся в шорских коллекциях музеев России: Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура [Текст] / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 5. – С. 73–76.

²⁶⁸ См. фото 54.

толпа детей. Перед окном каждого дома Коча-кан останавливается, припрыгивает и поет свою песню. Тем временем один из сопровождающих его заходит в дом, чтобы получить приношение. Часто хозяин дома сам выносит им хлеб или табак, как бы умиловливает Коча-кана. После этого Коча-кан отправляется к следующему дому и там снова повторяет свою песню. ...тексты Коча-кана шорского *сёдка* Калар, проживающего среди кумандинцев:

<i>Олдерец, коштерец!</i>	– Олдерец, коштерец!
<i>Коча, коча келди!</i>	– Коча, Коча пришел!
<i>Корыгабердер, коштерец!</i>	– Не пугайтесь, коштерец!
<i>Кара йоштан тўжерде,</i>	– Когда спускался с Кара йош,
<i>Карчылы полуп шойилдим</i>	– В ястреба, обернувшись, расстился.
<i>Ак айастан тўжерде,</i>	– Когда с чистого (ясного) неба спускался,
<i>Карчыла полуп шойилдим</i>	– В ястреба, обернувшись, расстился.
<i>ў-ўў, Коча!</i>	– у-уу, Коча!

Далее Коча говорит:

<i>Чарба, чарба кайынна</i>	– Из березы с наростами
<i>Чарап эткен седейым.</i>	– Подходяще отделанный мой penis.
<i>Карбо ла карбо кайынна</i>	– Из бруска березы
<i>Кошкоч эткен седейым.</i>	– Высушив (отколов), сделанный мой penis.
<i>Э-ээ! Олдерец, коштерец!</i>	– Э-ээ! Олдерец, коштерец!

В дальнейшем текст почти полностью совпадает с ранее приведенным, поэтому едва ли стоит его повторять.

...Обойдя таким образом все дома, Коча отправлялся в соседнюю деревню. Встречных мужчин он останавливал т, вставив им между ног деревянный фаллос, имитировал половой акт. Этим символизировалась, по видимому, передача мужской силы самого духа Коча-кана. При этом мужчина ни в коем случае не должен был убегать, ибо Коча все равно догонит его. Мне рассказывали случай, когда от Коча не мог ускакать на лошади всадник, так как исполняющий роль Коча в состоянии возбужденности может бегать так

быстро, что догоняет верхового. Женщины и девушки во время этой игры стараются избежать случайных встреч с Коча-каном. А если встреча все же произойдет, то Коча-кан вставит ей под мышку свой деревянный фаллос и отпустит.

К вечеру Коча-кан возвращается из хождений по соседним селам. Собранные им и его спутниками приношения (хлеб, мясо, яйца и табак) шли на праздничное пиршество. Собравшиеся родственники пили чай с хлебом Кочо-кана, курили табак и распивали *позо*.

После ритуального пиршества молодежь разделялась на две партии, в каждой из них могло быть 10 или 15 человек... Между ними находился шаман, который продолжал камлать. Обе группы устраивали своеобразное хоровое пение, называемое *тамыр*, которое похоже на игру и является своеобразным продолжением выступлений Коча-кана. Каждая группа старается перепеть другую. Поэтому песни должны быть не только складными, но и остроумными, чтобы трудно было ответить соответствующей песней. ...В конце каждой песни побежденная группа передавала победителю одного из своих членов. Пение продолжалось до тех пор, пока в побежденной группе не оставался необмененным только один мужчина.

В осенний обряд ...входит также поедание *казан-тертеги* (букв. – хлеб котла). Его готовят перед камланием. Женщины тонко раскатывают тесто и нарезают большие ломти, затем варят их в мясном бульоне. Этими хлебцами наполняют широкий берестяной коробок... и вручают самому высокому парню. Тот держит коробок над головой на вытянутых руках. Вокруг него собирается толпа молодых людей. Каждый старается достать хлебцы из короба. Самые маленькие, посадив друг друга на плечи, хватают их и, разделив, тут же съедают. Стоит веселый шум, возня и смех. Эта своеобразная игра прекращается лишь после того как опустеет коробок.

...Эти игры и приношения преследовали одну цель: путем магических обрядов в честь *пайана* выпросить у него большой урожай, удачную охоту и благополучие для семьи и скота.

После окончания камлания оставшуюся от камлания часть позо перегоняли на самогон и распивали тут же. К утру все возвращались в деревню. На этом праздник заканчивался. В нем не имели права участвовать только те родственники, в семье которых недавно был покойник. Эти люди считались нечистыми (*пурлуг*), их не допускали в свой круг, но они могли сидеть в стороне... Там, где Коча отсутствовал, отсутствовал и сам обряд. ...У шорцев, по сообщению А. В. Анохина, Коча имелся у рода Челей и Карашор».

1.8. Традиционные блюда для обрядов²⁶⁹

Мясо крупного копытного (лось, марал, олень, косуля), водившегося в большом количестве в горной тайге Северного Алтая, еще в прошлом столетии, было едва ли не основным видом пищи у шорцев... Они употребляли в пищу и мясо медведя..., а также пушных зверей: ели прежде всего белку, затем бурундука и зайца. Из лесных птиц употребляли в пищу мясо глухаря, тетерева, рябчика, дятла черного (*кармас*). ..Еще в конце XIX в. шорцы варили мясо в берестяных «котлах» (*тӧс-казан*), спуская в них камни, раскаленные на костре. Некоторые старики уверяли даже, что мясо, сваренное таким образом гораздо вкуснее мяса, сваренного в котелке на огне. Жарение мяса... практиковалось редко. Во время нахождения в тайге на промысле жарение обычно запрещалось. На этот счет существовали религиозные поверья, мотивирующие запрещение тем, что такой способ приготовления мяса сердит «хозяина тайги», якобы не терпящего запаха жареного мяса. Рассердить же «хозяина тайги» боялись потому, что он мог лишить охотников удачи...

²⁶⁹ Потапов Л. П. Пища алтайцев (этнографический очерк) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Potapov-Picha.pdf>. – Загл. с экрана.

Кроме мяса зверей и птиц... южные шорцы обычно перед зимним охотничьим промыслом употребляли и конину, закупая для этой цели лошадей. Такие убойные лошади были известны под названием *согум*. ...Некоторые охотники, промысляющие определенным составом артели, покупали *согума* весной, откармливали его на подножном корму в тайге, а поздней осенью кололи и брали мясо на зимний промысел. Только небольшая доля этого мяса потреблялась охотником вместе с семьей. В таком случае из конины варили суп (*јурге*) с приправой из ячменя или, что случалось гораздо реже, делали *перек* (от русск. – пирог) из пресного теста с мясной начинкой и варили их в воде. Получалось нечто похожее на пельмени, но иной формы и объема.

Чтобы закончить рассмотрение употребления мясной пищи, укажем еще на потребление рыбы, что имело место только у северных алтайцев. ...Шорцы ловили рыбу по таежным речкам. Мелкую рыбу сушили (*удрак*), толки и приправляли ею похлебку *тутнаш* ... из кусочков пресного теста, нарезанных в виде шариков, приправленных обычно мелкой сушеной рыбой, реже мясом.. Крупную рыбу варили и жарили на палочках над огнем.

Рассмотрим теперь хлебную или мучную пищу...

...Основным продуктом была мука из поджаренных зерен ячменя, так называемый *талкан*. Для приготовления его зерна жарили в большой чугунной чаше, под которой разводили огонь. При поджаривании зерна все время равномерно перемешивались во избежание пригорания. Затем их мололи на ручной каменной мельнице или каменной зернотерке. ...*Талкан* сухим ели редко... ...смешивали с медом и растолченными ядрами кедровых орехов. В последнем случае из такой смеси делали колобки. Оба последних блюда считались и продолжают считаться большим лакомством и входят в состав подарков, посылаемых родственникам. ...У северных шорцев из *талкана* варили кашу на молоке, приправленную маслом. Эта каша (*саламат*) считалась лакомым угощением как для людей, так и для духов-

покровителей семьи. ... У шорцев верхнего течения Кондомы такую кашу называли *козем*.

В связи с хлебной и мучной пищей уместно упомянуть о некоторых видах напитков... К ним относятся несколько видов браги... Из них наиболее распространенной была *абыртка*, бытующая у охотников Северного Алтая... Приготавливают *абыртку* просто и быстро. Ее делают из солода (проросший ячмень), который засыпают обычной в берестяную посуду цилиндрической формы, заливают теплой водой, завязывают тряпкой и ставят в теплое место на одну ночь. Солод (*ыбрак*) начинает бродить и превращается в слегка возбуждающий напиток. ...При жертвоприношении некоторым духам солод, идущий для приготовления браги, обязательно просеивали, и в таком случае брага уже носила название *шөктеш*... у шорцев рода Калар.

Однако наиболее древним напитком... у северных алтайцев, преимущественно шорцев, ... была брага (*абыртка*), приготавливавшаяся из клубней кандыка. Для ее приготовления варили и квасили сушеный и свежий кандык. Изготовление браги из кандыка было распространено... у шорцев, обитающих в бассейне р. Кондомы. Надо сказать, что все виды браги ...делаются без хмеля, несмотря на то, что хмель в изобилии произрастает в Северном Алтае. У шорцев бассейна р. Мрассы брагу (из талкана или ячменя), называют *почо* или *позо*.

В пище... значительное место с древнейших времен... занимали дикорастущие растения. ...Из них наибольшее значение имели корни кандыка. ...Едят его преимущественно в вареном виде. Разваривают клубни в воде, иногда с добавлением в него молока. ...Из сушеного кандыка делают лепешки. Абаканские шорцы из смолотого кандыка варят густую кашу на сметане, называемую *потко*. Сушеный и сырой кандык кладут в похлебки в качестве приправы. При заготовке впрок его иногда варят в воде, а затем нанизывают на нитку в виде ожерелья и сушат.

Южные шорцы заготавливали сарану впрок... сырые луковицы сараны расчленили на дольки и очищали от земли. Затем ими наполняли чугунный

котел, добавляли немного воды и, плотно закрыв деревянной или берестяной крышкой, варили. Сварившуюся сарану сушили на солнце или у очага. Сушеную сарану мололи и из муки пекли лепешки... Сушеную сарану добавляли как приправу в похлебки. Муку из сараны смешивали с мукой из кандыка. Из такой муки лепешки были вкуснее.

...Колба растет в тайге целыми зарослями. Едят в сыром виде ее мясистый стебель, напоминающий вкусом чеснок. Ею приправляют супы и похлебки и засаливают впрок.

...Необходимо также упомянуть о корнях пиона, которые у кондомских шорцев называются *шейне бажы*, а в низовьях Мрассы – *шенде бажы*. У абаканских шорцев это растение называют *кызыл шеберек* или *тенгри когрежи*, т. е. «небесный гром». Последнее название пиона известно и шорцам верхнего течения Мрассы под названием *тенгере тарслагы* «небесный треск». Происхождение этого названия объясняют якобы присущим корням пиона свойствам вызывать гром. Шорцы бассейна р. Кондомы уверяли, что во время грозы корни пиона приобретают особый горький вкус. Корни пиона собирались весной до цветения, пока они еще не имели горького привкуса. Их высушивали, растирали на ручной каменной мельнице и делали из них лепешки или варили кашу.

Из других растений летом в пищу употребляли различные виды диких луков и полевых чесноков, а также некоторые из зонтичных. У шорцев ...шли в пищу еще стручки журавлиного гороха под названием *ат кабары*, ревень и растение *аш енези*, т. е. «мать хлеба», которое, по мнению шорцев, было у них в широком употреблении до распространения хлебной пищи.

Весной собирали в берестяную посуду березовый сок... (*казынг суугу* у шорцев), который в сгущенном, затвердевшем состоянии употреблялся на заварку вместо чая. Этой же цели служила заболонь березы (у шорцев *казынгынг чагы* «сало березы»).

В значительной пище северных алтайцев значительную долю составляют ягоды. У абаканских шорцев сушеную и смолотую черемуху в

зимнее время смешивают с маслом или медом и замораживают. Затем эту массу режут ножом и едят как лакомство».

1.9. Обычаи, относящиеся к сватовству и свадьбе у шорцев²⁷⁰

Сваты уговариваются с родителями невесты и ее родственниками насчет калыма, дают задаток, а свадьбу откладывают на 2–3 года.

Сватовство длится очень долго – первый приезд называется «сура» — едут к отцу невесты переговорить...

Сваты чаще всего *тай* жениха, т. е. дядя по матери, не говорят сразу, зачем приехали. Разговор заходит о жеребенке, теленке. Собираются обычно что-либо покупать у хозяев. Иногда едут, будто бы благодарить за что-то. Всегда с *араккой*. Первая выпивает родня невесты, и уговаривают родителей [жениха]. Сваты обычно говорят:

Адалар чолынга арлык агаи! – На дорогу отцов пусть не упадут
валежников деревья!

Аңалар чолынга чалбак пурлук от чабыра өспөзин! – На дороге матерей пусть
широколистные травы, (ее) закрывая,
не вырастут!

Просят сродниться с ними, чтобы дорога лесом не заросла, [чтобы ее] ветром не завеяло, [чтобы она] травой не заросла. Родители допытываются:

Постарын көлениш чортизарба – Вы сами полюбили,
то-ли кижги шашкагна кирчетизар? или людской молвы
наслушались? (досл.: с людской
молвой) вошли?

Второй приезд называется... *чӓргӓн нӓр тӓм айдыш арга* – время уговариваться о времени приезда для совещания о калыме. В этот приезд жених должен присутствовать непременно, иначе сватов могут не впустить, обвиняя их в том, что они сватают без согласия жениха.

²⁷⁰ Дыренкова Н. П. О сватовстве и свадьбе (шорцев) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_10.pdf. – Загл. с экрана; Родство и психические запреты у шорцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Dyrenkova-Rodstvo.pdf>. – Загл. с экрана.

Третий приезд называется *калым айдышсалыр* – уговариваться насчет калыма или «*чараиш*» – мириться (особенно если заранее увезли невесту). Родные присутствуют так же, как) в первых двух случаях, и уговаривают отца, чтобы дорого не просил. Отец обычно говорит сватам: «*Кучун алар полза тага чук, кучун албас полза май нан*» – «Если сила есть, от меня возьми, если нет – обратно отдай». В этот же приезд дают задатки за невесту – *ызыргазы* (за Нону, дочь Адоры, дали 10 белок, за дочь сестры его жены — Аннушку – 5 руб.).

После получения задатка отец невесты говорит: «Теперь не мое дитя, а ваше», и жених в любое время может приехать с *аракон* за невестой, отцу приходится отдавать и раньше уговоренного срока.

Калым (в размере 100–200 руб., у бедных – меньше), кто имеет возможность, выплачивает до свадьбы, а то и после постепенно, иногда по одной, по две белки. Помогают родственники.

В приданое дается *абыл*, литовка, серп, одежда и часто скот. Размер приданого соразмеряется с калымом. Если дает отец мало, его стыдят:

<i>Калым аларга ынады</i>	– Калым взять он согласился
<i>Козына переге ынабады</i>	– Новобрачным (ничего) дать не согласился,
<i>Коксү тук кижги полтур</i>	– Жадным человеком он оказался

Ни зять, ни родственники жены до свадьбы ничего не дарят друг другу. После женитьбы зятю дают подарки, когда он с женой приходит с *аракон* к тестю с *түргүн'ом*. В свою очередь зять приносит родне жены убитую дичь – зверя, хлеб и т.д. До свадьбы жених приезжает в дом невесты, но невеста никогда не ездит и не имеет права заходить в дом тестя.

Невесту, привезенную из родительского дома, сразу не вводят в юрту жениха. Ставится особый балаган из 6–7 берез, круглый (*в сечении*), покрытый берестой. В этот балаган – *одук* или *аланчик* – не заносят никаких старых вещей – одежды и пр., чтобы не вошел вместе с нею и *айна* – злой дух. Тут же совершается обряд высекания огня женихом, причем угадывают по

тому, как быстро высечется искра, насколько хорошо они будут жить, и по тому, сколько раз пришлось ударить для получения искры, сколько будет жен.

Здесь происходит угощение. В балагане молодые проводят 3 дня и после входят с двумя туесами вина в дом отца жениха. Жертвуют огню и угощают родителей вином. Если выходит замуж вдова, то она входит сразу в юрту жениха. ...Берут с огня головешки и поджигают юрту с порога, чтобы не вышел *айна*, а задохнулся в дыму.

Приданое замужней женщины, умершей бездетной, наполовину оставляется мужу, остальное возвращается ее родителям. Если зять не отдает, силой требовать нельзя. Если же он их отдаст семье жены, а после будет продолжать ездить к тестю с вином, то постепенно все вещи тесть отдает ему как подарки назад за то, что почитает старого тестя. ... Вдовец бездетный до новой женитьбы не живет в прежней юрте, переходит жить к отцу или старшему брату. Когда снова женится, переносит юрту на другое место.

В присутствии свекра невестка должна сесть так, чтобы не были видны штаны – *дамбал*. В юрте, даже сидя поодаль, невестка не может сидеть, повернувшись к свекру спиной. Выходя из юрты, она пятится задом, повернувшись лицом к свекру. Когда входит свекор, невестка должна встать. Сесть она может только после того, как сел сам свекор. Из одной чашки со свекром она не ест. Ложкой свекра может есть только в том случае, если сам свекор дает ей остатки своей еды. Хотя невестка может чинить и стирать рубаху и штаны свекра, но в его присутствии ни вынимать их из сундука, ни наступать на них не имеет права. На то место, где спит свекор, невестка не садится ни в отсутствии, ни в присутствии свекра, если даже постель убрана. До рождения первого ребенка она даже не проходит через место, где спит свекор, и не заходит в *торо* (почетное место в юрте). До тех пор пока невестка прячется, ей запрещается брать лошадь свекра за повод, но седло может занести в юрту. Невестка не ездит ни на лошади свекра, ни в его седле. Во время беременности запрещается входить в юрту.

...по отношению к невестке: (свекр) ...не может снимать безрукавку (это допускается лишь в случае сильной жары), не может сидеть рядом с невесткой, если в юрте слишком тесно – между ними всегда садится посторонний человек. Свекор и невестка не могут ехать в одной телеге, если свекор в телеге, невестка едет верхом на лошади. Свекор не должен видеть рубашку и штаны невестки: если повешены после стрики, невестка старается заблаговременно снять их, так, чтобы не видел свекор, если же они упадут от ветра, то свекор не только не имеет права поднять их, но он должен обойти это место и сделать вид, что вовсе ничего не заметил. Свекор может сесть на то место, где спит невестка, если постель убрана, но на постель ее садиться не должен. ...Этот обряд снимает запрет только по отношению к свекру. Для снятия запрета по отношению к отдельным лицам из старшей родни мужа необходимо устроить *отко-кирчису* отдельно для каждого случая.

В литературе имеются указания на то, что обряд поклонения огню во время свадебной церемонии и обряд открытия лица невестки иногда совершаются одновременно, причем совершение упомянутого обряда не снимает запрета. Насколько мне удалось выяснить, обряд *отко-кирчису* имеет исключительной целью снятие запрета избегания и совершается в разное время в зависимости от воли свекра или того лица, которое устраивает (иногда через пять лет и больше, иногда через несколько дней после приезда молодых). Остальные моменты являются пожизненными: невестка не может показываться свекру босиком, с непокрытой головой (без платка), с голыми коленями и с открытой грудью. Она не снимает в его присутствии (верхней одежды), одеваемой поверх рубахи-платья»²⁷¹.

«...Во время женитьбы до мировой (*чараиш*), жених в присутствии старшей женской родии невесты ходит с повязанным на голове платком. Когда приходят мириться, жених подает старшей сестре жены или тетке вино, и она снимает ему платок. Тут же он дарит ей на рубаху, или что-либо другое.

²⁷¹ Дыренкова Н. П. О сватовстве и свадьбе (шорцев) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2_10.pdf. – Загл. с экрана.

Но наиболее строгие запреты налагаются между невесткой и свекром. Она не имеет права быть в присутствии свекра без платка и без кендира (верхней тканой одежды), нельзя показать свекру голые ноги, нельзя шутить с ним, смеяться в его присутствии, нельзя называть по имени, Обычно невестка зовет свекра *апшак* или даст какое-нибудь описательное имя. Она не называет предметов, название которых близко к имени свекра. В юрту будущего свекра женщина не входит, не будучи еще невестой, не входит и сразу после свадьбы. Она не подает руки свекру, ничего не передает из рук в руки, не дотрагивается до него и даже до вещей, имеющих к нему какое-нибудь отношение. Помещается невестка справа от входа в юрту и не имеет права заходить за половину поперечной скамейки на сторону свекра. ...Когда подходит к огню готовить, идет с правой стороны...

...Также осторожно должно быть отношение свекра к невестке – он не должен даже улыбаться ей, садиться или подходить к ее постели, ходить босыми ногами. Эти запреты заставляют обычно, строить для женатого сына отдельную юрту. Такое же отношение невестки должно быть и к старшим братьям мужа и старшим дядьям его. Часто Невестка до года после свадьбы совершенно не заходит в юрту старшего брата мужа. Не подает ему ничего из рук в руки, не протягивает руки, никогда не зовет старшего брата мужа по имени. ...К старшему брату мужа невестка также не повертывается спиной. Вот почему старший сын всегда выделяется после женитьбы младшего. ...Исключение делается только в тех случаях, если, например, в юрте старшего брата помещается ручная мельница и невестке необходимо идти молотить. Тогда она идет через несколько дней после свадьбы вместе с мужем, неся ...вино. Тот должен дать в ответный подарок чашку, ложку или что другое.

Представления шорцев о древнем божестве Умай²⁷²

...Полевые материалы, собранные (Л. П. Потаповым) ...главным образом в 1946 г. в Аскизском районе Хакассии среди сагайцев, шорцев и бельтиров (в бассейне левобережья р. Абакана), показывают, что здесь культ *Умай* (в другом произношении *Ымай*) был еще настолько свеж в памяти, что ...удалось изучать его у представителей старшего поколения, которые сами его придерживались. ...Словом *Умай/Ымай* называется, душа ребенка с момента его рождения до того времени, когда ребенок начнет ходить и свободно говорить (примерно до трех лет). Но с этого времени его душа уже будет именоваться «*Кут*», вплоть до самой смерти, когда *Кут* покидает навсегда человека. Термином *умай* здесь называли и пуповину ребенка, которую обычно зашивали в маленький мешочек из кожи или материи и подвешивали на шнурке к колыбели младенца, считая, что *Умай* все время находится с ребенком, пока он в колыбельном возрасте. Если ребенок разговаривал или смеялся во сне, это объясняли тем, что он в это время разговаривал с *Умай*. Если ребенок плакал во сне, считали, что *Умай* в тот момент ненадолго покидала его; когда ребенок заболел, – болезнь вызывалась тем, что его также покидала *Умай*, и, чтобы вернуть ее, обращались к шаману. Если ребенок заболел в том возрасте, когда его *Умай* уже превращалась в *Кут*, то причину болезни (как и у взрослого человека) видели в том, что из ребенка вышел *Кут*.

Шаман во время камлания узнавал, покинула ли *Умай* (или *Кут*) ребенка временно или ее украл какой-либо шаман для другой семьи, где дети «не держались», т. е. умирали в раннем возрасте. Около больного ребенка шаман втыкал молодую березку, на которую старался загнать ушедшую *Умай* (или *Кут*) заболевшего ребенка, кропил ее молоком, а потом обнимал, ловил ее бубном и вбивал в больного (сильным ударом по бубну), после чего, считалось, ребенок должен был выздороветь. Но если шаман устанавливал,

²⁷²Потапов Л. П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1973. – С. 265–286.

что *Умай* похищена шаманом, он пускался в погоню за похитителем и старался отнять *Умай*. Если это удавалось, то побежденный шаман умирал, а ребенок, которому шаман-победитель возвращал *Умай*, выздоравливал. Если эта операция не удавалась, ребенок погибал.

...удалось собрать некоторые данные об особом камлании, называвшемся «*Умай* (или *Ымай*) *тутарга*» (похищение *Ымай*). Рассказывали о таком камлании весьма сдержанно и неохотно, так как с точки зрения бытовой старинной этики оно осуждалось. К нему прибегали только отдельные шаманы по просьбе бездетных женщин и соглашались, как подчеркивали мои собеседники, крайне неохотно, за большое вознаграждение, считая это камлание опасным для своей жизни. Задача камлания состояла в том, чтобы похитить *Ымай* какого-либо живого ребенка, обрекая последнего на верную смерть. Чаще всего с этой целью абаканские шаманы «ходили» в Туву. Это камлание устраивалось через год после смерти последнего ребенка тайно, глубокой ночью. Женщина, которая добивалась такого камлания, предварительно, по совету шамана, бросала в реку колыбель последнего из умерших ее детей, чтобы вместе с колыбелью уплыла по реке и *Кара-Умай*, которая поселилась в этой колыбели и уничтожала детей. Шаман заставлял эту женщину сделать из тряпок куклу – *пала куду начах*, т. е. «детский кут маленького ребенка», имитирующую младенца. Куклу женщина также делала тайно, чтобы никто ее не мог увидеть. Во время камлания она держала ее на руках у груди, словно маленького ребенка. Шаман камлал тихо, хотя и с бубном, осторожно проходя свой длинный путь. Если ему удавалось поймать *Умай*, отлучившуюся от какого-либо ребенка, он приносил ее в своем бубне, которым «по возвращении» из путешествия накрывал женщину, заставляя ее в это время пить молоко или араку и ударом в бубен «вбивал» в нее похищенную *Умай*. При этом шаман сообщал пол украденного ребенка и велел сделать к его рождению оберег: для мальчика – маленький лучок со стрелкой, а для девочки – раковинку каури, с тем чтобы повесить такой оберег к колыбели для защиты *Умай* новорожденного.

Ребенок, Умай которого была похищена шаманом, вскоре же умирал и его тело при этом чернело, что служило свидетельством смерти вследствие похищения *Умай*. Куклу – *пала куду начах* – после камлания женщина охраняла от чужого взора и прятала ее так, чтобы никто не нашел. На свои вопросы об этом (Л. П. Потапов) получил несколько различающиеся ответы, отражающие ...различия в этом обычае, существовавшие у разных родоплеменных групп. Одни собеседники говорили..., что куклу закапывали в земляной пол юрты неподалеку от того места, где помещается обычно колыбель с новорожденным. Другие утверждали, что куклу отправляли на тот свет (*үзүт чир*, т. е. в землю душ умерших людей), «проводя» в маленьком деревянном гробике, поставленном на плотик и пущенном по течению реки.

Материал из Хакассии обнаруживает разнообразные представления об *Умай*, а именно об *Умай*, именуемой «*Умай-иче*» (мать *Умай*), как об обобщаемом персонаже шаманского пантеона, символизирующем покровительницу детей. Этой *Умай* делали символическое изображение – оберег в виде лучка со стрелой. Далее *Умай* выступает как душа младенца. И, наконец, *Кара-Умай* – злой дух, причиняющий ребенку только вред. Чем же объяснить одновременное существование здесь столь различных представлений? Я думаю, что оно является, скорее всего, результатом смешения родоплеменного или этнического состава населения, характерного для данного района.

Представления об *Умай*, свойственные той или иной этнической группе, отличались некоторым разнообразием, отражающим, между прочим, и эволюцию этих представлений, что ясно видно, как это будет показано ниже, из рассмотрения представлений об *Умай* в сравнительном плане у саяно-алтайских народов.

Обратимся к шорскому материалу. У обитавших на территории Хакассии (улус Балыкташ) шорцев, также смешанных в отношении сеоков, существовало представление о двух *Умай*. Судя по коллекциям МАЭ (Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого), изображение,

символизирующее *Кара-Умай* (или *Карай-Май*), делали либо из глины в «виде» человечка (высотой 15–17 см), которого прилепляли к деревянной дощечке, либо в виде куколки из тряпок, уложенной в маленькую деревянную колыбельку²⁷³. В одном из описаний такого изображения сказано: «Делается при камлании по случаю болезни ребенка или в тех семьях, где умирают дети при рождении». Изображение же «матери *Умай*» (*Май-иче*) иное. Оно состоит из деревянного лучка со стрелкой, прикрепленных с кусочком заячьей шкурки к куску бересты, который прибивают к стене юрты, где родился ребенок, как знак присутствия здесь *Умай*.

Шорцы бассейна Кондомы также полагали, что в тех семьях, где дети постоянно умирали в младенческом возрасте, это – дело козней *Кара-Умай*, и для борьбы с ней приглашали шамана. Однако трудные затянувшиеся роды объясняли тем, что в чрево матери проникал злой дух *айна*, который задерживал появление на свет ребенка. В таких случаях шаман призывал «мать *Умай*», прося ее защитить ребенка, а злого *айна* уговаривал отпустить ребенка и угощал его абырткой (брагой из солода). Обращались к шаману и при угрозе выкидыша. Шаман камлал тогда к *Умай-ээзи* (к хозяйке *Умай*), чтобы она защитила и сохранила ребенка и не дала злему духу *айна* украсть его из чрева матери.

(Л. П. Потапову) ...неоднократно приходилось видеть в жилищах шорцев... изображения покровительницы «матери *Умай*» в тех семьях, где были дети колыбельного возраста. Их делали при первом положении ребенка в колыбель (с приглашением шамана) и снимали, когда дети подрастали и уже не пользовались колыбелью. Это изображение «угощали», кропя его талканом (разведенным в воде), зернышками кедрового ореха, оставляемыми на ночь у изображения. Такие изображения имеются и в коллекциях МАЭ. У шорцев, живущих по р. Мрассе, наблюдались некоторые варианты в изображении, посвященном «матери *Умай*» (*Май-иче*), что хорошо видно из экземпляров, представленных в коллекциях МАЭ.

²⁷³ См. фото 55. Изготовление глиняного изображения *Кара-Умай* для лечения ребенка.

Одно из таких изображений представляет маленький деревянный лучок со стрелой, которые прикреплялись к стене у колыбели ребенка. Второе (тоже для мальчика) сделано в виде маленькой берестяной люльки, выстланной белой заячьей шкуркой, причем люлька эта проткнута насквозь деревянной стрелкой. В изображении матери *Умай*, предназначенном для девочки, берестяная люлька протыкалась маленьким веретеном. Такое изображение прикрепляли к стене над детской колыбелью и «угощали» его время от времени кашницей из ячменного толокна, сдобренной маслом. В третьем случае изображение матери *Умай* – просто деревянная стрела которую клали в колыбель ребенка.

Полевой материал, собранный ...у шорцев, подтверждает, что и душа ребенка младенческого возраста называлась *Умай*. Но этим же словом они называют и пуповину родившегося младенца, которую завертывали в бересту и зарывали в самом жилище.

Приложения 2. Таблицы

Таблица 16. Классификация охотничьих духов шорцев по территориально-родовому признаку²⁷⁴

Внешний вид	Наименование	Территория распространения
Двухрожковая развилка+шкурка зверька	<i>Сарас/Колунак</i>	Низовья Кондомы (потомки сёёков <i>себи, тарткын, аба, кереш</i>)
Двухрожковая развилка+лоскут холста	<i>Каннатыг</i>	Среднее течение Мрассу (потомки сёёков <i>карга и челей</i>)
Двухрожковая развилка+лоскут холста	<i>Укугат-кан/Учугат-кан</i>	Нижнее течение Мрассу (потомки сёёков <i>аба, челей, тарткын</i>)
Двухрожковая развилка+лоскут холста	<i>Канатулар</i>	Посмотреть в каталоге
Антропоморфное изображение	<i>Шалыг</i>	Среднее течение Кондомы
Антропоморфное изображение	<i>Тайгам</i>	Бассейн Мрассу и верховьях Томи (потомки сёёков <i>аба, челей, тарткын, бирюсинцев, карга и челей, кобий и кызай, кый</i>)

²⁷⁴ Принадлежность к сёёкам выявлена на основе работы: Кимеев В. М. Экомусеи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектура, функции [Текст] / В. М. Кимеев. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008. – С. 115–140.

Таблица 17. Женские украшения шорцев, изготовленные с использованием бисера и бусин (по материалам опубликованных каталогов)²⁷⁵

№ п/п	Наименование, зарисовка, аббревиатура музея и колл. №	Техника использования бисера	Размеры	Место и время приобретения	Коллекционер
1	2	3	4	5	6
Ушные украшения					
1	Серьга «ызырга» МАЭ ТГУ 5979-16	Низание бисера на нити и крепление их к металлической пластине в виде пяти подвесок с ромбовидными металлическими пластинками на концах	дл. 4 см	Чульджан Горно-Шорского р-на, 1925 г.	А. К. Иванов
					
2	Серьга «ызырга» МАЭ ТГУ 5979-91	Низание бисера на нити и прикрепление их к ушной петле по две нити, украшенные на концах медными копеечными монетками 1903 и 1905 гг.	дл. 9,5 см	Усть-Колзас Горно-Шорского р-на, 1925 г.	А. К. Иванов
	зарисовки нет				
3	Серьга «ызырга» МАЭ ТГУ 5979-93	Низание бисера на нити и прикрепление их к ушной петле по две нити, украшенные на концах раковинной каури	Дл. 9 см	Чилису-Анзас Горно-Шорского р-на, 1925 г.	А. К. Иванов
	зарисовки нет				

²⁷⁵ Шорцы // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 60–138; Шорцы // Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета [Текст]. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 38–122; Кимеева Т. И. Шорцы: статья и тексты коллекционных описей [Текст] / Т. И. Кимеева // Каталог этнографических коллекций музеев России. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – в 5 частях.

1	2	3	4	5	6
4	Ушная подвеска «ызырга» МАЭ ТГУ 5979-95 зарисовки нет	Низание бисера на нити и прикрепление ушной петле по две нити, украшенные на концах копеечной монетой 1909 г. и серьгой в виде кольца	Дл. 9 см	Мыски Горно-Шорского р-на, 1925 г.	А. К. Иванов
5	Серьга «ызырга» МАЭ ТГУ 5979-96 зарисовки нет	Низание бисера на нити и прикрепление к ушной петле по две нити с кисточками на концах	дл. 8 см	Балгашта-Аил Горно-Шорского р-на, 1925 г.	А. К. Иванов
6	Ушные подвески «ызырга» МАЭ ТГУ 5979-97 	Низание бисера на нити и прикрепление к ушной петле по три нити, соединенные между собой	дл. 7,6 см	Усть-Колзас Горно-Шорского р-на, 1925 г.	А. К. Иванов
7	Серьга «ызырга» МАЭ ТГУ 5979-98 зарисовки нет	Низание бисера на нити и прикрепление к проволочной основе по три нити с пуговицей на концах	дл. 8 см	Мыски Горно-Шорского р-на, 1925 г.	А. К. Иванов
8	Ушные подвески «ысырга» МАЭ ТГУ 6025-32 зарисовки нет	Низание бисера на нити и прикрепление к ушной петле двух нитей вместе с пучком цветных шерстяных нитей	дл. 6 см	Кечин Горно-Шорского р-на, 1927 г.	А. К. Иванов

1	2	3	4	5	6
9	Серьги «ызырга» МАЭ ТГУ 6025-33 зарисовки нет	Низание бисера на нити и прикрепление к ушной петле по одной нити с серебряными монетами 1902 и 1909 гг. на концах	дл. 8,5 см	Кечин Горно-Шорского р-на, 1927 г.	А. К. Иванов
10	Серьги «ызырга» ОГОИЛМ 1500 	Низание бусин на медную проволоку, загнутую на одном конце в крючок для вдевания в мочку уха, на другом – в спираль для фиксации бусин	дл. 5,5 см	Кузнецкий уезд Томской губернии, 1900 г.	С. П. Швецов
11	Серьги «ызырга» ОГОИЛМ 2221 	Низание бусин и бисера на медную проволоку, загнутую на одном конце в кольцо, на другом – в петлю для фиксации бусин	дл. 8,5 см	Кузнецкий уезд Томской губернии, 1900 г.	С. П. Швецов
12	Серьги «ызырга» ОГОИЛМ 2242 	Низание бисера и бусин на нити, украшенные на одном конце раковинами каури, на противоположном – бусинами	дл. 12 см	Кузнецкий уезд Томской губернии, 1900 г.	С. П. Швецов

1	2	3	4	5	6
13	<p>Серьги «ызырга» ОГОИЛМ 2354</p> 	<p>Низание круглых бусин и бисера на медную проволоку, загнутую на одном конце в кольцо для фиксации бусин, на другом – в ушную петлю</p>	дл. 10,5 см	Кузнецкий уезд Томской губернии, 1900 г.	С. П. Швецов
14	<p>Серьги «ызырга» ОГОИЛМ 2366</p> 	<p>Низание круглых бусин и бисера на медную проволоку, загнутую на одном конце в кольцо для фиксации бусин, на другом – в ушную петлю</p>	дл. 4 см	Кузнецкий уезд Томской губернии, 1900 г.	С. П. Швецов
15	<p>Серьги «ызырга» ОГОИЛМ 2367</p> 	<p>Низание круглых бусин и бисера на медную проволоку, загнутую на одном конце в кольцо для фиксации бусин, на другом – в ушную петлю</p>	дл. 8 см	Кузнецкий уезд Томской губернии, 1900 г.	С. П. Швецов
16	<p>Серьги «ызырга» ОГОИЛМ 3181</p> 	<p>Низание круглых бусин и бисера на медную проволоку, загнутую на одном конце в кольцо для фиксации бусин, на другом – в ушную петлю</p>	дл. 6,7 см	Кузнецкий уезд Томской губернии, 1900 г.	С. П. Швецов

1	2	3	4	5	6
17	Серьга «ызырга» ОГОИЛМ 2359 	Низание бисера на две нити с бляшками на концах и прикрепление к кольцу из проволоки	дл. 5 см	Кузнецкий уезд Томской губернии	С. П. Швецов
18	Серьга «ызырга» ОГОИЛМ 2361 	Низание бисера на нити и крепление их к металлической пластине в виде пяти подвесок с ромбовидными металлическими пластинками на концах	дл. 5 см	Кузнецкий уезд Томской губернии, 1900 г.	С. П. Швецов
19	Серьга «ызырга» ОГОИЛМ 2362 	Плетение сетки из бисера с ячейками в в форме ромбов, украшенных в нижней части кисточками	дл. 6 см, ш. 5,5 см	Кузнецкий уезд Томской губернии, 1900 г.	С. П. Швецов
20	Серьги «ызырга» ОГОИЛМ 2375 	Низание бусин на бечевку и прикрепление их в виде петли к спиральному диску из медной проволоки, загнутому на конце в крючок для вдевания в мочку уха	дл. 7 см	Кузнецкий уезд Томской губернии, 1900 г.	С. П. Швецов
21	Серьга «ызырга» МАЭ 5071-68 Зарисовки нет	Низание бусин на нить с раковиной каури на конце и прикрепление низки к медному крючку	дл. 5 см	Усть-Колзас Горно-Шорского р-на, 1932 г.	А. В. Анохин, А. И. Новиков

1	2	3	4	5	6
22	Серьга «ызырга» МАЭ 5071-68 зарисовки нет	Низание бусин на нить с раковиной каури на конце и прикрепление низки к медному крючку	дл. 5 см	Усть-Колзас Горно-Шорского р-на, 1932 г.	А. В. Анохин, А. И. Новиков
23	Серьга «ызырга» МАЭ 5071-68 зарисовки нет	Низание бусин на нить с раковиной каури на конце и прикрепление низки к медному крючку	дл. 5 см	Усть-Колзас Горно-Шорского р-на, 1932 г.	А. В. Анохин, А. И. Новиков
24	Серьга «ызырга» МАЭ 5071-379 зарисовки нет	Низание бусин на нити и прикрепление их к листовидной металлической основе серьги	дл. 6,5 см	Горно-Шорский р-н, 1931 г.	неизвестен
25	Серьга «ызырга» МАЭ 5071-380 зарисовки нет	Низание бусин на нити и прикрепление их к петлевидной металлической основе серьги	дл. 7 см	Мыски Горно-Шорского р-на, 1931 г.	неизвестен
26	Серьга «ызырга» МАЭ 5071-382 зарисовки нет	Низание бисера на нити и прикрепление их к кольцу из проволоки; две низки украшены на концах монетами – 1928 г. и 1 грошем с изображением Николая II, третья укрепленна петлей	дл. 13 см	Эльбезе Горно-Шорского р-на, 1931 г.	неизвестен

Продолжение таблицы 17

1	2	3	4	5	6
27	Серьга «ызырга» МАЭ 5071-382 зарисовки нет	Низание бусин и бисера на медную проволоку, загнутую на одном конце в крючок, на другом – в спираль для фиксации бусин	дл. 6 см	Усть-Колзас Горно-Шорского р-на, 1931 г.	неизвестен
28	Серьга «ызырга» а) НКМ 955, б) НКМ 1976/3069/7 зарисовки нет	Низание бусин и бисера на медную проволоку, загнутую на одном конце в крючок, на другом – в петлю для фиксации бусин	дл. 6 см	Новокузнецкий р-н	неизвестен
Шейно-нагрудные украшения					
29	Украшение «мунчук» МАЭ ТГУ 6025-36 зарисовки нет	Пришивание низок из бисера на полоски текстиля, укрепление низок полукружьями вдоль края	дл. 17 см, ш. 3,5 см	Верхний Тузас Горно-Шорского р-на, 1927 г.	А. К. Иванов
30	Украшение «мунчук» МАЭ ТГУ 6025-31 зарисовки нет	Пришивание низок бисера между полосками вышивки и вдоль нижнего края украшения	дл. 54 см, ш. 14 см	Нижняя Кеченга Горно-Шорского р-на, 1927 г.	А. К. Иванов

Накосные украшения					
1	2	3	4	5	6
31	Накосник «чынча» МАЭ ТГУ 6024-13 	Плетение сетки из бисера с нашитыми на нее поперечными полосками красного бархата и пришитыми на конце раковинами каури	дл. 22,5 см, ш. 2 см	Садра Горно-Шорского р-на, 1926 г.	А. К. Иванов
32	Накосник «тончы» МАЭ ТГУ 6025-37 зарисовки нет	Низание бисера и соединение концов двух нитей проволокой	дл. 49 см	Верхний Тузас Горно-Шорского р-на, 1927 г.	А.К. Иванов
Кроме вышеописанных, 16 предметов, датированных началом XX в., из коллекций разных музеев сбров С. П. Швецова (1900), А. В. Анохина и А. И. Новикова (1932) представляют низки бусин и бисера в виде длинной нити, оборачиваемой вокруг шеи, зафиксированных под названием «мунчук».					

Приложения 3. Фото

Фото 1. Охота с петлей на бурундука. Фото В.М. Кимеева, 1981 г.
Фотоархив Экомузeya-заповедника «Тюльберский городок»

Фото 2. Зимний сезон охоты. Фото Р. Салихова, 2004 г. Фотоархив Экомузeya-заповедника «Тюльберский городок»

Фото 3. Ловля рыбы ящиком *ашпар*. Фото В.М. Кимеева, п. Усть-Анзас, 1987 г. Фотоархив Экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок»

Фото 4. Заготовка корней кандыка. Фото Н.П. Дыренковой, 1927 г.²⁷⁶

²⁷⁶ Дыренкова Н.П. Фотоколлекция № 3662 б/н // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

Фото 5. Лошадь, оседланная с помощью недоуздка *нокто*.
Фото Г. И. Иванова, 1913 г.²⁷⁷

Фото 6. Лошади, оседланные с помощью упряжи русского типа.
Фото В. М. Кимеева, п. Усть-Анзас, 2000-е гг. Фотоархив Экомузея-заповедника «Тюльберский городок»

²⁷⁷ Фото Г. И. Иванова, 1913 г. // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии)

Фото 7. Декор простой. Чашка *айак*, кап, резьба, 1936 г. Колл. музея «Археология, этнография и экология Сибири Кемеровского государственного университета»

Фото 8. Декор орнаментальный. Шапка *пөрүк*, текстиль, нити, вышивка, нач. XX в. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея

Фото 9. Декор орнаментальный (орнамент) бордюрного/линейного типа. Обшлаг рукава халата кендырь *шабыр*, текстиль, вышивка, нач. XX в. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея

Фото 10. Декор орнаментальный (орнамент) центрического типа. Пряслице *орчук пажы*, рог, резьба, нач. XX в. Колл. музея «Археология, этнография и экология Сибири Кемеровского госуниверситета

Фото 11. Декор абстрактный. Кольцо для управления нартой, рог, резьба, нач. XX в. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея

а

б

Фото 12. Шаманский бубен *түүр*: а) мотивы антропоморфного декора в рисунках на бубне: колл. Музея археологии и этнографии Томского государственного университета²⁷⁸; б) рукоять шаманского бубна марс/барс: фотоархив Н. П. Дыренковой²⁷⁹

²⁷⁸ Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 121

²⁷⁹ Дыренкова Н.П. Фотоколлекция № 3662-37 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

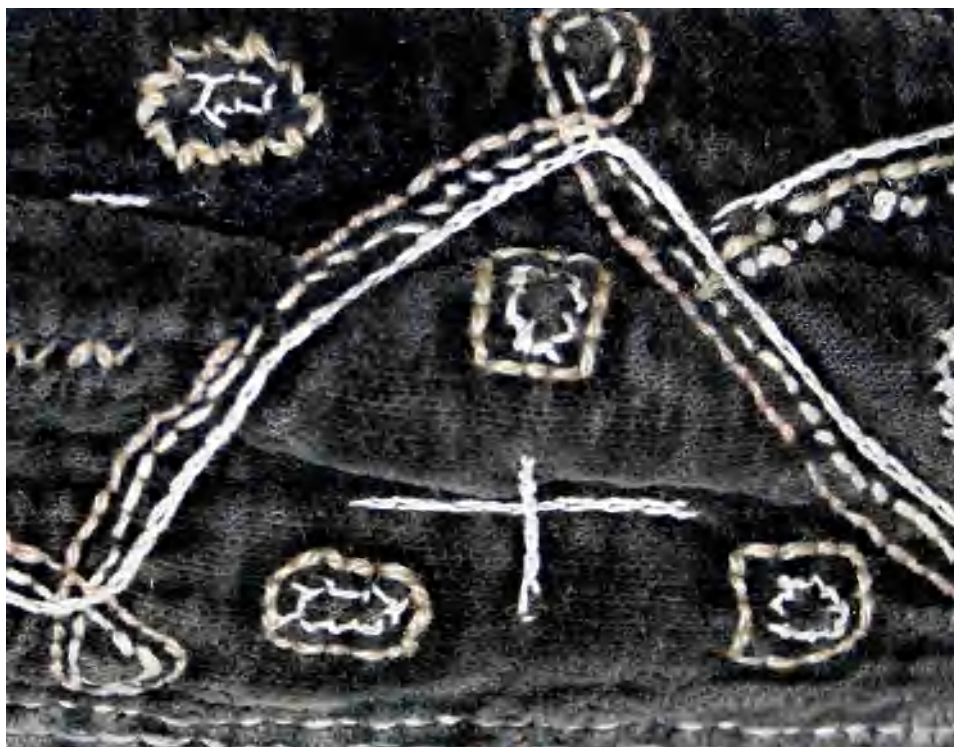

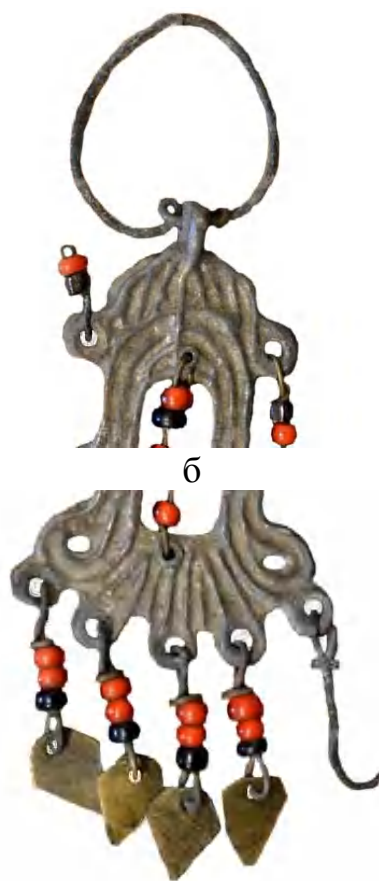
Фото 13. Космологические мотивы в вышивке. Обшлаг рукава шорского халата, текстиль, вышивка тамбурным швом, нач. XX в. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея

Фото 14. Мотив родовой горы. Табакерка сōк табакерке, кость, гравировка, нач. XX в. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея

а

б

в

Фото 15. Антропоморфное изображение *Умай*. Серьга *ызырга*, металл, литье, ковка и низание бисера, XIX в. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого

Фото 16. Антропоморфные изображения на шаманском бубне. Кожа, тиснение, прорисовка. Нач. XX в. Колл. Новокузнецкого краеведческого музея

Фото 17. Антропоморфные изображения *Ӗрекенер*. Текстиль, кудель, птичьи перья, бусины, I пол. XX в. Колл. Музея «Археология, этнография и экология Кемеровского госуниверситета

а

б

в

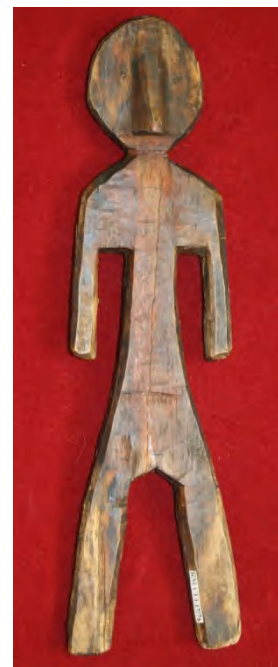
Фото 18. Антропоморфное изображение *Тайгам*. Дерево, резьба: а) колл. Новокузнецкого краеведческого музея; б) колл. музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета; в) колл. Музея археологии и этнографии Омского госуниверситета

а

б

в

Фото 19. Культурный предмет *Шалыг*. Дерево, резьба: а, в) колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ; б) колл. Музея археологии и этнографии Томского госуниверситета

Фото 20. Изображение *Кар Балык*. Рисунок бубна *түүр*, дерево, кожа оленя, металл, реконструкция, XX в. Колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири»

Фото 21 Бубен *түүр*, дерево, кожа оленя, металл, реконструкция, XX в. Колл. музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета

а

б

в

Фото 22. Контурная резьба на рукоятях шаманских бубнов шорцев. Фотоархив музея «Археология, этнография и экология Кемеровского государственного университета»

а

б

в

Фото 23. Прорезная резьба на рукоятях шаманских бубнов шорцев: а, в) фотоархив музея «Археология, этнография и экология Кемеровского государственного университета; б) колл. Новокузнецкого краеведческого музея»

Фото 24. Выемчатая резьба на головке курительной трубки. Дерево, металл. I четв. XX в. Колл. музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета

Фото 25. Рельефная резьба на головке курительной трубки. Дерево, металл. I четв. XX в. Колл. Музея-заповедника «Томская Писаница»

Фото 26. Инструмент для обработки древесины: а) большое тесло; б) малое тесло; в) тесло-стружок; г) инструмент для выбирания древесины из середины сосуда. Колл. музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета

а

б

в

Фото 27. Образцы скульптурной резьбы из дерева: а) навершие ручки трепала, б) навершие рукояти ложки, в) опора для укрепления нитчатки. Колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета

а

б

Фото 28. Маска *Кочо*. Береста, медвежий мех, реконструкция: а) лицевая сторона, в) изнаночная сторона. Колл. музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета

Фото 29. Предметы из рога; а) навершие подставки для сошек, рог, гравировка, колл. Новокузнецкого краеведческого музея; б) мерка для пороха, рог, гравировка, колл. музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета

а

б

в

Фото 30. Рукояти: а, в) ножей; б) плетки. Рог, гравировка. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея

Фото 31. Охотничий пояс-натруска. Кожа, рог, металл, дерево. Колл. музея «Археология, этнография и экология Сибири Кемеровского государственного университета»

а

б

Фото 32. Курок для самострела. Кость, гравировка. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея

а

б

в

Фото 33. Пряслица. Рог, гравировка: а, б) колл. Кемеровского областного краеведческого музея; в) колл. музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета

Фото 34. Подготовка кендырного холста для шитья. Фото Н. П. Дыренковой, 1927 г.²⁸⁰

Фото 35. Женщины и дети в одежде из домотканого и покупного полотна. Фото Н.П. Дыренковой, 1927 г.²⁸¹

²⁸⁰ Дыренкова Н.П. Фотоколлекция № 3662-88 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

а

б

в

г

Фото. 36. Халаты из кендырной ткани – *кендырь шабыр*: а, б) колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири»; в, г) колл. Кемеровского областного краеведческого музея

²⁸¹ Дыренкова Н.П. Фотоколлекция № 3662-37 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

а

б

Фото. 37. Халаты из кендырной ткани – *кендырь шабыр* с вышивкой цветными нитками по темному фону. Колл. Новосибирского государственного краеведческого музея

а

б

Фото 38. Декорирование углов полок халатов. Колл. Кемеровского областного краеведческого музея

а

б

в

г

Фото. 39. Одежда из покупной хлопчатобумажной ткани а, б) халат *шабыр* (нач. XX в. Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); в) рубахи женские²⁸². Нагрудник к женскому костюму: г) колл. Музея археологии и этнографии Томского государственного университета.

²⁸² Фото Г. И. Иванова, 1913 г. // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии)

а

б

в

г

д

Фото. 40. Вышивка тамбурным швом *созирткен*: а, б) техника тамбурного шва (реконструкция Т. И. Кимеевой); в) обшлаг рукава халата (колл. Кемеровского областного краеведческого музея); г) нижний край концов воротника, д) воротник халата (колл. Омского государственного историко-краеведческого музея)

а

б

в

Фото 41. Вышивка швом из стежков: а) обшлаг рукава халата; б) воротник халата (колл. Кемеровского областного краеведческого музея); в) лицевая сторона пояса (колл. Омского государственного историко-краеведческого музея)

а

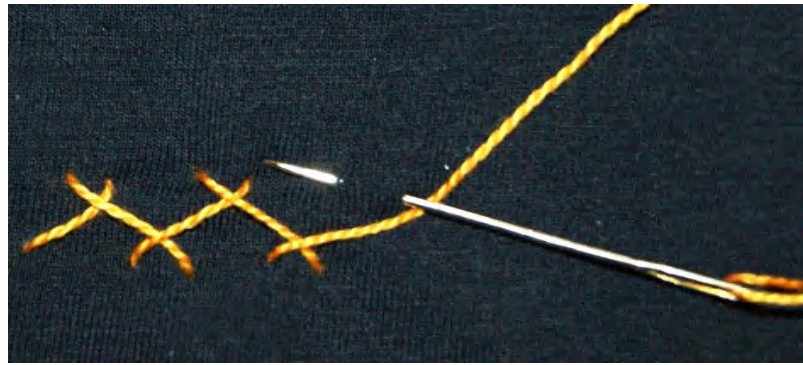

б

в

Фото 42. Вышивка в технике плоской глади: а) реконструкция Т. И. Кимеевой; б, в) фрагмент вышивки воротника (колл. музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета)

а

б

в

г

Фото 43. Вышивка в технике крестового стежка *орбе*: а) реконструкция Т. И. Кимеевой; б, в, г) фрагменты вышивки халата (колл. Кемеровского областного краеведческого музея)

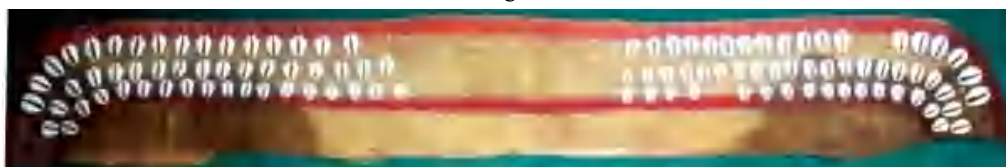
Фото 44. Шорская девушка в халате с воротником, вышитом раковинами каури. Фото Н.П. Дыренковой, 1927 г.²⁸³

а

б

в

Фото 45. Вышивка раковинами каури: а) пояс кур (колл. Национального музея им. А. В. Анохина; б, в, г) воротники (колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого); Музея этнографии и природы Горной Шории.

²⁸³ Дыренкова Н.П. Фотоколлекция № 3662-31 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

а

б

в

Фото 46. Серьги *ызырга*: а, б) серьги с основой из олова, к. XX - нач. XX вв., (колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета и Омского государственного историко-краеведческого музея; б) серьга с основой из бисерной сетки, к. XX - нач. XX вв. (колл. Омского государственного историко-краеведческого музея)

а

б

в

Фото 47. Серьги *ызырга*, изготовленные в технике низания бусин и бисера, нач. XX в.: а). колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); б, в) колл. Омского государственного историко-краеведческого музея

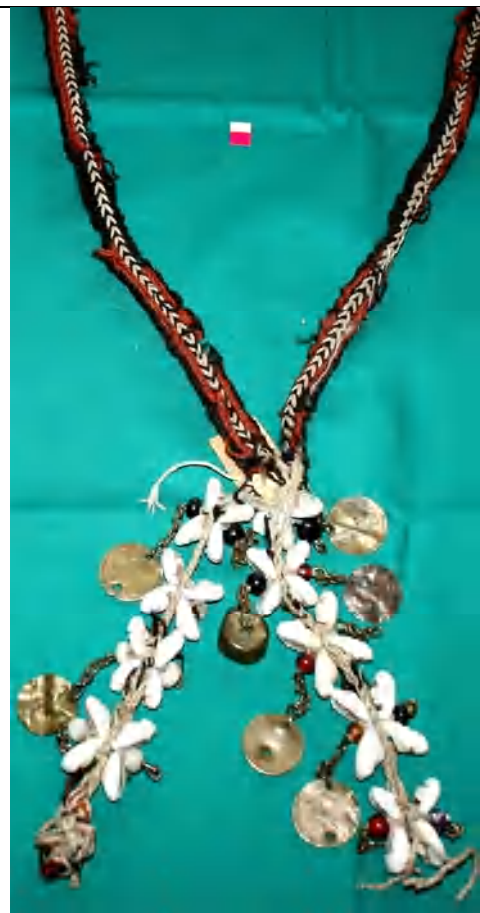
а

б

в

г

Фото 48. Накосники: а, б) колл. Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета; в, г) колл. Омского государственного историко-этнографического музея

а

б

в

Фото 49. Накосник. К. XIX - нач. XX в. Колл. Томского областного краеведческого музея

а

б

Фото 50. Реконструкция кукол *кыдак* на основе материалов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого: а) кукла-девушка; б) кукла женщина с ребенком²⁸⁴

²⁸⁴ Кимеева Т.И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура: статья и тексты коллекционных описей [Текст] / Т.И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Ч. 5. – С. 113.

а

б

Фото 51. Оберег для новорожденного ребенка. Кожа, раковины каури, пуговицы: а) фото Н. П. Дыренковой, 1927 г.²⁸⁵; б) реконструкция музея «Археология, этнография и экология Сибири Кемеровского госуниверситета

²⁸⁵ Дыренкова Н.П. Фотоколлекция № 3662-72 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

а

б

Фото 52. Амулет для больного ребенка. Холст, раковины каури, пуговицы:
а) фото Н. П. Дыренковой, 1927 г.²⁸⁶; б) реконструкция музея «Археология,
этнография и экология Сибири Кемеровского государственного университета

²⁸⁶ Дыренкова Н.П. Фотоколлекция № 3662-79 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

Фото 53. Место хранения старых шаманских бубнов у шорцев.
Фото Г. И. Иванова, 1913 г.²⁸⁷

Фото 54. Участник обряда Коча-кан у шорцев.
Фото Н. П. Дыренковой, 1927 г.²⁸⁸

²⁸⁷ Фото Г. И. Иванова, 1913 г. // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии)

²⁸⁸ Дыренкова Н.П. Фотоколлекция № 3662-96 (фрагмент)// Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

Фото 55. Изготовление глиняного изображения *Кара-Умай* для лечения ребенка. Фото Н. П. Дыренковой, 1927 г.²⁸⁹

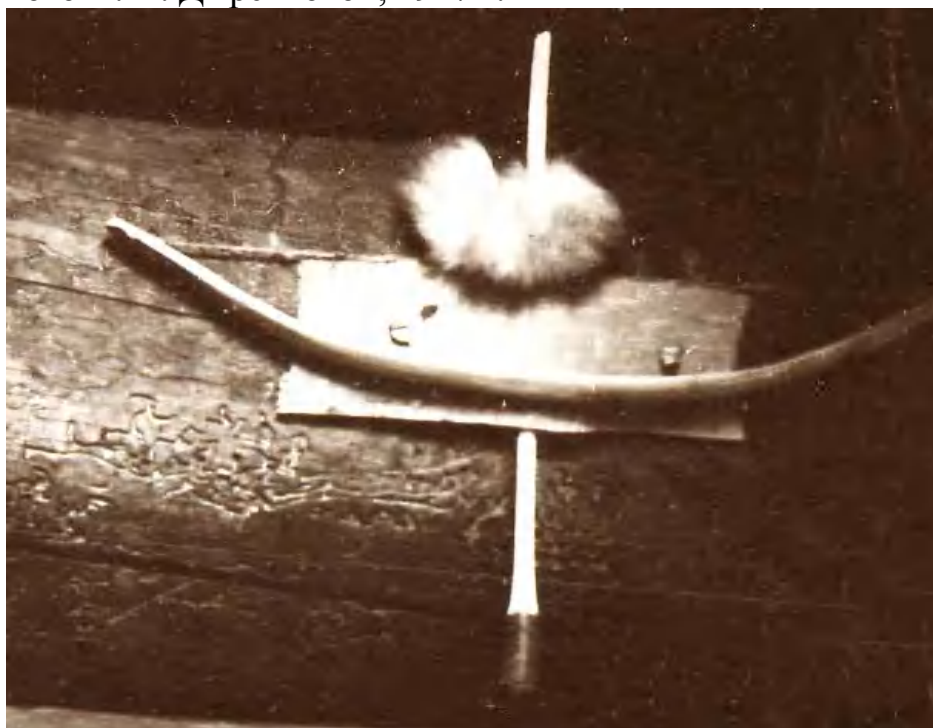

Фото 56. Прикрепление лучка как изображения *Кара-Умай* в специальном месте жилища на стене. Фото Н. П. Дыренковой, 1927 г.²⁹⁰

²⁸⁹ Дыренкова Н.П. Фотоколлекция № 3662-82 // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

²⁹⁰ Дыренкова Н.П. Фотоколлекция № 3662-78 (фрагмент) // Архив Этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» (электронные фотокопии).

Татьяна Ивановна Кимеева – кандидат культурологии, руководитель этнографического отдела Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, доцент кафедры Музейное дело КемГУКИ, автор монографии «Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия», учебных пособий «Основы консервации и реставрации музейных предметов», «История народного искусства Сибири», Традиции и ремесла бачатских телеутов». Занимается проблемами исследования музейных этнографических коллекций и актуализации историко-культурного наследия народов Сибири.